И. А. Масленицына

Век сентиментальных писем

Минск
«Беларусь»
2004

УДК 821.161.1 (476)-32
ББК 84(4Беи = Рус)-44 М31

Серия основана в 2000 году

Масленицына И.А.

Век сентиментальных писем. — Мн.: Беларусь, 2004. — 255 с.
ISBN 985-01-0150-4.

Основу книги, которая является продолжением серии «Двое в истории», составили письма — подлинные документы истории Беларуси XVII века. Это было суровое время, период нескончаемых войн — шведско-польская война («Потоп»), Северная война, «смутное время», мятежи черни, восстания шляхты.

В увлекательной форме рассказано о судьбах мужественных воинов, защищавших Отечество от врагов, об их возлюбленных. Среди жестокости и всеобщего очерствения человеческих душ они сумели сохранить и пронести через годы самые светлые и высокие чувства.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1(476)-32
ББК 84(4 Беи=Рус)-44

ОТ АВТОРА

XVII век... Он был, возможно, самым суровым и безжалостным для Беларуси. Сто лет беспрерывных войн на своей и чужой территории: со шведами, с турками, московитами. Смуты, казачьи бунты, солдатские конфедерации, шляхетские роскоши, «домовые» войны магнатов... Во внешней политике — авантюры и интриги, во внутренней — яростное наступление католицизма и суд инквизиции.

За эти сто лет Речь Посполитая, в состав которой входило ранее независимое государство белорусов и литовцев — Великое княжество Литовское, несколько раз оказывалась на грани гибели. Города и веси то и дело предавались огню и разрушениям. Люди привыкли без содрогания смотреть смерти в глаза. Мужчины годами ели и спали, не снимая доспехов и не расставаясь с оружием. Королевский приказ, долг перед Отечеством или собственные амбиции вынуждали их покидать семьи и идти в очередной поход. Пропахшие потом и гарью, озверевшие от вида крови, льющейся рекой, оглохшие от пушечных залпов и стонов своих гибнущих товарищей, они нередко казались современникам бездушными орудиями смерти.

К счастью, это было не так. Свидетельство тому — их письма друзьям и братьям, родителям и соратникам, женам, невестам и тайным возлюбленным. Письма эти, необыкновенно сентиментальные, теплые и душевные, сохранились до наших дней в частных архивах шляхетских семейств и стали своеобразной узнаваемой реалией той эпохи. Они донесли до нас отзвуки самых прекрасных, возвышенных, самых драматичных а необычных любовных историй. Их герои — суровые воины, таившие в глубине своей души нежность к далеким и прекрасным, «незабвенным», «наймилейшим», «любезным», «сердечным» Аннусям и Зосенькам, Людвисям и Марысенькам.

Истории отдельных людей вместе с историей их государства позволяют исследователям составить наиболее полную картину того, что происходило несколько столетий назад, почувствовать дух времени, лучше понять действующих лиц суровых жизненных драм.

Автор приводит в своем пересказе найденные ею и поразившие ее воображение свидетельства человеческой страсти, превратившей жестокий и кровавый XVII век в «век сентиментальных писем».

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

О том, как князья мечтали о власти, графиня — о короне, а царевич — о любви

В 1603 году князь Адам Вишневецкий, который специально ради этого приехал в Краков из своего имения в Брагиие, неожиданно попросил тайной аудиенции короля Речи Посполитой Сигизмунда III Вазы. Заинтригованный просьбой своего вассала, монарх дал согласие. На встречу во дворец Вишневецкий прибыл не один, а в сопровождении молодого человека лет двадцати пяти, которого он и представил государю. Магнат назвал своего спутника царевичем Дмитрием, законным наследником русского престола, который вынужден долгие годы скрываться от врагов своих на чужбине.

Историю царевича Дмитрия в Речи Посполитой знали очень хорошо. Младший сын Ивана Грозного после смерти своего могущественного отца и воцарения бездетного брата Федора был официально объявлен наследником престола, но внезапно погиб при таинственных обстоятельствах. Говорили, что у девятилетнего Дмитрия случился эпилептический припадок и он нечаянно упал на нож, которым в тот момент играл. Ходили также слухи, будто царевича зарезали убийцы, подосланные злобным боярином Борисом Годуновым. Как бы там ни было, результатом этого стала коронация Годунова на царство после безвременной смерти государя Федора Ивановича.

Рассказ князя Адама Вишневецкого впервые заставил Сигизмунда III усомниться в том, что он знал наверняка. Этот магнат-литвин поведал о том, как два года назад он взял в услужение юношу, молчаливого, скромного, равно как и исполнительного. Пан Адам быстро проникся симпатией к новому слуге. Внезапно юноша серьезно заболел. Видимо, полагая, что смерть его уже близка, он призвал священника и сказал: «Предай мое тело земле с честью, как хоронят детей царских. Не объявлю своей тайны до гроба. Когда же закрою глаза навеки, ты найдешь у меня под ложем свиток и все узнаешь, но другим не сказывай. Бог судил мне умереть в злосчастии».

Священник поспешил поведать князю Вишневецкому о том, что слышал, и они вдвоем приступили к больному, силой изъяв у него пресловутый свиток.

Бумага оказалась письмом опального боярина Мстиславского, который свидетельствовал, что податель сего — действительно царевич Дмитрий, его крестник, спасенный от смерти своим верным медиком. Узнав о планах Бориса Годунова, тот подменил мальчика его

ровесником, иерейским сыном. Далее сообщалось, что Дмитрий некоторое время скрывался у Мстиславского, который, наконец, настоял на том, чтобы подросший крестник покинул Россию и искал убежища в Литве.

У слуги Вишневецкого оказался также золотой нательный крест, украшенный самоцветами, — дар боярина Мстиславского. Такая ценная вещь должна была удостоверять, что юноша этот во всяком случае не холопского происхождения. И уж совсем уверило Вишневецкого в том, что у него нашел пристанище именно царевич, свидетельство очевидца. Константин, двоюродный брат пана Адама, был женат на графине Урсуле Мнишек. Отец Урсулы, Ежи Мнишек, имел некоего холопа, который во времена Ивана Грозного пребывал в Москве в качестве военнопленного и видел царевича Дмитрия трехлетним мальчиком. Этот холоп назвал несколько особых примет. Все они имелись у слуги Адама Вишневецкого: рыжие волосы, бородавки под правым глазом и на лбу, руки разной длины.

Адам Вишневецкий взялся помочь царевичу Дмитрию вернуть престол, свергнув узурпатора и убийцу Бориса Годунова. Первым шагом к исполнению этого плана стала встреча Дмитрия с королем, которую он ему устроил.

Сигизмунд III не знал, что ему предстоит иметь дело с тщательно подготовленным заговором вассалов, магнатов Великого княжества Литовского, а лукавый Вишневецкий представил ему подставное лицо и поведал вымышленную историю, стараясь любой ценой заполучить для исполнения и успеха авантюры войска. Более того, в этих событиях принимали участие не только его брат Константин Вишневецкий и тесть брата граф Ежи Мнишек, но и могущественный князь Василий Острожский и даже влиятельный царедворец, мудрый политик, канцлер Великого княжества Лев Сапега.

Впрочем, следует отдать должное королю. Он интуитивно почувствовал некий подвох. Из осторожности ограничившись на первое время лишь тем, что сочувственно побеседовал с Лжедмитрием, Сигизмунд III назначил ему некоторое денежное содержание, не чрезмерное, но вполне приличное для особы монарших кровей, находящейся в изгнании.

Не более помог «царевичу» и папа римский, который в ответ на страстный призыв авантюристов через своего нунция склонял сына Ивана Грозного «принять римский закон», дабы «после воцарения своего на отцовом престоле открыть своим подданным московитам все преимущества веры католической».

Хитроумным магнатам-литвинам не оставалось ничего другого, как самим продвигать начатое ими дело, собирая для своего ставленника военные силы. Впрочем, главного они уже добились. История чудесного спасения Дмитрия обрела жизнь. Она стала внушать страх в Москве людям, верным царю Борису, и вселяла радость и надежду в сердца его многочисленных противников.

Изучая документы, связанные с историей Лжедмитрия, можно по пунктам восстановить, как начиналась эта великая «литовская» авантюра. Первотолчком к ней, как ни странно, было недовольство магнатов-литвинов своим королем. Вступив во владение Речью Посполитой после смерти выдающегося государя Стефана Батория, Сигизмунд III очень скоро показал себя как монарх малоинициативный, недальновидный, слабый. Пожалуй, он сидел на троне лишь благодаря поддержке Ватикана, довольного его политикой активного окатоличивания своих подданных.

Первым задумался о возможности смены власти всесильный канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега. Выполняя посольское поручение в Москве еще при жизни царя Федора Ивановича, он внимательно приглядывался к этому царю, такому же неавторитетному, как и Сигизмунд III, к тому же еще и слабоумному. Туг ему и пришло в голову, что можно попытаться, противопоставив обоим монархам личность энергичную и обладающую острым умом, низложить их и, присоединив к одной державе другую, занять главенствующее место у престола этой личности. В 1600 году Сапега, посланный вновь Сигизмундом III в Москву заключать «вечный мир» уже с другим русским царем, Борисом Годуновым, которого многие современники обвиняли в смерти царевича Дмитрия, взял с собой некоего юношу и водил его с собою в кремль на аудиенции и приемы. Этот юноша, одногодок Дмитрия, старательно подготовленный канцлером для того, чтобы сыграть роль царевича, вскоре был скрыт в Киево-Печерском монастыре, откуда взял его к себе во дворец престарелый князь Василий Острожский, также ставший соучастником задуманной Сапегой авантюры. Острожского, который был великим радетелем православия, пугало яростное наступление католиков, приведшее при попустительстве Сигизмунда III к тому, что на территории Речи Посполитой стала действовать инквизиция. Знания о жизни и обычаях православной Руси Лжедмитрий получил в основном в Остроге — имении князя Василия.

Вишневецкие присоединились к тайному заговору последними, поделившись своими планами с родственником Мнишком. Далекий от политических устремлений четырех князей-литвинов, поляк-граф

Ежи Мнишек думал лишь о деньгах. Он жил на широкую ногу, поэтому золото в его карманах долго не держалось. В случае удачного завершения авантюры с самозванцем Мнишек мог бы рассчитывать на солидное денежное вознаграждение, приличные должности и новые имения. Но он был жаден и поэтому стал подумывать о том, как бы вернее оттолкнуть в будущем от золотого потока, обещающего пролиться из сокровищницы московских царей, других участников заговора. Для этого он избрал способ неординарный. Пригласив в свой замок в Самбор претендента на русский престол, Мнишек представил ему свою младшую незамужнюю дочь Марину.

Марина красавицей не была: маленького роста, смуглая, с неправильными чертами лица. Несмотря на свою молодость, она обладала острым, практическим умом и, быстро поняв, что от нее требуется, использовала женские чары, употребила все известные ей способы обольщения, чтобы заманить Лжедмитрия в свои сети. И он пал к ее ногам, умоляя «составить счастье всей его жизни». Она обещала это счастье, но только при условии, что ему удастся занять «достойное его свойств и талантов» место на русском престоле.

Вдохновленный нежными словами и согласием юной графини, «царевич» поспешил заключить с ее отцом своеобразный брачный договор. Он подписал грамоты, в которых обещал немедленно по вступлении на престол обвенчаться по христианскому обычаю с Мариной и короновать ее как «царицу своего сердца и всей Руси», подарить ей Новгород и Псков со всеми уездами и пригородами, где «...вольно ей будет своим служилым людям поместья и вотчины... давати». Отцу невесты Лжедмитрий посулил сразу же после приезда в Москву выслать изъятые из сокровищницы московского кремля «...клейноты (реликвии. — Авт.) драгоценнейшие, а равно и серебро столовое», а после венчания с Мариной «дать ему и наследникам его Смоленское и Северское княжества... с городами, замками, селами, подданными обоего пола».

В документе строго оговаривался срок, в течение которого «царевич Дмитрий» должен был выполнить взятые им перед Мариной и ее отцом обязательства, — ровно год. По истечении его Марина вольна была заняться устройством своей судьбы иначе и выбрать себе любого другого жениха.

Когда все эти подробности стали известны остальным заговорщикам, разразился скандал. Лев Сапега, который сам рассчитывал получить Смоленск и Новгород-Северский, потребовал было от своего воспитанника расторгнуть договор, напомнив, кому Лжедмитрий обязан в первую очередь своим теперешним положением. К тому же,

убеждал он, в любом случае это не «царевичу», который вот-вот станет всесильным царем, надлежит подписывать обязывающие его к чему-либо документы, а обедневшему графу Мнишку следует подтвердить письменно готовность отдать свою дочь-бесприданницу за правителя Руси.

Однако все было напрасно. Марина, «смуглая богиня» и «польская нимфа», как называл ее Самозванец, настолько завладела его сердцем и разумом, что уже, казалось ему, само решение добиться царского престола было продиктовано единственно пылкой страстью к ней.

Лев Сапега с негодованием отвернулся от соблазненного девичьими прелестями «царевича» и отошел от заговора. За ним последовал православный князь Василий Острожский, ибо он совершенно неожиданно для себя обнаружил в брачном контракте Мнишков, таком, казалось бы, приватном документе, строки: «...и станем накрепко промышляти, чтоб все Государство Московское в одну веру римскую привести». Учуяв за этими словами руку своих извечных противников — иезуитов, Острожский посчитал для себя недопустимым поддерживать такого претендента.

Потеряв заступничество влиятельных людей, несчастный безродный бродяга, принявший на себя волею судьбы чужое имя, терял, казалось бы, все шансы достигнуть намеченной цели. Но Бог, который, как считает народная молва, помогает влюбленным, рассудил иначе.

Летом 1604 года, кликнув клич по всему Великому княжеству Литовскому, Вишневецкие и Мнишек стали собирать войска под знамена Самозванца. Эта весть тут же достигла престола Бориса Годунова. Обеспокоенный царь отдал приказ своим людям разузнать, кто посмел назваться этим именем. Расследование почти ни к чему не привело. Большинство агентов Годунова в ходе его стали склоняться к мнению, что царевич — самый что ни есть настоящий, что он действительно как-то сумел спастись от убийц и теперь готовится заявить во всеуслышание о своих правах на отцову корону. Уверившись в этом, они, а вслед за ними и те русские люди, которые общались с ними, уже не сомневались, что именно Борис и был тем злодеем, посягнувшим на жизнь царственного младенца. Даже сам царь, было дело, усомнился: «Действительно, чем черт не шутит, вдруг царевич да и настоящий!» И только сообщение некоего монаха по имени Пимен из Чудовского монастыря спасло Годунова от безумия. Этот монах поведал, что в их обители некоторое время жил боярский сын Юрий Отрепьев, который постригся под именем Григорий, последовав примеру своего деда, также чудовского инока. Григорий обитал в

одной келье с дедом, был довольно разумен и любил книжную грамоту, но, видимо, оказался совсем не склонным к служению Богу. Однажды он вместе с двумя другими беспутными монахами, Варлаамом и Мисаилом, исчез из обители, а в келье его нашли записку: «Я царевич Дмитрий, сын Иоаннов, и не забуду вашей ласки, когда сяду на престол отца моего». Отрепьевы всей семьей переживали: уж не их ли Юшка самозванствует «в Литве»?

Теперь, когда Лжедмитрий вступил с войском на русские территории, Борис Годунов спешно разослал во все концы царства манифесты, в которых объявлял, что посягающий на престол — самозванец, монах-расстрига Гришка Отрепьев.

Кстати, эта версия удивительным образом пережила века для того, чтобы появиться в работах выдающихся историков Н.Карамзина и С.Соловьева, а после них — во всевозможных учебниках и научных работах уже как факт несомненный. Тем не менее истина была иной. Доказательством тому может служить рассказ современника событий француза Жака Маржерета, командира отряда наемников, сражавшегося позднее на стороне Годунова против Лжедмитрия. «Упомянутый расстрига, — пишет он, — был от тридцати пяти до тридцати восьми лет, а Дмитрий вступил в Россию юношею двадцати трех или двадцати четырех лет и привел с собою расстригу, которого все видели и коего братья имеют поместья близ Галича. Сей расстрига был известный негодяй и пьяница, за что Дмитрий сослал его в Ярославль, где находился дом Лондонского купеческого общества. Англичанин, живший там в сие время, сказывал мне, что расстрига уже в царствование Шуйского признавал убитого Дми трия истинным Иоанновым сыном, коего он вывел из России. Так говорил сей человек с клятвою, уверяя, что ему действительно принадлежит имя Гришка Отрепьев, прозванный расстригою. Так думают и все россияне, за исключением немногих. Скоро после того царь велел быть расстриге в Москве, а что с ним сделалось, не знаю...»

Как видим, Гришка Отрепьев был всего лишь одним из тех, кто сопутствовал Лжедмитрию в достижении его цели, и сам был уверен в том, что называющий себя царевичем действительно таковым является. Быть может, потому, что, подбирая в свое время подростка, чтобы воспитать из него Самозванца, Сапега учел особые приметы погибшего ребенка, которые были хорошо известны многим русским (рыжие волосы, бородавки, разной длины руки), и нашел мальчика с такими особенностями. Это был юный литвин или поляк, так как, по свидетельству других очевидцев, Лжедмитрий говорил по-русски с легким польским акцентом.

Однако вернемся к нашему повествованию. 24 октября Лжедмитрий наконец двинулся со своим войском в сторону Москвы. Оно было небольшое — всего 15 тысяч, но уверенность в победе не покидала Самозванца с тех пор, когда войско его пополнили донские казаки, возжелавшие отомстить царю Борису, который казнил многих их товарищей за разбои. К ним присоединились и запорожцы, среди которых долгое время скрывался настоящий Гришка Отрепьев и к Которым по приказу Лжедмитрия он был отправлен за подмогой.

Казаки оказались наиболее умелыми воинами из чех, кто пошел за авантюристом, хотя и очень недисциплинированными. Эта их недисциплинированность вместе с необученностью и неопытностью примкнувших к Самозванцу случайных людей, в большинстве своем бродяг и разного рода отщепенцев, для которых главной целью было пограбить да помародерствовать, при общей малочисленности войска неминуемо должна была привести дело к гибели.

Однако случилось непредвиденное. Ожидая после прочтения манифеста Бориса Годунова пришествия наглого расстриги Отрепьева, жители русских городов и сел вдруг с изумлением убеждались, что войско ведет отнюдь не «окаянный Гришка» и что у этого человека те же приметы, что у царевича Дмитрия. Дворяне и бояре стали переходить на сторону Самозванца, признавая его своим господином и государем Руси. Самозванец быстро и без единого выстрела продвигался к Москве. В Моравске жители связали и выдали ему своих воевод. Чернигов встретил его хлебом и солью, тамошняя дружина пополнила ряды его воинов, Самозванец получил также двенадцать пушек. Один за другим на верность «царевичу» присягнули города Путивль, Рыльск, Белгород, Волуйки, Оскол, Воронеж, Кромы, Ливны. Настоящий Отрепьев уговорил сдаться Елец.

Первым городом, который оказал Лжедмитрию сопротивление, стал Новгород-Северский. Горожане были настроены в пользу авантюриста, но прибывший пятисотенный отряд московских стрельцов во главе с боярином Басмановым затворился в крепости, прихватив с собой насильно или по доброй воле наиболее знатных горожан, и ударил по подошедшему войску Самозванца из пушек и пищалей. На подмогу обороняющимся из Брянска выступило спешно собранное Борисом войско. В морозный день 1604 года оно встретилось с воинством Лжедмитрия.

Мучимые тяжкими сомнениями и раздумьями, брянские ратники действовали настолько нерешительно, что были бы непременно разбиты, если бы не конный отряд Маржерета. Семьсот его наемников не только спасли от разгрома Борисово войско, но и помогли

осажденному в Новгороде-Северском Басманову вывести своих стрельцов. Воеводы, которым пришлось позднее оправдываться перед царем, объясняли свои неудачи тем, что якобы литвины Самозванца, надев медвежьи шубы мехом наружу, испугали их коней. Но Маржерет категорически опроверг их выдумку, заявив, что в этой битве «россияне не имели, казалось, ни мечей, ни рук, имея единственно ноги».

Честный и храбрый француз, сам того не ведая, едва не спас царя Бориса. Пестрое воинство Лжедмитрия раскололось надвое. Казаки, перешедшие на сторону «царевича», русские и четыреста самых преданных литвинов выразили желание и далее быть вместе с ним. Остальные же, испугавшись неизвестно чего, поспешили заявить, что не хотят воевать. Даже сам Ежи Мнишек, решивший почему-то, что теперь русские одумаются и, накинувшись на несчастного Лжедмитрия, покончат с ним раз и навсегда, повернул домой. Правда, он довольно сердечно простился с «царевичем», обещая вскоре вернуться с подкреплением, но оба понимали, что обещание это исполнено не будет. Тем не менее самозванец верил в победу, потому и передал с паном Мнишком нежное послание нареченной. В нем он именовал себя так же, как и в официальных документах, царевичем Дмитрием, обещал «идти в бой и на самую смерть» с мыслью о панне Марине.

Бой этот состоялся 21 января 1605 года под Севском. Значительная часть литвинов покинула город, но под началом у Самозванца еще было около пятнадцати тысяч человек. Понесенную утрату восполнили ратники присягнувших ему на верность городов. Царь Борис послал на Лжедмитрия огромные силы — 70 тысяч конных и пеших воинов.

Чтобы отличать своих в сече, воины «царевича» облачились в белые рубахи поверх доспехов. Лжедмитрий, который сражался не столько за царский престол, сколько за право обладать «смуглой богиней» Мариной, верхом на «борзом, карем аргамаке» с мечом в руке сам повел конницу на противника.

Н.Карамзин пишет, что «как истинный витязь, он оказал смелость необычайную: сильным ударом смял россиян и погнал их. Сломил и дружину иноземную, несмотря на ея мужественное, блестящее сопротивление, и кинулся на пехоту московскую, которая стояла... с огнестрельным снарядом и не трогалась как бы в оцепенении».

Впрочем, московские пушкари все-таки опомнились, прогремел залп из сорока пушек, подкрепленный выстрелами двенадцати тысяч стрельцов, и атака захлебнулась. Воины Самозванца побежали. В этот

день их погибло шесть тысяч, около тысячи оказалось в плену, Лжедмитрий потерял тринадцать пушек. Воеводы Бориса приказали своим ратникам, преследующим неприятеля, остановиться лишь тогда, когда до них дошла весть о гибели «царевича». С этим сообщением в Москву немедленно был послан гонец.

Однако Самозванец был жив. На раненом коне ему удалось покинуть поле боя, избежав смерти и пленения. Через некоторое время он объявился в Путивле и стал собирать разбитое и рассеянное свое войско, пополняя его новыми ратниками. На его счастье таковых оказалось немало, ибо опьяненные победой Борисовы воеводы стали карать лютой смертью мирных жителей тех мест, по которым Самозванец проехал, не встретив сопротивления.

Узнав о жестокости воевод, несколько городов, открывших в свое время перед Лжедмитрием ворота, приготовились стоять до конца, но не впускать в свои пределы «волков Борисовых». Осада одного из них — города Кромы неожиданно отвлекла большую часть царского войска, которое должно было идти на Путивль.

Лжедмитрий сумел с пользой для дела распорядиться предоставленной ему передышкой. За два с половиной месяца он привел в полную боевую готовность свои силы. Однако вновь вступить в противоборство с воеводами Годунова ему не пришлось, потому что 13 апреля царь Борис внезапно скончался.

Очевидцы дивились смерти государя Московии. Он умер во время обеда в Золотой палате, где обычно принимал знатных иноземцев. Едва встав из-за стола, царь почувствовал себя дурно, кровь хлынула у него из носа, рта и ушей. Доктора пытались остановить кровотечение, но ничего не помогло. Теряя силы, Борис Годунов благословил на царство своего юного сына Федора и умер.

Странную эту смерть приписали суровой божественной воле, покаравшей «проклятого детоубийцу» и заступившейся за неправедно обиженного царевича Дмитрия. Естественно, что в таких обстоятельствах наследник Годунова не мог рассчитывать на преданность подданных. И действительно Федор пал жертвой измены. Поставленный этим юношей во главе войска боярин Басманов, который еще недавно так рьяно защищал интересы царя Бориса, переметнулся на сторону Самозванца и передал в руки «отца нашего, государя Дмитрия Ивановича» всю армию.

В июне 1605 года в Москве вспыхнул мятеж. Федор Годунов, его мать Мария и сестра Ксения были схвачены. Желая угодить ожидаемому со дня на день в Москве Самозванцу, бояре удушили вдову

царя Бориса и его наследника, а царевну Ксению насильно постригли в монахини.

В тот день, когда Лжедмитрий воцарился на российском престоле, в Самбор, в замок Мнишков, был послан с письмом гонец. «Царь Дмитрий Иоаннович» торжественно подтверждал свою клятву, данную «польской нимфе» Марине Мнишек, и приглашал ее как можно скорее прибыть в Москву, чтобы стать царицей.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

О том, как трудно выдавать замуж царевен

Ожидая прибытия в Москву своей невесты Марины Мнишек, Лжедмитрий наслаждался полнотой обретенной власти, купаясь в роскоши и слушая славословия придворных льстецов. В объятиях его попеременно оказывалась то одна, то другая московская красавица. Наставники Самозванца, знакомя его с бытом и обычаями россиян, предупреждали, что со времен татарского ига московиты привыкли держать жен и дочерей своих в строгости, делая их светлицы такими же запретными для чужих мужчин, как восточные гаремы. Но к удивлению Лжедмитрия среди московиток было не меньше кокеток и ветрениц, чем среди литвинок и полек. Строгость нравов для них была лишь маской, которую они легко сбрасывали, принимая ухаживания нового царя.

Однажды князь Мосальский, вовлеченный Самозванцем в беседу о женской красоте, с улыбкой сказал, что ни одна из тех, кого видел до этого государь, не может сравниться с царевной Ксенией, дочерью Бориса Годунова. Жаль, бедняжка заточена в монастырских стенах. Лжедмитрий загорелся увидеть Ксению. Услужливая челядь тут же бросилась исполнять каприз царя, и вскоре перед ним предстала доставленная из Московского девичьего монастыря печальная царевна. Лжедмитрий взглянул на нее и обомлел, ибо действительно такой красавицы ему еще никогда не доводилось видеть.

Не имея портрета Ксении Годуновой, мы можем судить о ней лишь по описанию, оставленному современником-хронистом. Он пишет: «Царевна Ксения, отроковица чудного домышления, зельною красотою лепа, бела и лицем румяна, очи имея черны, велики, светлостию блистаяся. Когда же в жалости слезы от онию испущает, тогда наипаче светлостию зельною блистает, бровми союзна, телом изобильна, млечною белостию облиянна. Возрастом ни высока, ни низка, власы имеет черны, велики, аки трубы по плечам лежат. Воистину во всех женах благочиннейша, и писанию книжному искусна, и многим цветуще благоречива, во всех делах чредима, гласы воспеваемы любя и песни духовные слушать любит».

Удивительно, что, обладая такой редкой красотой, царевна оказалась настолько несчастливой, что не была выдана замуж, несмотря на все усилия, приложенные ее отцом. Восходя на царский престол, чадолюбивый Борис Годунов даже и представить себе не мог, с

какими трудностями придется ему столкнуться в деле устройства судьбы дочери. Действительность же была такой.

До Ивана Грозного, впервые провозгласившего себя царем, великие князья московские вольны были отдавать своих дочерей не только за правителей иных держав, но и за русских удельных князей, которых было достаточно много, чтобы выбрать достойного жениха. Но то, что хорошо для великой княжны, не подходит для царевны. Она не может стать супругой удельного князя так же, как, например, западноевропейская королевна не может быть выдана за графа, маркиза или барона.

Еще более ограниченным становился выбор женихов из-за непременного условия, поставленного церковью. Царевна обязана оставаться в православии, и дети ее в будущем должны исповедовать веру матери. Такое было возможно только в том случае, если муж царевны оказывался единоверцем. Но где можно было найти такого? Вся Европа была католической и протестантской, Византийская империя пала, мусульманский и буддийский Восток не подходил вообще.

У Ивана Грозного дочерей не было, поэтому его совершенно не волновали проблемы замужества будущих царевен. Царь Федор Иванович, наследник Грозного, был бездетным. Столкнувшись со странной ситуацией, в результате которой его единственная дочь, красавица и умница, могла остаться вековухой, Годунов растерялся. Неплохо было бы внести кое-какие изменения в существующий закон. Но царь Борис боялся быть реформатором, так как не пользовался большой популярностью среди своих подданных. Он решил действовать иначе.

Годунову пришла мысль, что на Ксении мог бы жениться шведский принц Густав. Сын короля Эрика XIV, во времена Ивана Грозного потрясшего Швецию своими безумными деяниями и за это низложенного, Густав не получил отцова престола и вынужден был покинуть страну. Королем Швеции стал его дядя Юхан. Несколько лет провел принц в изгнании, получая скудное жалованье, назначенное ему родственниками. Однако многие его соотечественники полагали, что Густав достоин лучшей доли, ибо отличается душевным благородством и выдающимися способностями к наукам. Он владел кроме шведского русским, немецким, французским и итальянским языками, был прирожденным оратором, прекрасно знал историю и географию. Принц особенно увлекался химией, за что современники прозвали его вторым Феофрастом Парацельсом. В общем, с точки зрения Бориса Годунова, молодой швед вполне годился в мужья для Ксении.

Принца-изгнанника пригласили в Москву, где он был ласково принят и одарен многими ценностями из царских кладовых. Мало того, Борис дал ему в управление город Калугу и еще три маленьких городка впридачу. Царь рассчитывал, что облагодетельствованный Густав не откажет ему в такой мелочи, как переход в православие. В том, что принц с радостью согласится назвать царевну своей женой, Годунов не сомневался.

Однако судьба сыграла с русским царем злую шутку. Густав Шведский приехал в Россию не один. Его сопровождала молодая особа, встреченная им в Данциге и сумевшая покорить его сердце. Эта женщина была незнатного происхождения, поэтому принц не мог жениться на ней. Тем не менее он не собирался расставаться с нею даже ради такой красавицы, как Ксения. Настойчивые уговоры и посулы не помогли, и в конце концов царь рассердился. Он отобрал у принца пожалованную было богатую Калугу и дал взамен маленький бедный Углич. Там строптивый швед находился до самой смерти Бориса Годунова, который, обидевшись однажды, так и не простил его и мстил тем, что отказывался выпустить из России.

Не сумев женить на Ксении шведского принца, Борис предложил принцу датскому Хансу стать его зятем и мужем царевны. Добрый и приветливый, этот юноша оказался романтиком и ради прекрасной невесты-чужеземки согласился сменить веру и навсегда покинуть родину. Едва вернувшись из Фландрии, где он воевал под испанскими знаменами, принц Ханс сел на корабль, который 10 августа 1602 года доставил его в устье Наровы. Там уже ожидала его царская ладья, устланная бархатом. Как только жених царевны ступил на русскую землю, прогремел пушечный салют.

В карете, изукрашенной золотом и серебром, датчанина повезли в Москву. Через месяц он уже был представлен Годунову, который поспешил поразить гостя великолепием обстановки Кремля и пышностью приема. Ханс мечтал увидеть «царевну-ненаглядную красу», о которой судил лишь по слухам. Но Борис, соблюдая все тонкости московского этикета, готовился представить дочь жениху лишь на обручении.

Ксении повезло больше — она сумела разглядеть принца через потайное оконце в прилегающей к пиршественному залу комнате. Юноша понравился ей, и она с нетерпением ждала дня, когда можно будет обменяться с ним хотя бы несколькими словами. Увы, этому не суждено было случиться.

В начале октября принц согласился сопровождать будущего тестя в Троицкую лавру, где тот собирался принести благодар-

ственную молитву Богу перед венчанием дочери. На обратном пути юноша внезапно занемог. Болезнь с каждым днем усиливалась. Встревоженный царь призвал лучших лекарей из россиян и иноземцев, умоляя их употребить все свое искусство и обещая неслыханные милости и награды. Но ничего не помогло. 28 октября принц Ханс скончался. Несчастный отец долго не знал, как сообщить об этом Ксении. Наконец он решился. Войдя в светлицу царевны, Годунов сказал: «Любезная дочь, твое счастье и мое утешение погибло!» Бедная девушка, потеряв сознание, упала у его ног.

Впрочем, царь Борис не думал сдаваться. В 1604 году он отправил своих послов к герцогу Шлезвигскому Яну, которому предложил женить его младшего сына Филиппа на Ксении. Единственным условием по-прежнему было принятие православия с последующим переездом принца в Россию. Казалось, взаимопонимание было достигнуто. Но приученный судьбой ко всяческим горьким неожиданностям, Борис теперь хотел иметь и запасной вариант. Вспомнив, что по крайней мере правители еще одной державы, кроме России, исповедуют православие, он обратил свой взор на древнюю Грузию. Иверский царевич Теймураз Давидович показался Годунову подходящей кандидатурой. Но посол царя Бориса, прибывший в Иверию, с сожалением узнал о том, что персидский шах, который держал грузин в данниках, недавно потребовал, чтобы Теймураз прибыл к нему в качестве заложника. Тогда боярин-посол по собственной инициативе начал переговоры о браке Ксении с молодым князем Хоздроем. Переговоры увенчались успехом, и довольный боярин вместе с новым женихом для царевны двинулся в путь. Но по дороге они узнали о внезапной смерти царя Бориса, и осторожный посол посчитал, что будет лучше одному вернуться в Москву.

Так царевна Ксения и не получила мужа. Но могла ли знать несчастная девушка, насильно постриженная в монахини убийцами матери и брата, что самые горькие страницы ее жизни еще впереди.

Увидев Ксению, Лжедмитрий пришел в такое волнение, что, не желая слушать ничьих доводов, потребовал оставить юную монахиню в его палатах. Настоятельнице Московского девичьего монастыря он велел передать, что царевна туда не вернется. Той же ночью Самозванец силой добился от прекрасной девушки желаемого. Но, видимо, этого ему было мало. Лжедмитрий хотел взаимности. Он окружил Ксению заботой и роскошью, которой была лишена царская дочь в монастыре, позволив ей сменить черное иноческое облачение на шитый золотом сарафан. Он специально вызывал к себе архиепископа, чтобы разузнать у него, нельзя ли официально и законно

вернуть Годуновой статус светской особы. Быть может, Самозванец, околдованный «царевной-ненаглядной красой», раздумывал над тем, не следует ли ему, отказавшись от Марины Мнишек, жениться на Ксении? Если бы это было возможно, он значительно упрочил бы свое положение на престоле, примирив между собой подданных, которые искренне присягнули ему, и тех, кто считал права потомков Годунова на престол более законными. Умный и наблюдательный, Самозванец не мог не заметить уже в первые недели своего царствования, что на Руси относятся подозрительно ко всему иноземному, а значит, полька Марина, гордая и волевая, вполне может прийтись не ко двору в Москве. Другое дело Ксения, которую за доброту, отзывчивость, скромность, исконно русскую красоту любила вся Москва. К тому же она, в отличие от Марины, росла в царских палатах, знала не понаслышке, как следует вести себя русской царице, и могла помочь Самозванцу принять настоящий царский облик.

Увы, беседа с архиепископом расстроила царя. Возможности вернуться в мирскую жизнь для монахини, даже пусть и насильно постриженной, он не видел. Покинувшие монастырь по собственному волеизъявлению иноки и инокини именовались в народе расстригами. Они до конца жизни носили на себе клеймо позора. Возможно, только измена вере своих родителей, переход в католичество могли бы сделать недействительными те обеты, которые заставили Ксению принести во время обряда пострижения.

Но могла ли искренне верующая, истинно русская женщина пойти на это? Конечно, нет. Тем более что Самозванца она никак не могла считать своим избавителем от печальной монастырской доли. Он был для нее самым лютым врагом, погубителем ее семьи и грязным насильником. Все попытки царя заслужить благосклонность Ксении не увенчались успехом.

Тем временем Самозванец получил из Самбора письмо разгневанной Марины. До нее дошла весть о том, что ее жених взял к себе дочь Годунова, и она требовала немедленно отослать монахиню, какими бы чувствами ни было продиктовано ее появление в царских палатах. Письмо это осталось без ответа. Марина поняла всю двусмысленность положения, в котором очутилась. Ей было прислано официальное подтверждение ее прав царской невесты и приглашение в Москву, но при этом отказано в просьбе удалить соперницу. Она колебалась между готовностью с негодованием отвергнуть безродного бродягу, волею случая вознесенного на незаслуженную высоту, и страстным желанием немедленно ехать к нему, чтобы принять из его рук царский венец.

Мнишек употребил все свое влияние, чтобы успокоить дочь. Он сам составил послание для «царя Дмитрия». Вызывая в письме его на мужской разговор, старый граф не поминал ни о чувстве долга, ни о необходимости сохранять приличия. Бесстрастно и цинично разбирая ситуацию, в которой по воле Самозванца оказались они все, Мнишек доказывал всю бесперспективность «любовной интрижки» с Ксенией и советовал «услать ее подалее от соблазна».

Лжедмитрий прислушался к словам старого авантюриста. Несчастная Ксения вновь была облачена в черное монашеское одеяние и по приказу царя вывезена из Москвы. Царевну определили во Владимирский девичий монастырь. Там, непрестанно оплакивая свою судьбу, Ксения провела много лет вплоть до самой своей смерти. До нашего времени дошли горестная песня о несчастной дочери царя Бориса Годунова, сочиненная, как говорят в народе, ею самой, да несколько изукрашенных жемчугом покровов с ликами святых, вышитых Ксенией в ее печальной келье.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

О том, как невесту обрядили в русский сарафан, а на жениха надели скоморожий колпак

Современные исследователи приходят к мнению, что взращенный литвинами для русского престола Самозванец оказался бы, наверное, не таким уж плохим царем, если бы ему удалось удержаться у власти подольше. Действительно, он был энергичен и активен. Мечтая о сильной державе, с первых дней своего правления обратил внимание на боеспособность русского войска и остался недоволен. Познакомившись с боярами-думцами, которым следовало по их долгу быть первейшими советниками царя, Лжедмитрий понял, что большинство из них, кичащихся древностью своего рода и родственными узами с государями московскими, — люди ограниченные, косные, не умеющие видеть выгод того или иного государственного решения.

Желая изменить положение, Самозванец отказался от советов бояр, рассчитывая лишь на себя. Твердо и решительно он взялся за военную подготовку московских стрельцов, устраивая им ежедневные тренировки и смотры, в то время как его предшественники на русском престоле, соблюдая устоявшиеся веками традиции, предавались сладкому послеобеденному сну. Однажды неутомимый царь к изумлению своих подданных, никогда ранее ничего подобного не видевших, даже устроил своеобразные учения, заставив стрельцов брать штурмом ледяную крепость, специально для этого возведенную. Народ наблюдал за чудачествами нового царя с интересом, люди служилые — с недоумением, бояре — с раздражением. Раздражение это должно было рано или поздно выплеснуться, и царь знал об этом. Но он надеялся успеть и, окружив себя преданными людьми, сильным, надежным и обученным войском, выстоять и еще более укрепиться на престоле. Наверное, так и произошло бы, если бы выступление бояр до срока не спровоцировало появление в Москве Марины Мнишек.

Расставшись с Ксенией, Лжедмитрий поспешил исполнить свой долг по отношению к невесте. Полагая, что обиженная Марина теперь не удовольствуется письменным приглашением, он послал боярина Власьева, чтобы тот привез будущую царицу в Москву. Но сперва посланец должен был посетить в Кракове короля Сигизмунда III, передать ему приветственную грамоту «царя Дмитрия» и торжественно просить его как сюзерена графини Мнишек благословить подданную принять венец Российской державы. Пораженный тем,

насколько удачно и скоро «царевич», еще совсем недавно выступавший тут в качестве жалкого просителя, смог добиться престола, король Речи Посполитой устроил в честь Марины торжественный прием, танцевал с нею на балу и поднимал кубок «за здравие царя и царицы Московии».

Невеста Самозванца была в восхищении. Прощаясь с Сигизмундом III, она «упала к ногам его и плакала от умиления», что очень не понравилось боярину, который видел в этом унижение для русской царицы и своей госпожи. Впрочем, король Речи Посполитой был очень галантен. Подняв Марину с колен, он обнял ее, уже как равную себе, и ласково сказал: «Чудесно возвышенная Богом, не забудь, чем ты обязана стране своего рождения и воспитания, стране, где оставляешь ближних и где нашло тебя счастье необыкновенное. Питай в супруге дружество к нам и благодарность за сделанное для него мною и твоим отцом. Имей страх Божий в сердце, чти родителей и не изменяй обычаям польским». Потом Сигизмунд III, сняв с себя головной убор, перекрестил графиню и собственноручно передал ее послу Лжедмитрия.

Марина была счастлива, ее обида на жениха прошла. Теперь она испытывала к Самозванцу лишь благодарность, ибо внезапное возвышение доставило ей множество приятных мгновений и обещало еще больше.

Свое появление в древней русской столице Марина обставила с большой помпой. Она ехала в карете, обитой красным атласом и выстланной вышитыми жемчугом бархатными подушками. Карету везли двенадцать лошадей. Сопровождали царскую невесту многочисленная свита и несколько тысяч богато одетых гусар. Но особенную гордость графиня Мнишек испытывала от того, что на коленях у нее лежало поздравительное письмо от самого папы римского, которое она собиралась вручить жениху. Марина забыла о том, что в последнем своем послании в Сам бор осторожный Лжедми трий подробно расписал, как ей следует вести себя в России, и умолял «хотя бы наружно чтить веру греческую и следовать обрядам ее», ибо «все супруги великих князей были греческой веры, в том числе и дочь Витовтова». Царь предупреждал, «чтобы панна Марина причастилась от патриарха нашего, потому что без того коронована не будет», информировал, что, посещая «греческую церковь», будущая царица не должна «волосы наряжать», что на Руси в субботу мясо не едят, а в среду вообще постятся, и сообщал, что по приезде в Москву до самого венчания Марине придется жить в девичьем монастыре, ибо непристойно невенчанной ей ночевать в царских палатах.

Гордая Мнишек полагала, что ей, царской невесте и почти уже царице, незачем притворяться, скрывая свои истинные чувства. В монастыре к ужасу святых сестер она ела скоромное и принимала музыкантов, которые веселили ее, в то время как все постились. Марина наотрез отказалась посетить русскую баню перед свадьбой, как это было заведено среди россиян. Прогнала учителя русского языка, которого ей послал жених. Введенная в православный храм, крестилась на католический манер.

Подданным Лжедмитрия едва удалось настоять на том, чтобы во время венчания Марина надела сарафан и кокошник, «как пристало русской царице». Но уже на второй день после свадьбы молодая облачилась «в польское, в басурманское, в срамное» платье. Особенно оскорбительно было наблюдать боярам, как Лжедмитрий, исполняя желание своей невесты, сразу же после венчания потребовал от патриарха произвести миропомазание Марины на царство, ибо этот обряд уравнивал «поганую польку» в правах с царем. Подобное и на ум не могло прийти ни одной из прежних цариц, скромно довольствовавшихся своим положением жен и матерей.

Уже девять дней длились свадебные торжества с пушечной пальбой, веселой музыкой, что гремела на улицах Москвы с у тра до вечера, с ломящимися от яств столами и щедрыми возлияниями. Лжедмитрий собирался порадовать гостей зрелищем потешного боя, а Марина, вспомнив о том, какие веселые маскарады устраивались при дворе короля Речи Посполитой, «думала со своими польками плясать в личинах» (масках. — Авт.). Но однако туг разыгралась трагедия.

В руки главного недоброжелателя царя, боярина Василия Шуйского, неизвестно как попали брачный договор Лжедмитрия с Мнишком и то самое поздравительное письмо папы римского, где были, между прочим, такие слова, обращенные к Марине: «Да будешь, ты, дочь, Богом благословлена, и родятся от тебя сыновья благословенные, которых желает святая мать наша католическая церковь, которых обещает благочестие родительское, — самые старательные распространители веры Христовой».

Шуйский немедленно созвал к себе «не только сообщников, не только друзей... но и многих людей сторонних: дворян царских, чиновников военных и градских, сотников, пятидесятников, которые еще не были в заговоре, благоприятствуя оному единственно в тайне мыслей», и предъявил документы, обличающие царя как самозванца, ибо «русский человек, настоящий Дмитрий не желал бы предать русских воле латинян», призвал «дружным восстанием спасти Россию и церковь».

На другой день, 17 мая 1606 года, в четыре часа дня ударил набат. Бояре объявили сбежавшемуся народу, что в этот самый миг «ляхи душат царя». Возбужденная толпа бросилась в Кремль «спасать Дмитрия Ивановича», избивая по пути поляков и литвинов, прибывших в Москву с эскортом Марины.

Воспользовавшись суматохой, заговорщики проникли в покои Лжедмитрия. Самозванец вышел было к ним навстречу с палашом в руках, но, увидев, что врагов слишком много, предпочел бежать. Он еще успел предупредить об опасности Марину, появившуюся в дверях своей опочивальни. Царица бросилась искать спасения среди испуганных полек, своих фрейлин.

Плохо представляя, что происходит на самом деле, царь допустил ошибку, удаляясь в глубь дворца от кричащей толпы московитов, не зная, что те искали его, чтобы «спасти от ляхов». В результате он был окружен и загнан в угол настоящими убийцами. Он еще пытался спастись, выпрыгнул в окно, но, падая, расшибся и все-таки попал в руки заговорщиков. Лжедмитрий потребовал дать ему оружие и позволить сражаться с каждым из врагом по очереди. Но они с глумлением добили того, кто называл себя царем Дмитрием Ивановичем. Мертвому Самозванцу надели на голову скоморошний колпак, на лицо — одну из тех масок, что заготовила Марина для маскарада, вложили в руки дудку и волынку, «дабы все видели и разумели, что сие не царь от Бога, но скоморох», игравший роль царя.

В это же время толпа вломилась в покои, где скрывалась Марина. Царицу спасла от гибели старая обер-гофмейстерина, спрятав ее под свою широкую юбку. Позже, когда страсти немного улеглись, Марина попалась кому-то из мятежников на глаза. Вместе со своими верными фрейлинами гордая полька подверглась в тот же день насилию и унижениям. Но жизнь им сохранили.

Марина, ее отец и брат, также приехавшие на свадьбу, были сосланы новым царем, Василием Шуйским, в Ярославль. Мнишки томились там около полутора лет, а затем им предложили свободу ценой отречения Марины от царского титула. Сначала она с негодованием отвергла это предложение, но спустя несколько месяцев сдалась. Тюремщики полагали, что сделать это пленницу заставило беспокойство о судьбе близких, ведь ей неоднократно повторяли, что здоровье и жизнь отца и брата зависят от ее решения.

Тем не менее у бывшей царицы был иной повод для того, чтобы любой ценой обрести свободу. Нежданно-негаданно Марине представилась возможность вернуть утраченный престол, и она с отчаянной решимостью ухватилась за нее.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

О том, как школьный учитель добился благосклонности богини

В описываемые нами времена жил в городе Шклове некий молодой человек по имени Иван. Он был крещеным евреем и работал школьным учителем. Сейчас уже неизвестно, что именно преподавал он шкловским ребятишкам: то ли латынь и чистописание, то ли историю и математику. Говорят лишь, что был он очень строг и жестоко наказывал своих учеников за малейшую провинность. Родители и рады бы возмутиться, да боязно. Учитель пользовался недоброй славой чернокнижника. Будучи человеком очень образованным, он действительно нередко заглядывал в запрещенные для добрых христиан работы оккультистов и астрологов. Таинственная иудейская «Каббала», говорят, стала его настольной книгой.

Однажды Иван решил составить себе гороскоп и с удивлением обнаружил, что именно сейчас звезды расположены как нельзя более благоприятно для того, чтобы его судьба в корне изменилась. Скромный учитель может стать царем великой державы, только надобно проявить смелость и решительность.

Вскоре после этого до Шклова докатились слухи, что в Москве убит «царь Дмитрий Иванович», который совсем недавно собирал по всему Великому княжеству Литовскому войско, чтобы «отстоять свои законные права на отцов трон». Поговаривали, что Дмитрий скорее всего самозванец, да так считал и сам Иван. Тем более удивила его неожиданная удача этого отчаянного человека. Многие литвины после воцарения «Дмитрия Ивановича» поспешили в Москву — искать там «хорошей службы и царской ласки». Но в день, когда мятежники убили того, кто был возведен на престол как законный наследник Ивана Грозного, безжалостная толпа жестоко расправилась с несколькими сотнями несчастных пришлых — «чужеземцев».

Жители Великого княжества Литовского были настолько потрясены, что, когда новый русский царь Василий Шуйский отправил для переговоров в Краков своих послов, их в белорусских городах и местечках встречали градом камней и криками: «Убийцы! Палачи!» Разделяя настроения своих подданных, король Речи Посполитой Сигизмунд III не спешил признать нового соседа-монарха и всячески затягивал переговоры.

Впрочем, Шуйский, занявший престол в результате мятежа, оказался непопулярным и среди россиян. Кто-то распустил слух, что царь не был убит, ему вновь удалось спастись. И охотно поверив этой

красивой выдумке, непокорные подданные Шуйского заявили о своей преданности «государю Дмитрию Ивановичу», который, как говорили, сейчас скрывается в Самборе, у своей тещи пани Мнишек. Юго-западные русские города, некогда первыми присягнувшие Самозванцу, затворили свои ворота перед армией Шуйского и его наместниками. Боярин Шаховской и казак Болотников собрали внушительные силы, которые вступили в жестокую борьбу с Шуйским и дошли уже почти до самой Москвы, объявляя на захваченных территориях царя низложенным. Но кого же они посадили бы на русский престол в случае захвата столицы? В Литву был послан казачий атаман Заруцкий. Он поклялся привезти к повстанцам «царя Дмитрия» и действительно вернулся не один.

Мы не знаем, где и как произошла встреча Заруцкого с тем, кого он счел самым достойным кандидатом на эту роль. Можем лишь констатировать факт, что шкловский учитель Иван, поверив звездам, стал Лжедмитрием II.

Нового Самозванца с восторгом приняло сборное разноязыкое воинство. Смущало лишь одно — внешность этого претендента. Он был совсем не похож на того, чью роль взял на себя. В отличие от рыжего Лжедмитрия I, «обличьем смугл, волосом черен, на голове волосы курчеваты, взглаживает их вверх». Вместо двух больших бородавок на лице у нового самозванца была одна. К тому же он, не в пример всегда гладко выбритому своему предшественнику, носил длинные усы и бороду.

Чтобы народ поверил шкловскому учителю, нужно было подтвердить его личность свидетельством человека, в чьих словах никто бы не сомневался. И Лжедмитрий II решился на отчаянный шаг. Зная, что в Ярославле в плену находится жена Лжедмитрия I, «смуглая богиня» Марина Мнишек, он отправил к ней гонца с тайным посланием. Новый Самозванец, называя себя ее мужем, обещал Марине сполна отомстить обидчикам и вернуть ей утраченную корону. Неглупая полька все сразу поняла. Взамен у нее потребуют всенародно признать автора письма царем: Дмитрием Ивановичем. Расчет был верен. Марине Мнишек нечего было терять, поэтому она без колебаний согласилась. Желая скорее получить обещанное, она тут же написала «супругу своему» нежное письмо, предъявляя которое тут и там, Лжедмитрий II привлек на свою сторону многих сомневающихся.

С переменным успехом борьба за власть в России длилась еще несколько месяцев. То отступая, то вновь захватывая города и села в непосредственной близости от столицы, Самозванец из Шклова

наконец прочно обосновался в подмосковном селе Тушино, откуда царю никак не удавалось выбить его.

Именно в это время Марина Мнишек, подписав наконец грамоту, в которой официально отрекалась от титула русской царицы, получила свободу и право выезда в Великое княжество Литовское вместе с отцом и братом. До границы Мнишков должен был сопровождать отряд верных Шуйскому стрельцов. Но на пути их уже ожидала засада. Воины «Тушинского вора» (так назвали Лжедмитрия II в Москве) отбили Марину и ее близких для того, чтобы немедленно препроводить в стан «царя Дмитрия». Чтобы «смуглая богиня» не сомневалась в намерениях Самозванца, ей туг же было вручено письмо.

«Мы сердечно обрадовались, — писал Лжедмитрий II, — услышав о вашем отъезде из Москвы, ибо лучше знать, что вы далее, но свободны, нежели думать, что вы близко, но в плену. Спешите к нежному супругу. Не в уничижении, как теперь, а в чести и в славе, как будет скоро, должна видеть вас Речь Посполитая».

И окрыленная Марина устремилась навстречу своей судьбе. Н.Карамзин пишет: «Узнав, что она приближается, Самозванец велел палить из всех пушек, но Марина остановилась в шатрах за версту от Тушина, — там было первое свидание, и не радостное, как пишут. Марина знала истину, знала верно, что убитый муж ее не воскрес из мертвых, и заблаговременно приготовилась к обману. С печалью, однако же, увидела сего второго Самозванца, гадкого наружностью, грубого, низкого душою. И не мертвая для чувств женского сердца, содрогнулась от мысли разделять ложе с таким человеком. Но поздно! Мнишек и честолюбие убедили Марину преодолеть слабость. Условились, чтобы духовник воеводы Сандомирского (Ежи Мнишка. — Авт.), иезуит, тайно обвенчал ее с Лжедмитрием, который дал слово жить с нею как брат с сестрою до завоевания Москвы».

Въезжая в Тушино в сентябре 1608 года, Марина уже не лгала, называя «Тушинского вора» своим мужем. Он стал таковым перед Богом и людьми после совершения тайного обряда венчания.

Появление Марины Мнишек в Тушине поспособствовало тому, что царя Шуйского стали покидать даже самые, казалось бы, проверенные союзники. Лжедмитрию II один за другим сдались города Суздаль, Переяславль, Владимир, Углич, Кострома, Галич, Вологда, Ярославль. Его воеводы — поляк Лисовский и литвин Ян Павел Сапега, племянник Льва Сапеги, разорили Кинешму, Шую, Тверь. Вот-вот, казалось, падет и сама Москва. Самозванец, оставаясь наедине с Мариной, делился с нею самыми сокровенными мыслями. Он даже показал ей свой гороскоп, составленный им еще в Шклове, и

пояснил ошеломленной женщине, что судьбою назначено ему воцариться в Москве ровно на три года, быть затем преданным своими соратниками, низложенным и изгнанным из российской столицы. Но это ничего. Он вновь отвоюет корону и будет править тридцать лет до самой смерти. Колдовской, мистический ореол делает мужчину привлекательным в глазах женщины. Поддалась минутному порыву страсти и «смуглая богиня», забыв об условии, которое сама же и поставила Лжедмитрию.

Пелена не спадала с глаз Марины. Очарованная «шкловским чернокнижником», приглядываясь к тем, кто находился рядом с ее новым мужем, она видела в них отважных рыцарей, горящих желанием вернуть ей утраченную корону.

Действительность же была печальна, ибо на самом деле Марина находилась в вертепе разбойников, бандитов и убийц. Покорив почти всю Россию от западных ее границ до Москвы, прельстив именем вновь спасенного Дмитрия доверчивых россиян, соратники Самозванца с его дозволения теперь бесчинствовали на подвластных им территориях. Причем русские перебежчики оказывались еще более гнусными злодеями, чем литвины и поляки.

Современник событий священник Авраамий Палицын пишет: «Россию терзали свои более, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями ляхов были наши изменники, первые и последние в кровавых сечах; ляхи с оружием в руках только смотрели и смеялись безумному междоусобию... Сердце трепещет от воспоминания злодейств: там, где стыла теплая кровь, где лежали трупы убиенных, там гнусное любострастие искало одра для своих мерзостных наслаждений... Святых юных инокинь обнажали, позорили. Лишенные чести, лишались и жизни в муках срама... Были жены, прельщаемые иноплеменниками и развратом, но другие смертью избавляли себя от зверского насилия... Не было милосердия: добрый, верный царю воин, взятый в плен ляхами, иногда находил в них жалость и самое уважение к его верности, но изменники называли их за то женами слабыми и худыми союзниками царя Тушинского. Всех твердых в добродетели предавали жестокой смерти».

Впрочем, Марина Мнишек ничего не могла бы изменить, даже искренне желая этого. Ее роль была четко очерчена. Она была всего лишь инструментом в борьбе Лжедмитрия II за власть.

Пробыв в стане «Тушинского вора» несколько месяцев, отец Марины и ее брат спешно засобирались в Самбор. Оставшись одна, она иногда чувствовала себя одинокой и покинутой. В такие минуты женщина брала в руки перо и изливала душу в жалобных письмах

родственникам. Но ни разу ей в голову не пришло, что она могла бы без всякого риска для себя покинуть Лжедмитрия II и последовать за отцом в Самбор, ожидая там сообщения о победе или гибели шкловского учителя. За это судьба уготовила ей незавидную участь наблюдать, как Самозванец из героя, встреченного в России с восторгом и слезами умиления, постепенно превращается в глазах простых людей в злодея, достойного петли. Бесчинства воинст ва «Тушинского вора» привели к тому, что против него поднялась волна возмущения, которая вылилась в открытое сопротивление.

В конце концов Самозванец не удержался в Тушине. Узнав о том, что бывшие приверженцы собираются выдать его Шуйскому, в ночь на 29 декабря 1609 года бывший шкловский учитель тайно покинул свой стан. Лишь одна Марина знала, что новым пристанищем Лжедмитрия станет Калуга. Доброжелатели уговорили ее вернуться на родину. Но «смуглой богине» не вовремя вспомнились слова Самозванца о том, что ему суждено воцариться и править три года, быть преданным соговарищами, бежать и шюш. сесть па трои, уже на тридцать лет. А что, подумалось ей, если звезды посчитали сидение Лжедмитрия в Тушине этим воцарением? Ведь тут, карая и милуя, повелевая огромной частью России, находясь в гораздо более завидном положении, чем царь Шуйский, провел Самозванец как раз три года. И ведь не случайно россияне называли его между собою не только «Тушинским вором», но и «Тушинским царем». Теперь «Тушинский царь» бежал в Калугу от предательства. Все, как в предсказании. Значит, судьба еще повернется к нему лицом, он воссядет на московский престол, и если не она, то другая, более смелая женщина займет рядом с ним место царицы. И Марина приняла решение.

Покидая Тушино зимой 1610 года, одетая в мужское платье, она успела отправить два письма. Одно было адресовано ее родственникам. «Правосудие Всевышнего, — писала она в нем, — не даст злодею моему, Шуйскому, насладиться плодом вероломства. Кому Бог единожды дает величие, тот уже никогда не лишается сего блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмеваемому на часы облаками».

Второе предназначалось Сигизмунду III. Там были такие строки: «Счастье оставило меня, но не лишило права властительного, утвержденного моим царским венчанием и двукратной присягой россиян... Волею Божьей, московская царица, властительница многих народов, не могу вернуться в звание польской шляхтянки, никогда не захочу этого».

Еще почти год Марина вместе с Лжедмитрием II боролась за власть. За это время россияне, одинаково презиравшие и Шуйского, и «Тушинского вора», успели низложить своего царя, договориться с Сигизмундом III о приглашении на русский престол его сына, королевича Владислава, и впустить королевское войско в Москву. Предсказание звезд и не думало сбываться. В сентябре 1610 года Самозванец был убит в Калуге во время охоты своим бывшим приятелем, князем Петром Урусовым, которого он смертельно обидел, заточив ни с того ни с сего в темницу на несколько дней. Марина Мнишек вновь осталась одна.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

О том, как «дикое сердце» «билось любовью»

Есть люди, которым суждено войти в историю в качестве отрицательных персонажей. Большинство из них — изменники и трусы, насильники и стяжатели, которые не могут рассчитывать ни на что, кроме глубочайшего презрения потомков. Но есть и такие, которые своей бесшабашной смелостью и отвагой, душевной силой и страстностью невольно вызывают уважение. Падшие ангелы восточнославянской истории... Одним из них был казак Иван Мартынович Заруцкий, ближайший сподвижник Лжедмитрия II.

Он родился в Тернополе как подданный короля Речи Посполитой, но юность свою провел у татар, куда волею судьбы попал в плен. Потом, бежав от неверных, нашел пристанище у донских казаков, которые научили его «паче всего иного любить волю вольную». Прирожденные воинские способности, развитые благодаря добрым учителям, которых нашел Заруцкий на Дону, выдвинули его со временем в казачьи атаманы. Именно в этой ипостаси и примкнул он к мятежникам, выступившим против Шуйского «именем царя Дмитрия Ивановича».

Если верить хронистам и свидетельствам очевидцев, у Лжедмитрия II не было воевод более умелых и опытных в военных делах и более верных, чем атаман Заруцкий. Правда, был еще Ян Павел Сапега, князь, племянник канцлера Льва Сапеги, герой Кирхгольмской битвы, за буйство изгнанный из своего отечества. С этим смелым и решительным воином Заруцкий находился в постоянном негласном соперничестве, что было на руку Самозванцу, ибо приносило ему все новые победы.

Выказывая ревность на службе у «Тушинского царя», Заруцкий никогда не забывал, кем на самом деле являлся тот, кому он всенародно присягнул как «своему государю и повелителю». Ведь это именно он, неистовый казачий атаман, о котором русский летописец сказал: «Это дикое сердце не знало ни жалости, ни сострадания к тем, кто на свою беду оказывался в числе его противников»,— своей волей возвел скромного шкловского учителя в цари. Оставаясь наедине с Самозванцем, Иван Заруцкий не церемонился с ним, нередко грубо обрывая словоизлияния своего собеседника и безжалостно осмеивая его. В глазах казачьего атамана «Тушинский царь» имел единственное преимущество перед ним — он умел читать и писать. Впрочем, и это преимущество, с точки зрения Заруцкого, было довольно сомни-

тельным, ибо, как и многие его современники, он полагал, что ученые люди быстрее попадают в ад.

Если кто-то и заставлял Заруцкого относиться к нему с истинным уважением, то это была Марина Мнишек. И дело не в том, что законная русская царица была единственным человеком в Тушине (рядом с лжерыцарями, монахами-расстригами, ненастоящими боярами и дворянами, получившими право называться таковыми от самозванного царя), который не прятал свою истинную суть под личиной. Просто Марина волновала Заруцкого своей горделивой прелестью. С той самой минуты, как атаман увидел ее в стане Лжедмитрия II, он испытывал непривычное для него чувство стыда за то, что избранный им на роль царя авантюрист настолько никчемен и недостоин обладать этой величественной женщиной. Впрочем, казачьему атаману до поры до времени удавалось скрывать свои чувства и казаться невозмутимым в присутствии царицы.

Все переменилось со смертью Самозванца. Когда в Калугу пришла весть о его гибели, обезумевшая женщина среди ночи, полуодетая, с зажженным факелом в руке выбежала на улицу, повелев бить в набат. Со слезами на глазах она требовала немедленной мести. Убийца Лжедмитрия II Петр Урусов был татарин. К утру в Калуге не осталось в живых никого из татар.

Но все равно ничего исправить было нельзя, и Марина понимала это. Положение ее среди приверженцев Самозванца, объединенных лишь именем «царя Дмитрия», но готовых при первой же возможности, как хищники, накинуться друг на друга, было непрочным. Осложнялось оно тем, что царица ожидала ребенка. Инстинктивно страшась того, как может подействовать на окружающих известие об этом, Марина до последнего момента скрывала свою беременность, одеваясь в просторные бесформенные платья, но с гибелью ее мужа все некстати открылось. Когда обезглавленное тело Самозванца привезли в Калугу для погребения, у Марины от потрясения начались преждевременные роды. К счастью, младенец, нареченный Иваном, выжил. Официально он считался царевичем и наследником «Дмитрия Ивановича». Но могла ли позволить шайка отщепенцев, лишь на словах повиновавшихся шкловскому учителю, признать над собою главенство этого несчастного ребенка?

Группа именитых перебежчиков объявила вдову Лжедмитрия II арестованной. В Москву был немедленно послан гонец, который должен был передать думным боярам, управлявшим столицей в период междуцарствия, что они не хотят служить «ни срамной вдове двух обманщиков, ни ее сыну, действительному или мнимому».

Обещали присягнуть на верность тому царю, которого выберет себе русский народ и которого коронуют в Москве, и просили прислать надежную охрану для препровождения «Маринки Мнишковой» в столицу.

Небезосновательно полагая, что ничего хорошего ей с ребенком ожидать от боярского суда не следует, Марина в отчаянии призывала на помощь оказавшегося в то время вдали от Калуги и умевшего быть безрассудно смелым Яна Павла Сапегу. Оставляя дочь в Тушине, старый Ежи Мнишек, имевший все основания не доверять Лжедмитрию II, просил случайно встреченного им здесь Сапегу быть защитником Марины. Ян Павел клялся «честью шляхтича и рыцаря» быть рядом «со своей царицей» в торжестве или в беде. Верный данному слову, он не раз как нельзя кстати приходил на помощь, защищая ее имя и женскую честь от тушинских мерзавцев. За это Сапегу, издеваясь над Мариной, пленители называли отцом «ее щенка».

Сапега действительно был симпатичен Марине, но она как богобоязненная католичка не могла и помыслить о нем. Как бы там ни было, она считала себя замужней женщиной, Ян Павел Сапега тоже был женат. Марина знала супругу князя Софию Вейгер, мать его четырех сыновей, по которой он очень скучал.

Верный человек был отправлен Мариной из Калуги с письмом для Сапеги. «Освободите, ради Бога! Освободите! — взывала узница. — Мне осталось жить всего две недели. (Именно через две недели ожидали прибытия стрелецкого отряда для конвоирования в Москву «поганой польки». — Авт.) Вы славны, будьте же еще славнее, спасите несчастную. Бог наградит вас».

Но Сапега не успел прийти на помощь Марине, Спасение пришло с другой стороны. На ее узилище внезапно напал «со своими головорезами» Иван Заруцкий. Ему удалось освободить царицу в самую последнюю минуту, когда она уже потеряла всякую надежду.

Отчаянный атаман увез женщину, давно уже владевшую его тайными помыслами, в Коломну, где она с ребенком могла чувствовать себя в относительной безопасности. Там с уст человека, которого упрекали в том, что в груди его бьется «дикое сердце», впервые сорвались слова нежных признаний. И она не могла не покориться ему, отважному красавцу, вырвавшему ее из рук мучителей. Наконец в ее жизнь пришла настоящая любовь, и, подчиняясь этой сумасшедшей страсти, двадцатидвухлетняя царица чувствовала, что она — единственная, первая и последняя.

Исследователи нередко обвиняют Заруцкого в том, что его связь с Мариной была порождена желанием самому занять московский

престол. Но казак, «паче всего иного любящий волю вольную», навряд ли мог быть прельщен мыслью сменить свое независимое положение «степного сокола» на золотую клетку. Это она, Марина Мнишек, свела его с ума настолько, что он обещал ей любой ценой вернуть утраченное величие. Пускай она официально отреклась от права именовать себя царицей (так даже лучше для их любви, так она ближе к нему), но ведь Марина — мать царевича Ивана Дмитриевича. Уж Заруцкий добьется того, чтобы этот мальчик стал русским государем!

С дерзостью и безрассудством влюбленного человека атаман взялся за исполнение задуманного. Прежде всего он со своими казаками присоединился к ополчению Прокопа Ляпунова, под началом которого действовал прославленный русский герой князь Пожарский. Ополченцы окружили Москву, занятую воинами королевича Владислава. Заруцкий рассчитывал освободить русскую столицу от войск главного претендента, а потом заявить о правах на престол сына Марины.

Однако непредвиденные обстоятельства помешали осуществлению этого плана. Среди казаков вдруг стал распространяться слух о том, что Ляпунов отдал ополченцам приказ, чтобы сразу же после захвата Москвы они обрушились на людей Заруцкого, били и топили «этот злой народ». Возмущенные казаки пригласили Ляпунова на сход и, не желая слушать никаких объяснений и оправданий, накинулись на него и порубили саблями. После его гибели 80-тысячное ополчение разошлось, а Заруцкий, оставшийся с 50 тысячами плохо повиновавшихся ему казаков, штурмовать столицу не рискнул.

Тем временем, позавидовав сыну, королевичу Владиславу, которому присягнул ряд русский городов, Сигизмунд III решил добыть московский престол для себя самого. Командующий армией короля гетман Ян Кароль Ходкевич предложил Заруцкому вступить в переговоры. Казачий атаман с некоторой опаской все же согласился, полагая, что, может быть, Сигизмунд III, сев на русский трон, выделит сыну Марины некую область, где тот мог бы править, номинально царь — фактически вассал Москвы. Но Ходкевич не был уполномочен своим государем раздавать столь щедрые обещания. Переговоры сорвались, едва начавшись.

Тогда атаман-«дикое сердце» решил действовать на свой страх и риск. Забрав Марину из Коломны, он повез ее в северо-восточные степи, где начал собирать под знамена «царевича Ивана» людей отчаянных, которым нечего было терять и которые всегда искали приключений. Где убеждениями, а где и силой Заруцкому удалось заставить несколько больших и малых русских городов принести

присягу на верность младенцу Ивану Дмитриевичу. Но действия его, неорганизованные и не поддержанные народом, загодя были обречены на неудачу. Вскоре нижегородец Кузьма Минич Сухорукий, прозванный в народе Мининым, и князь Дмитрий Пожарский взяли в свои руки дело освобождения России от войск иноземных претендентов и поспособствовали восхождению на престол молодого боярина Михаила Романова. В 1613 году Иван Заруцкий со своими казаками потерпел поражение под Воронежем и бежал с Мариной и ее сыном в Астрахань, с которой незадолго до своей гибели успел установить связи Лжедмитрий II.

Отчаянный казак еще не терял надежды сделать свою возлюбленную правительницей, пытался создать что-то вроде Астраханской державы. С этой целью он переписывался с персидским шахом, добиваясь его опеки, заключал договоры с ногайскими татарами и турками, рассылал «прелестные» письма волжским и донским казакам. Но судьбою не дано было атаману довести до конца свой дерзкий замысел.

В 1614 году в Астрахани вспыхнуло народное восстание. Заруцкий и Марина были вынуждены спасаться на Яике. Однако там местные казаки выдали их московским властям.

Разлученный со своей царицей, Заруцкий в ожидании смерти диктовал в темнице письмо Марине Мнишек. Утешая ее в несчастье, он просил простить все его прегрешения, «как прощают люди их друг другу перед лицем Бога в пасхальную неделю», и добавил: «Знай, госпожа, что сердце мое всегда билось к тебе любовью».

Иван Заруцкий был приговорен к лютой казни — при стечении многотысячной толпы его посадили на кол. Последним словом, сорвавшимся с уст этого мужественного человека, было имя любимой женщины.

Четырехлетнего сына Марины сначала задушили, а потом повесили на городских воротах.

О том, каким был конец самой Марины, исследователи спорят. Согласно одним источникам, она была насильственно пострижена в монахини и заключена в один из московских монастырей, по другим — брошена в темницу, где и умерла в том же 1614 году.

Есть версия, что гордая полька взошла на эшафот вместе с Иваном Заруцким и палач отрубил ей голову, которую она так и не склонила ни перед кем. Интересно, какими были последние слова той, которая девять дней была русской царицей, а затем девять лет боролась за свои права? Молчит история...

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

О долгих разлуках и коротких свиданиях

Прижимая к сердцу письмо, женщина плакала в ночи: «Моя наймилейшая Зосенька, моя сердечная утеха. Моя единственная, бесконечно любимая...» Уже который месяц ее ложе было холодным, потому что супруг ее, гетман великий литовский Ян Кароль Ходкевич, опять находился в походе.

Такая уж, видно, досталась ей доля, жизнь свою проводить в слезах и молитвах, в тревоге и ожидании вестей от того, в которого была она до сих пор влюблена так же, как и восемнадцать лет назад, когда с волнением и восторгом ответила согласием на его предложение. К счастью, муж старался писать как можно чаще, утешая ласковыми словами и подробно рассказывая обо всем, что с ним происходило вдали от дома. Кто бы мог подумать, что письма эти, старательно сохраненные ею для детей и внуков, через триста лет будут извлечены любопытной рукой из частного архива и станут всеобщим достоянием! Филологи объявят их шедеврами эпистолярного жанра, а историки — ценнейшим источником сведений о XVII столетии.

Ян Кароль Ходкевич женился на Зосеньке в 1593 году. Ему было в то время уже за тридцать. Холостяковал, мечтая о настоящей, возвышенной любви, о «восторженной панне, чистой и целомудренной». И неожиданно встретил ее в лице молодой бездетной вдовы князя Яна Олельковича Зофьи, дочери воеводы подольского Миколая Мелецкого.

Женщина неброской внешности, не стяжающая славы ни «просвещенной жены», ни роковой губительницы мужских сердец, она очаровывала светом доброты, льющимся из глубоких серых глаз, умением понимать и сопереживать. Именно эти редкостные качества и привлекли к Зофье внимание Ходкевича. Он просил ее руки, и его предложение было принято с благодарностью. Но не успел закончиться первый, медовый год их совместной жизни, как необходимость потребовала участия Яна Кароля в военных действиях против мятежных казаков Северина Наливайко.

Наливайко объявил войну польской шляхте, желая отомстить за гибель отца и потерю родового имения. Его ближайшие соратники провозглашали себя борцами за права православных Речи Посполитой. Но основная масса казаков пошла за ними с единственной Целью погулять да пограбить.

Оставив свою Зосеньку «в тягости» и сильно переживая за нее, именно тогда Ходкевич и написал ей первое, необыкновенно пространное письмо. Он не стал пугать беременную женщину описаниями зверств, учиненных казаками в захваченных городах и селах, не стал перечислять, сколько замученных бесчинствующими мятежниками мирных жителей довелось ему увидеть. В этом письме говорил он лишь о своих чувствах, о своей любви и опасениях за здоровье супруги.

Ребенок, Героним Криштоф, родился в отсутствие отца. Ходкевич увидел его лишь после того, как войском Речи Посполитой была одержана победа над казаками Наливайко, а их предводитель казнен в Варшаве.

Три года мирной жизни даровала после этого судьба Яну Каролю и Зосеньке. Но и они были омрачены горем и печалью. После Геронима родила пани Ходкевич еще одного сына, но он вскоре умер. Надеясь облегчить участь младенца в той неведомой загробной жизни, безутешные супруги много жертвовали на костелы, монастыри и больницы. И это еще более их сблизило.

В 1599 году Ходкевич вновь отправился на войну, на этот раз в Молдавию, чтобы защищать господаря Иеремию Могилу, вассала Речи Посполитой, от претендента на его престол валашского воеводы Михая Храброго.

Словно белые птицы, одно за другим летели к «наймилейшей Зосеньке» письма, написанные Яном Каролем во время Валашской кампании. В них были уже не только слова любви, но и похвала храбрым соратникам своим, и переданное в скупых строчках описание подвига самого Яна Кароля, который в главном бою у реки Телечина, действуя смело и решительно, вырвал победу у противника. За этот подвиг Ходкевич получил булаву гетмана польного литовского, стал вторым лицом после гетмана великого Криштофа Радзивилла в войске Великого княжества.

Вернувшись домой на несколько месяцев, Ян Кароль вместе с супругой энергично занялся строительством каменного замка в своем имении в Ляховичах и костела в Быхове. Желая угодить пани Зосеньке, он спешит на королевский рыцарский турнир, где, избрав жену своей прекрасной дамой, стяжает лавры победителя. Увы, досадная случайность помешала ему показать себя лучшим рыцарем Речи Посполитой. Конь споткнулся, и, падая на землю, Ходкевич сломал ногу.

С не зажившей до конца ногой ему довелось отправиться в очередной военный поход против шве. дов, оспаривать у них права на Ливонию. Стараясь выглядеть в глазах солдат сильным и стойким,

Ходкевич не стеснялся говорить правду о своем состоянии и самочувствии в письмах Зосеньке. Он опасался, как бы его беременная жена не представила себе гораздо более страшную картину.

«Колотит в левом боку под самой кульшой, нестерпимо болит, хоть кричи», — писал гетман из Гродно, где, остановившись с войском, целый день провалялся в постели, пытаясь превозмочь боль.

На Ливонской войне довелось Яну Каролю видеть и недовольство местных жителей поведением воинов Речи Посполитой, и военные неудачи, вызванные бездарными приказами короля Сигизмунда, и неслаженность действий командиров и солдат, и роптание обессилевшего от постоянных сражений войска, где больных и раненых было больше, чем здоровых.

«Ей Богу, чуть не шалею, не знаю, что над собой сотворить», — признавался Ходкевич в очередном, письме домой печальной Зосеньке, родившей и тут же похоронившей третьего ребенка.

Супруги увиделись в 1603 году, во время Варшавского вального сейма, на котором Яна Кароля назначили администратором и гетманом Ливонии. Это означало, что их разлука растянется еще на годы. Расстроенная Зосенька в слезах бросилась в объятия мужа... Последствием этого свидания стала новая беременность, разрешившаяся в 1604 году рождением дочери Анны Схоластики.

Тот год был знаменательным для Ходкевича. С небольшим (всего 2300 человек) войском он разбил союзную восьмитысячную армию шведов и немцев под местечком Белый Камень и после смерти Криштофа Радзивилла получил его должность гетмана великого литовского. В 1605 году Ян Кароль прославился как герой Кирхгольмской битвы, в которой шведы потерпели серьезное поражение и сдали Ходкевичу Ригу.

«Наймилейшая Зосечка, единственная, любимая душа...» — вновь и вновь писал он жене, и ему казалось, что дорогой человек от этого был ближе к нему.

После кирхгольмской победы король вызвал Ходкевича в Польшу, где против монарха созрел мятеж шляхты. И вместо того чтобы воспользоваться достигнутым успехом и довершить в Ливонии начатое — изгнать оттуда шведов навсегда, Ходкевич был вынужден заключить со своим противником двухлетнее перемирие.

«Налегли на меня и заставили хоругви вести», — жаловался Ян Кароль в письмах. Он предчувствовал, что придется, выполняя присягу, данную королю, выступить против своих былых соратников. Ему «жалостно было идти на братьев своих», но иначе он не мог.

Ходкевич спас короля, выступив со своим войском против мятежников. Эта победа тяжело далась ему. Переживаниями гетман делился лишь с верной, все понимающей Зосенькой: «Уже приходится шалеть, потому что все принимаю и не спится, а в голове пустота, пока пару бокалов вина не выпью, и это возвращает мне голову».

Всего две недели выкроил Ходкевич для того, чтобы побыть со своими близкими. А затем пришла весть, что шведы нарушили перемирие и стали захватывать ливонские города и крепости. В своих Ляховичах гетман спешно собрал литвинскую шляхту, чтобы повести ее на помощь оставшимся в Ливонии войскам.

«Жалостливо мне расставаться с тобою, доброй женой и милыми детками, но должен так поступить, ибо жалостней, ежели, как пес или быдло, умру, оглядываясь на тебя или на детей. Готов погибнуть почтительно, ибо чувствую и хочу оставаться рыцарским человеком, а не предателем, из-за которого гибнут люди», — написал он домой с полдороги.

Зосенька Ходкевич родила еще одного ребенка и опять похоронила его. Ян Кароль не сумел приехать и поддержать ее в этом новом горе. Он воевал, одержал несколько блестящих побед над войсками шведского генерала Мансфельда, снискав у своих противников славу великого воина. А потом случилось непредвиденное. Король отказался прислать ливонским героям жалованье, ответив Ходкевичу, что все средства из державной казны брошены им на Московскую кампанию. Поизносившиеся и уже начавшие испытывать недостаток в продовольствии солдаты отказались нести службу. На душе у гетмана было тяжело.

«Я пана Бога прошу о смерти и не имею ее, — признавался гетман жене, — жить в таких заботах все равно как в аду, еще и чужие трудности несу и терплю. А мне самому служба обрыдла, но так стыдно с поля сходить, желал бы смерти».

Впрочем, гетман все-таки сумел убедить своих воинов выступить против Мансфельда, который, оправившись от поражения, с шеститысячным отрядом подошел к Пернову (Пярну). Ценой неимоверных усилий Ходкевичу удалось отогнать врага от города. Затем он закрепил свою победу в битве у Динамюнде. Шведы запросили перемирия. Ходкевич наконец получил возможность передохнуть. Впрочем, король тут же нашел для своего полководца другое, достойное его дело.

Сигизмунд III вызвал Яна Кароля в Толочин, где находился в то время. На праздничном банкете, данном в честь правителя Речи

Посполитой, монарх пил за здоровье ливонского героя и предложил Ходкевичу выпить за здоровье короля из его собственных рук.

«И так, взяв мой бокал вина в свою руку, держал, пока я пил, — рассказывал Ян Кароль позднее в письме к Зосеньке. — Стукнул я бокалом по голове, а король и говорит: «Милый пане гетмане, не бейте этой головы, сила наша от нее зависит».

Во время банкета Сигизмунд III объяснил гетману, что желал бы послать его с войском на выручку польского отряда, осажденного в Московском кремле.

Когда-то, еще при Борисе Годунове, два русских боярина ездили с дипломатическим поручением в Вильно. Во время аудиенции, данной им Сигизмундом III, они обратили внимание на девятилетнего мальчика, хорошенького и очень воспитанного. Королевич Владислав (а это был именно он) подошел к русским послам и попросил их передать привет сыну Годунова царевичу Федору, который, как он слышал, одного возраста с ним. Мальчик объяснил, что как будущий король Речи Посполитой он хочет уже сейчас установить с будущим царем Московии приязненные отношения. Слова королевича так понравились боярам, что они не сочли для себя унизительным даже поцеловать ему на прощание ручку.

Прошло много лет. Лишившись Годунова, жестоко расправившись с его наследником, пережив правление Самозванца, разочаровавшись в Шуйском, московиты терзались вопросом, кого им теперь назвать своим царем? И тут бывшие послы вспомнили о том, какое приятное впечатление произвел на них в свое время Владислав. Им удалось заинтересовать своим рассказом московскую думу. В конце концов бояре предложили королевичу принять православие и стать русским царем. Владислав согласился и начал готовиться к отъезду, послав вперед себя военный отряд. Его солдаты вошли в столицу и прочно обосновались в Кремле. Но россияне вдруг передумали и, отвергнув кандидатуру Владислава, заявили, что лучше выберут царя из своих бояр. Солдаты московского гарнизона остались верными Владиславу и отказались сложить оружие. Затворившись в Кремле, они теперь сидели там, из последних сил отбиваясь от русских ополченцев, терпя голод и жажду.

Нельзя сказать, чтобы Яну Каролю очень понравилось предстоящее дело. Еще раньше, беседуя с Сигизмундом III о жалованье своим войскам в Ливонии, Ходкевич чуть не впал в немилость, заявив королю, готовящемуся к московскому походу и приглашавшему его принять в нем участие: «Я никаких притязаний к Москве не имею... Своей отчизны ищу, чужого не жажду...» Но отказаться теперь Ян Ка-

роль не мог. Он должен был выручить попавших в беду товарищей по оружию.

Осенью 1611 года гетман Ходкевич выступил с двухтысячным отрядом на Москву. Его задачей было прорваться в русскую столицу и, закрепившись там, продержаться до приезда королевича Владислава.

Опасаясь за жизнь мужа в этой, наверное, самой рискованной и опасной военной операции, Зосенька жадно ловила каждое известие, приходившее с востока. Она мучилась неведением, потому что впервые за все время от гетмана Ходкевича перестали приходить письма. А тот и не смог бы посылать их любимой жене, продвигаясь по стране, охваченной пламенем войны, раздираемой смутами, где редко в каких селениях к рыцарям Речи Посполитой относились приязненно. Он очень переживал, видя открытую ненависть населения. Лишь чувство долга продолжало вести его дальше.

4 октября Хадкевич подошел к Москве. Его воины были измотаны дальней и трудной дорогой. К тому же они разделились на два лагеря: одни остались сторонниками гетмана, другие поддерживали его недоброжелателя Потоцкого, не желавшего, чтобы вся слава после взятия Москвы (в этом он почему-то не сомневался) досталась Ходкевичу. А в Москве уже, доносила разведка, оголодавшие поляки питались дохлятиной, ели крыс, кошек и собак.

5 октября Ходкевич вступил в бой с русскими ополченцами, пытаясь прорваться в Кремль. Ему это не удалось — силы были слишком неравны. Тогда он, решившись ожидать подхода основных войск Сигизмунда III и Владислава, стал искать возможности доставить в Москву обоз с продовольствием. Отбиваясь от казаков Заруцкого, Ходкевичу удалось переправить осажденным лишь несколько телег с хлебом.

Напрасно прождав помощи из Польши до самых холодов, Ходкевич вынужден был отойти от столицы к Вязьме. И только летом 1612 года гетман, приняв в ряды своего войска небольшой отряд немецких наемников, присланный Сигизмундом III, и восемь тысяч запорожских казаков, попробовал вновь овладеть Московским кремлем. Первое русское ополчение, не подпустившее осенью Яна Кароля к столице, к тому времени из-за раздоров его руководителей распалось. Но Ходкевича встретило во всеоружии второе ополчение, созванное князем Пожарским и нижегородским мещанином Мининым. И он проиграл решающую битву. Король так и не пришел на помощь своему полководцу, не пустив воевать и сына.

28 октября утративший всякую надежду гарнизон Кремля сдался. Московская кампания позорно закончилась.

Пребывая в самом мрачном настроении, гетман Ходкевич написал письмо Сигизмунду III: «У меня по правде, и силы поистрачены, и здоровье попорчено, на закат идет и к покою тянет. Служил достаточно трудолюбиво Вашей королевской милости и Речи Посполитой от расцвета молодости моей. Остаток моего века рад был бы посвятить себе. Уже с полдня на вечер показывает мне компас. Долго меня поле, долго оружие держало, время у камина отдыхать».

Он действительно чувствовал себя старым и разбитым, мечтал удалиться на покой с «любимой Зосенькой», передав все свои дела подросшему сыну. Но судьбою этого ему было не дано.

Из дома нежданно пришла страшная весть — его сын, пятнадцатилетний Героним, заболел и умер. Спеша из Смоленска на похороны единственного наследника, клял Ходкевич себя за то, что мало бывал в семье, рядом с сыном. Да, он чуть ли не в каждом письме домой старался наставлять «наймилейшего Геронимку», «чтобы пана Бога любил, церковные службы не забывал, гтани матери своей служил, был внимателен к наукам и не забывал о труде, не тратил попусту времени, обращая его лучше на хвалу Божью и благо Отчизны». Но по сути воспитанием мальчика занималась одна Зосенька.

Возможно, все сложилось бы иначе, если бы Ян Кароль почаще находил время для сына. Не смогла утешить мужа и Зосенька. Без Геронима дом показался Ходкевичу пустым и холодным. И тогда, опасаясь за мужа, Зосенька сама настояла, чтобы гетман вновь покинул семью и искал забвения в битвах.

В 1616 году Ходкевич согласился возглавить войско, отправлявшееся на Москву «отвоевывать венец» для королевича Владислава. Прощаясь со своей Зосенькой, он не предполагал, что больше никогда с нею не увидится. Жена его умерла в сентябре 1618 года.

Весть о ее кончине пришла в то время, когда гетман, заняв Тушино, уже готовился к последнему штурму Москвы. Ходкевич ворвался со своим войском в древнюю русскую столицу, но почти сразу же был выбит оттуда. Солдаты говорили, что. города гетману Ходкевичу не удалось удержать, ибо «чувствовал он себя так, как будто уже умер».

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

О том, как живая женщина отвоевала у мертвой право на мужа

Проиграв Московскую кампанию, гетман Ян Кароль Хадкевич, опустошенный и больной, вернулся домой, чтобы, затворившись в своем замке в Ляховичах, тихо и уединенно доживать годы, отпущенные ему Богом. Единственная его дочь Анна Схоластика несколько ле г была замужем и жила вдали от отца со своим супругом, сыном канцлера Льва, маршалком великим литовским Яном Станиславом Сапегой. Лишь тень почившей Зосеньки иногда посещала в ночи страдавшего бессонницей гетмана. Мистическому общению с этой тенью шестидесятилетний Ходкевич уделял так много времени, что это стало в конце концов беспокоить его родственников, а больше всех родного брата, Александра Ходкевича. Он решил избавить от призрака умершей супруги несчастного Яна Кароля, поселив в Ляховичском замке рядом с ним женщину, которая станет его новой женой и хозяйкой.

Что же заставило пожилого гетмана изменить памяти его единственной возлюбленной? Только чувство долга. Именно к долгу перед семьей, перед древним рыцарским родом Ходкевичей призвал Александр брата, приехав к нему в Ляховичи весной 1620 года.

«О чем ты думаешь, брате? — спросил он. — Ведь по смерти твоей все имение твое, которое по праву роду Ходкевичей должно принадлежать, перейдет к Сапегам. Разве ты не мужчина уже? Разве не можешь после себя крепкую поросль оставить? Женись, брате!»

Ян Кароль еще колебался некоторое время, но настойчивый Александр сделал все возможное, чтобы гетман понял, что он не принадлежит себе, есть нечто высшее, чем чувства мужчины, навек разлучившегося с любимой женщиной.

Ходкевич сдался, позволив брату найти для него подходящую невесту. Александр тут же предложил на выбор одну из внучек могущественного князя Василия Острожского — Катажину и Алоизу. Старшей девушке было двадцать три года, младшей только что исполнилось двадцать.

Гетман попытался возразить, что предпочел бы жену более зрелого возраста, в глазах которой не выглядел бы стариком. Но Александр Ходкевич был непоколебим. Немолодая женщина могла оказаться неспособной стать матерью, а ведь это главное, ради чего пожилой гетман решался вступить в новый брак.

Летом 1620 года Ян Кароль Ходкевич, списавшись заранее с Анной Острожской, матерью Катажины и Алоизы, собрался в ее имение, город Ярослав.

Встреча была сердечной. Сорокапятилетняя вдова князя Александра Острожского принимала гетмана так, словно он был самим королем Речи Посполитой. Она славилась своим богатством и спешила показать это гостю. «К тому же, — отметил про себя Ян Кароль, — красива и весьма неглупа». Безусловно, она гораздо больше подходила на роль пани Ходкевич, чем ее молоденькие дочери. Гетман уже было подумал о том, чтобы наперекор уговору с братом посватать Анну Острожскую. Но вдова сама опередила его, без стеснения признавшись, что «два года уже как стара, пан Бог чрево затворил», поэтому при всем своем желании не могла бы вновь выйти замуж и рожать детей. Да она об этом и не думает. Потеряв в 1618 году сына Константина Павла, а в 1619-м — второго сына Януша, юношей, едва вошедших в пору зрелости, схоронив еще раньше младенцами четырех своих деток, она стремится сейчас лишь к одному — устроить побыстрее будущее дочерей и отдать всю себя благотворительности.

Вздохнув, гетман перевел свой взгляд на молодых паненок. Старшая Катажина ему понравилась больше: живая и веселая, она была похожа на его жизнерадостную дочь Анну Схоластику. Но именно это обстоятельство и стало причиной того, что Ходкевич выбрал другую.

Младшая дочь пани Острожской, отказавшаяся снять траур, который она носила по братьям даже в ожидании столь важного гостя, серьезная и немногословная, показалась Яну Каролю человеком, способным быстрее понять его чувства. Ходкевич выбрал Алоизу.

Свадьба была назначена на ноябрь 1620 года. Едва успев обменяться с нареченной несколькими словами, гетман должен был покинуть ее, чтобы подготовиться как следует к торжеству. Он выбрал в своем замке комнату для новой госпожи и распорядился обставить ее со всей подобающей роскошью, так, чтобы молодая даже и подумать не могла, что ее права здесь в чем-либо ущемляются. Комната, в которой Ян Кароль намеревался разместить спальню Алоизы, раньше принадлежала его дочери. Спальня же его бывшей супруги и хозяйки замка — прекрасное, светлое помещение, с фамильными вензелями на стенах, смежное со спальней самого Яна Кароля, согласно его воле, должна была остаться навсегда в таком виде, в каком была при прежней владелице.

Готовясь к новому браку, гетман подолгу молился каждый день, неизменно выходя из замковой часовни со слезами на глазах. Просил

ли он прощения у почившей супруги или, может, пытался бороться с собственными сомнениями и тайными страхами? Кто знает! Известно лишь, что именно в это время Ходкевич составил завещание, в котором выражал свою волю: что бы ни случилось, он должен быть похоронен подле первой своей жены, «наимилейшей Зосеньки».

25 ноября стареющий гетман повел к алтарю двадцатилетнюю панну Острожскую. Хотя срок траура по братьям Острожским уже миновал, невесту пришлось долго уговаривать снять черную вуаль и черное платье. Панна Алоиза почему-то упорно настаивала на своем праве и далее скорбеть о дорогих усопших. В результате в день своей свадьбы девушка была в темно-зеленом, тоже довольно мрачном платье со скромным венком белых роз на голове.

«Не к добру», — шептались гости. Действительно, оказалось, не к добру. Прямо на свадебный пир прискакал гонец, известивший, что «великое панство» ждет гетмана Ходкевича в Варшаву на сейм, после которого, видимо, предстоит ему отправиться во главе войска Речи Посполитой в новый военный поход, на этот раз против турок.

Турецкая угроза витала над Речью Посполитой уже несколько столетий. Официально с Османской империей был заключен мир, но это не мешало султану время от времени отправлять своих воинов в разбойничьи набеги на южные территории этой державы. Еще чаще украинские и белорусские города «навеш,али» данники турок — татары.

Тем не менее лицом к лицу с могучим турецким воинством Речи Посполитой встречаться пока не доводилось. В 1620 году опасения переросли в грозную реальность. Поспособствовали этому молдавские события.

Отстаивая еще в 1599 году права ставленника Речи Посполитой Иеремии Могилы на титул молдавского господаря, Ходкевич не мог не видеть, что слабая, раздираемая усобицами Молдавия представляет политический интерес не только для его державы, но и для Османской империи. И действительно, вскоре турки изгнали Могилу из страны и посадили на молдавский престол своего ставленника Томшу. Речь Посполитая снова вмешалась в события, и Томшу заставил в панике бежать к своим доброжелателям в Стамбул некто Гаспар Грациани, который, став очередным господарем, поклялся быть верным другом короля Сигизмунда III.

Султан предпринял новый шаг, отправив свои войска отвоевывать престол для Томши. Грациани попросил помощи у короля Речи Посполитой, и тот послал к нему на выручку польское войско под командованием гетмана великого коронного Станислава Жолкевского. В

сентябре 1620 года произошла решающая битва под Цецорами. Войска Жолкевского были разбиты, и гетман предпочел погибнуть в бою, хотя Грациани предлагал ему спасаться бегством. Впрочем, молдавский господарь и сам не сумел спастись. Турки долго его преследовали, в конце концов догнали и убили.

Известие о разгроме под Цецорами вызвало необходимость срочно созвать в Варшаве вальный (всеобщий) сейм, чтобы обсудить на нем создавшееся положение. Все понимали, что за этим последует объявление турками войны. Сейм, прозаседавший два месяца, пришел к решению объявить посполитое рушение; то есть всеобщую мобилизацию, и начать активную подготовку к войне. Почти единогласно паны решили, что войско должен возглавить гетман Ходкевич, если он, конечно, не откажется, сославшись, например, на болезнь. Об этом и сообщил гонец Яну Каролю.

Гетман не отказался, понимая, что, проиграв войну Турции, Речь Посполитая может навсегда закончить свое существование, как-до этого погибла завоеванная турками Византийская империя. Ян Кароль дал слово рыцаря как можно скорее прибыть в Варшаву. Молодой жене он мог подарить лишь несколько дней и готовился быть с нею нежным и предупредительным. Но Алоиза неожиданно обратилась к нему со странной просьбой. Она умоляла гетмана оставить ее девственницей.

Оказывается, предстать с Ходкевичем пред алтарем панну Алоизу принудили родственники. Сама же она мечтала быть монахиней, но увы... Она понимала, что, дав перед алтарем клятву верности Яну Каролю, обязана будет теперь дарить свою любовь и постараться родить ему наследника. Но в необходимости гетмана так скоро покинуть ее и отправиться на войну она видит для себя некое знамение Божье. А что, если пан Ходкевич будет убит на этой войне? Оставшись девственницей, пани Алоиза сможет осуществить свою мечту и принести обеты Христу как «чистая невеста».

Неприятно удивленный словами новобрачной, Ян Кароль отступил. Наутро чета Ходкевичей без особенных сборов выехала из Ярослава. Алоиза объявила о своем решении дожидаться мужа в Остроге — родовом имении князей Острожских. Простившись с той, которая так недвусмысленно выказала свое желание стать вдовой, гетман отправился навстречу своей судьбе.

В конце апреля 1621 года турецкий султан с огромной армией покинул Стамбул и направился к Дунаю. Это было начало войны. К счастью, Ходкевич успел уже собрать воедино доверенные ему силы. Чтобы не сражаться с турками на территории Речи Посполитой,

гетман повел свои войска навстречу султану, в Молдавию. Там, у старой крепости Хотин на берегу Днестра довелось ему вступить в смертельную схватку с воинством Османской империи.

2 сентября дозорные Ходкевича увидели в клубах пыли приближающееся трубящее, орущее, визжащее, громко призывающее Аллаха турецкое войско. Огромное количество пеших солдат, ар тиллерия, конница, наездники на верблюдах, погонщики слонов... Дозорные растерялись. Они не могли вразумительно ответить гетману на вопрос, какие хотя бы приблизительно силы неприятеля приближаются к Хотину.

Тогда Ходкевич выхватил из ножен саблю и, взмахнув ею, воскликнул: «Ничего, вот так их пересчитаем!»

После первой яростной схватки, которая длилась с утра до самой темноты, «убитых было так много, что ими покрылась вся земля». Большинство из них были турки.

В течение следующих пяти дней военная фортуна неизменно была на стороне Ходкевича. Султан терпел одно поражение за другим. Но он был необыкновенно упрям, и армия его была очень велика.

Ян Кароль, находившийся в постоянном нервном напряжении, почти лишивший себя сна, уже стал терять силы. К ужасу своему он почувствовал, что серьезно болен. Время от времени у гетмана случались припадки, похожие на эпилептические. Только это была не эпилепсия, а неведомая, страшная, изнуряющая хворь. Выходит, Алоиза действительно что-то предчувствовала, когда недвусмысленно намекала ему на возможно скорое свое вдовство.

Несколько раз в перерывах между боями гетман пытался написать своей молодой жене, но после первых же слов бросал перо: «Наймилейшая моя...» (Зосеньки не было в живых, а обратиться так к другой женщине, нелюбимой и не любящей его, казалось Яну Каролю противоестественным.)

8 сентября султан предпринял очередное отчаянное наступление и гнал своих солдат на штурм укреплений, своевременно возведенных воинами Ходкевича, «яко безсловесное животно». Погибли три тысячи янычар.

Султан отомстил за это поражение Ходкевичу через два дня. Турки захватили мост через Днестр, перерезав дорогу, по которой в стан гетмана поступали провиант и фураж. От голода среди солда т начались болезни, от бескормицы — падеж лошадей.

Вконец обессилевший Ходкевич уже не мог сидеть на коне, но дух его по-прежнему был тверд, а воля непреклонна. Как мог, он подбадривал своих соратников, не давая им впасть в отчаяние.

«Насколько ваши искренние старания, мужество непобедимого рыцарства и решимость до конца защищать интересы Отчизны укрепляют мой дух в больном теле, видит тот, кто знает потаенные мысли человека, — говорил он, им. — Я чувствую, как оживает моя грудь и возвращаются силы, когда вижу, что краса Речи Посполитой приносит ей новую славу... Под охраной Бога, пред именем которого падает в прах всяческая могущественность, пускай счастье и благородство будут вашими спутниками. Я же до последнего вздоха пойду впереди вас, куда бы ни привела нас судьба Отчизны...»

Ян Кароль продолжал отдавать приказы и распоряжения до самого конца, лежа у себя в палатке и теряя время от времени сознание от слабости. Гетман Ходкевич умер 24 сентября, оплаканный своими солдатами и офицерами. Перед смертью он передал свою булаву вместе с последними указаниями гетману польному Любомирскому. Именно этот соратник Ходкевича и довершил начатое им.

28 сентября произошло генеральное сражение, которое поставило наконец последнюю точку в Хотинской войне. После него султан согласился на мирные переговоры. Речь Посполитая была спасена.

А что же пани Алоиза Ходкевич? Став вдовой одного из «величайших героев Речи Посполитой», она неожиданно для себя оказалась в центре внимания и преклонения. Как-то сама собой отпала мысль о пострижении в монахини. Пани Алоиза стала получать истинное удовольствие, играя роль безутешной в своей скорби супруги. Она торжественно принесла в костеле обет верности почившему мужу, отвергнув перед этим несколько довольно лестных предложений молодых и богатых претендентов. Но этого было мало.

Пробудившееся в ней честолюбие подсказало, что она непременно должна доказать свои права на мужа, а вместе с тем и на его славу... умершей первой супруге Яна Кароля. Для этого пани Алоиза прежде всего оспорила завещание мужа и, невзирая на возмущение его дочери и брата, отсудила у «наймилейшей Зосеньки» право покоиться рядом с Яном Каролем в усыпальнице Ходкевичей. Гроб с телом гетмана перевезли в Острог и поставили в фамильный склеп Острожских, туда, где со временем полагала быть похороненной и сама Алоиза. Вторым ее шагом был судебный процесс с дочерью Зосеньки Анной Схоластикой за наследство. Тут ей повезло меньше. Суд посчитал права обеих женщин примерно одинаковыми и поделил все между ними и братом покойного Александром Ходкевичем.

Но безумства пани Алоизы и на этом не закончились. Она заполучила письма Ходкевича к Зосеньке и чуть было не уничтожила

их в слепой ревности. С трудом. Анне Схоластике удалось уговорить мачеху продать ей эти семейные реликвии.

В 1648 году вся страна ахнула, узнав о новом сумасшедшем поступке вдовы Ходкевича. Алоиза, дочь православного отца, принявшая католичество после его смерти, поддавшись на утоворы матери, теперь как могла демонстрировала свою преданность «римскому закону». Вместе с матерью она извлекла останки своего отца из православного храма и, перекрестив их в католичество, перезахоронила в униатской церкви. Затем вдова Ходкевича взялась исправлять деяния деда, отобрав у православных больницу, построенную специально для них князем Василием Острожским, и отдав ее иезуитам.

Горожане роптали, но не решились бы открыто выступить против обидчицы, если бы в том же году в день православной Пасхи пани Алоиза не врезалась в своей карете на всем скаку в толпу верующих, которая собралась на площади перед храмом. Несколько десятков человек были ранены и серьезно покалечены. Тогда другие, не сговариваясь, начали бросать в сумасбродку пасхальные яйца. Одно из них, запущенное особенно метко, выбило глаз Пани Ходкевич. Получив настолько страшное увечье, вдова не остановилась ни перед чем, чтобы добиться жестокой казни злодеев. Этим она вызвала такую ярость жителей Острога и окрестных деревень, что те подняли против нее настоящий мятеж, соединившись с запорожскими казаками, которые в очередной раз объявили войну «польскому панству» .

Спасаясь бегством от мятежников, пани Алоиза приказала вывезти из Острога как самую большую ценность гроб с телом мужа. Несчастный гетман Ходкевич, так и не нашедший успокоения после смерти, очутился вместе со своей непредсказуемой половиной сперва в Замостье, потом в Кракове и наконец в Познани и Рапате. И только когда пани Алоиза внезапно умерла в возрасте пятидесяти четырех лет, прах гетмана был возвращен в Острог.

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

О том, то даже самые суровые законы отступают перед женской красотой

В то время когда вся Россия с изумлением и осуждением говорила о Марине Мнишек, Великое княжество Литовское потрясла своими деяниями другая Марина, дочь минского писаря Стефана Достоевского.

Возможно, права средневековая оккультная наука ономастика, утверждавшая, что имя, данное человеку при рождении, определенным образом влияет на его характер и дальнейшую судьбу. Во всяком случае обе эти Марины были одинаково горды, славолюбивы, умели легко подчинять себе мужчин й считали возможным применение любых средств ради достижения намеченной цели. Обе снискали славу роковых женщин и оставили по себе недобрую память в народе.

Марина Достоевская была старшей дочерью известного авантюриста. Стефан Достоевский — представитель старинного православного рода Иртищевых, которые были пинскими боярами, стал первым в семье, кто, отрекшись от веры предков, перекрестился в католичество. Быть может, этот поступок не вызвал бы у современников такой бури возмущения, если бы не скандальные обстоятельства, которые предшествовали этому.

Дело в том, что Достоевский, будучи младшим сыном в шляхетской семье и не имея достаточных средств для того, чтобы сделать завидную светскую карьеру, изначально готовил себя к карьере духовной. Тогда еще Стефан был православным. Ему представился случай возвыситься. В 1577 году некий шляхтич Невельский получил в дар от короля Стефана Батория минский Вознесенский монастырь. Для того чтобы вступить в право владения им, Невельскому необходимо было лишь выполнить «незначительную формальность» — постричься в монахи. Но именно этого ему и не хотелось. Тогда, обязанный чем-то отцу Стефана Ивану Даниловичу, Невельский предложил переписать все свои права на монастырь на Стефана.

Достоевские с радостью согласились. Стефан принял монашество и сразу же стал игуменом. Но вскоре его увлекли идеи католицизма, и в своей деятельности он постепенно начал отходить от православных канонов.

Монахи зароптали, и вот уже митрополит Иона и каштелян минский Ян Глебович обратились к королю с прошением избавить их от отступника, который не только «о монастыре не заботится», но и

допустил там такое положение, что «по закону греческому в нем ничего не бывает».

Достоевского с позором лишили духовного сана. Он тут же демонстративно стал католиком и женился. Но, наверное, мысль об утраченных вместе с Вознесенским монастырем богатствах не переставала мучить его. Двух своих дочерей Марину и Раину он воспитал расчетливыми стяжательницами, мечтающими лишь о деньгах и роскоши.

Марина, как полагал отец, гораздо легче сумеет добиться своего, ибо она очень красива: голубые глаза, ослепительно-белая, атласная кожа и черные как смоль волосы. Выдав удачно замуж такую красавицу, Достоевский рассчитывал обогатиться сам, а через связи, заведенные Мариной, устроить судьбу Раины.

В 1591 году руки старшей дочери Достоевского попросил минский шляхтич Станислав Карлович. Стефан счел предложение очень выгодным, так как, покоренный красотой Марины, Карлович был согласен взять ее даже без приданого. Девушка тоже с радостью пошла под венец, несмотря на то что жених был в два раза старше ее и имел взрослого сына от первого брака. Главное, что он был богат и, как Марина надеялась, щедр.

Карлович действительно не жадничал, когда дело касалось вещей необходимых. Свой большой дом он обставил добротной мебелью, к столу неизменно подавали разнообразные изысканные блюда и вина лучших сортов. Свадьбу Карлович организовал за свой счет, и была она, как и положено свадьбе «заможного шляхтича», многолюдной и шумной.

Однако для Марины щедрость означала расточительность. Карлович знал цену деньгам и в первые же дни после венчания объяснил молодой женушке, что ей нечего рассчитывать на его кошелек, если она хочет роскошествовать так, словно родилась в королевском дворце.

Марине муж сразу же стал нелюб. Разочаровался в зяте и Стефан, так как тот не посчитал нужным взять отца супруги на содержание. Еще большее раздражение вызвал у Достоевских тот факт, что Карлович, переписав после свадьбы, как это водилось у шляхты, свое завещание, указал, что в случае его смерти Марина получит весомую часть наследства, если только у нее будут от него дети. Иначе наследником всей движимости и недвижимости станет его сын, а вдове достанется лишь маленькое село, доходов которого хватит только на то, чтобы могла она, постригшись в монахини, платить святой обители за свое содержание. Выяснилось, что детей у Карловича

больше быть не может, и Марина, небезосновательно полагавшая, что на момент составления завещания Станислав прекрасно знал об этом, сочла, что «такому неблагородному человеку и жить-то незачем».

О своем желании избавиться от мужа Марина поделилась сначала с сестрой. Раина посоветовала в первую очередь попробовать избавиться от пасынка. Потеряв единственного наследника, старик Карлович вынужден будет пересмотреть свое завещание и, конечно, в пользу жены. Сестры решили прибегнуть к помощи яда. Марина без труда раздобыла его у знакомого аптекаря и, когда молодой Карлович в очередной раз приехал к отцу погостить, насыпала отравы в его тарелку. Молодой человек все съел с большим аппетитом и вскоре слег с животом. Но уже на следующий день недомогание прошло, и он засобирался домой. Скорее всего организм пасынка оказался невосприимчивым к этому яду. Однако Достоевская почему-то решила, что у Карловича-сына есть при себе какое-то магическое средство от отравления, например рог единорога, и решила не повторять попытки. Тем более что как-то раз изрядно выпивший супруг признался ей, что, если бы у него не было сына, он отписал бы большую часть своего имущества монастырям и приютам. Не помня себя от гнева, Марина тут же пригрозила Карловичу, что убьет его и подделает завещание в свою пользу. Она не думала, что хмельной муж наутро вспомнит об этом. Он не только вспомнил, но и учинил ей громкий скандал, угрожая разводом.

Нужно было что-то срочно предпринимать. Марина нашла защитника в лице молодого и наглого шляхтича Яна Тура, первейшего забияки в Минске. Она предложила ему себя, и Ян Тур охотно стал ее любовником, пообещав за это, если придется, разобраться со старым мужем красавицы.

В сентябре 1606 года Карлович, застав в своем доме (случайно ли?) жену с любовником, сцепился с ним и был побит. Осмелевшая Марина еще раз, но уже абсолютно трезвому мужу заявила, что готова отослать его при первой же возможности к праотцам, чтобы завладеть его имуществом. Униженный Станислав со слезами на глазах пошел к соседям жаловаться на нахалку жену. Ему посочувствовали, но и только. Все до смерти боялись Яна Тура, на счету которого были уже несколько набегов на чужие имения, нанесение побоев и увечий и даже изнасилование некоей честной вдовы. Как ни странно, но судьи неизменно решали все дела в пользу буяна.

Пока Карлович думал, следует ли ему обратиться в суд, Марина и ее любовник уже готовились к убийству. Соучастниками преступления стали Раина и Стефан Достоевский. Младшая сестра Марины,

умевшая хорошо подделывать почерки, предложила сама переписать завещание Карловича. Поразмыслив, Марина выбрала другого исполнителя, некоего беспринципного священника. Ей казалось, что Раине мужские почерки удаются гораздо хуже женских.

Когда подложный документ был готов, его отдали Стефану Достоевскому, чтобы после убийства он немедленно занялся оформлением прав Марины на движимость и недвижимость Карловича. Преступление было намечено совершить 14 октября. За несколько дней до этой даты Марина «помирилась» с мужем, чтобы усыпить его бдительность.

Рано утром 14 октября сестры велели истопить баню, где от души попарились. Следом за женщинами в истопную избу вошли Карлович и его приятель, некий местный шляхтич. Пока они мылись, хозяйка заперла собак и впустила во двор убийцу. Едва только старый муж красавицы Достоевской вышел из бани, беззащитный и разомлевший, Ян Тур выстрелил ему в грудь из ружья. Видимо, рука его дрогнула, потому что Карлович был лишь ранен. Он кинулся бежать к дому, но дверь захлопнулась перед ним. В это время убийца настиг свою жертву и принялся рубить ее саблей.

Душераздирающие крики несчастного и его друга, который затворился в бане, привлекли внимание соседей. Как завороженные наблюдали за кровавой драмой сбежавшиеся со всех сторон люди, растерянные и испуганные. Когда шок прошел, было уже поздно. Мужчины бросились к Яну Туру, но тот укрылся в доме Марины. Появившаяся на их призыв на пороге хозяйка самоуверенно сказала: «Что вам до всего этого? Смотрите, чтобы кого из вас тот самый человек не убил!»

Жалостливые соседки попытались помочь еще дышавшему Карловичу, но Марина злобно крикнула: «Несите его к дьяволу!» Когда сердце несчастного перестало биться, женщины ушли, оставив его лежать у дома. Из окна Достоевская с истерическим смехом наблюдала, как кровь из многочисленных ран ее мужа слизывают собаки и свиньи.

Самодовольная улыбка блуждала по ее лицу и во время похорон, которые устроили на следующий день. Она шла за гробом под руку с убийцей мужа. Похоже, угрызений совести и страха за содеянное Марина не испытывала, поскольку была уверена, что свидетели преступления, боясь мести Яна Тура, будут молчать. Но она просчиталась. Соседи, которые не решились открыто выступить против убийцы, тайно от.Достоевской написали обо всем королю.

Любовники были заключены под стражу, а их дело передано в суд. Вину долго доказывать не пришлось, и судьи огласили приговор. Достоевская и Тур были осуждены на позорную смерть. Палач должен был провезти их по всему городу нагими, останавливаясь на каждой улице, чтобы рвать их тела зазубренными крючьями, а потом, зашив каждого из преступников в кожаный мешок вместе с кошкой, собакой, змеей и петухом, бросить в волны Свислочи.

Ян Тур был казнен через день после вынесения приговора. У Марины же нашлись заступники. Адвокат, которому красавица шляхтянка не замедлила предложить себя, подал на апелляцию в Главный трибунал Великого княжества Литовского. И добился, чтобы до вынесения окончательного решения Достоевскую отпустили на поруки.

Это вселило уверенность в сердце Марины. Она знала, что одним из членом Главного трибунала является сын ее родного дяди Сосина Достоевского, маршалок пинский Петр, и полагала, что кузен не допустит ее смерти. Стараниями Петра Достоевского судебное разбирательство затянулось на целых два года.

Марина вновь обрела уверенность в себе и даже повеселела. Но, предчувствуя, чем все окончится, Петр не преминул предупредить об этом Стефана Достоевского, послав в Минск из Вильно письмо. «Спасти пани Марину от страты (смертной казни. — Авт.) нельзя, — писал он. — Но ежели окажется, что пани Марина носит в себе (беременна. — Авт.), то кару отсрочили бы до рождения ребенка».

Это известие озадачило преступницу, но лишь на время. Ведь при ней по-прежнему были ее красота и умение обольщать мужчин. В качестве жертвы Марина наметила себе минского шляхтича Соломона Псарского, который был Достаточно смел и безрассуден, чтобы жениться на женщине, обвиняемой в убийстве своего мужа. В результате в тот день, когда в Минск привезли грамоту из Вильно, в которой членами Главного трибунала утверждалось решение Минского городского суда в отношении Достоевской, та была уже беременна. Мнения исполнителей разделились. Одни требовали немедленной казни, другие просили помилования для матери и ребенка. Было решено отправить дело мужеубийцы на суд королю.

Когда Сигизмунда III ознакомили с ситуацией, он, как и предсказывал Петр Достоевский, распорядился отсрочить казнь до рождения младенца, то есть на двенадцать недель. У Марины оставалось совсем мало времени. Но она все еще была на свободе и сумела воспользоваться этим.

Приказав пошить себе роскошное платье, скрывавшее ее уже сильно округлившийся живот, она отправилась в Краков, где неизве-

стно каким образом попала на прием к королю. Красавица пала к ногам монарха, умоляя выслушать ее и попытаться понять. Она плела небылицы о жестоком муже, истязавшем ее чуть ли не каждый день; о вероломном любовнике, которого просила лишь припугнуть мужа, но не убивать; о своем отчаянии и страхе, когда увидела супруга мертвым...

«Ежели не заслуживаю я, чтобы жизнь моя была сохранена, — закончила она, рыдая, — то пусть пан король заменит позорную казнь на честную и достойную (на отсечение головы. — Авт.)».

Сигизмунд III, очарованный красивой обманщицей, обещал «сделать все, что только можно будет'в этом деле».

Далее все сведения о Марине Достоевской из истории исчезают. Удалось ли этой удивительной женщине благополучно разрешиться от бремени или ребенок своим рождением убил мать? Приняла ли она «достойную» смерть на эшафоте или король, поверив в ее невиновность, сохранил ей жизнь и послал замаливать грехи в монастырь?

Говорят, будто в одном из замков Силезии Сигизмунд III долгое время содержал в тайне от всех красивую женщину, свою любовницу, имени которой не знали даже приставленные королем к ней слуги. Может, это была Марина Достоевская?

Через двести с лишним лет потомок Петра Достоевского, великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, напишет: «Красота — это сила страшная и ужасная».

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

О том, как маленькую девочку прочили в царские невесты

После неудачной попытки гетмана Ходкевича завладеть Москвой в сентябре 1618 года Сигизмунд III, увидевший в этом перст Божий, послал своему полководцу депешу, в которой сообщал, что больше средств на ведение войны выделять не будет. Это означало конец Московской кампании.

Из Вильно в Москву отправился для переговоров канцлер Лев Сапега, который был уполномочен объявить, что королевич Владислав и Сигизмунд III готовы отказаться от притязаний на русскую корону, естественно, на определенных, выгодных для них условиях. Это было признание прав Речи Посполитой на некоторые спорные помежные территории й Ливонию.

Московиты, которым надоело воевать, с радостью согласились, тем более что у них уже шесть лет был законно избранный царь. Таковым в 1612 году стал шестнадцатилетний Михаил Романов, неопытность которого, надеялись бояре-думцы, позволит вершить его именем и за его спиной выгодные им дела. Впрочем, они обманулись. Молодой Романов, как оказалось, имел надежную опору и поддержку в лице родителей, сильных, властных, искушенных в ведении политических интриг и распутывании вражеских козней.

Когда-то Борис Годунов, напуганный популярностью в народе боярина Федора Романова, племянника любимой жены Ивана Грозного Анастасии, увидел в нем соперника своей власти. Боярин был обвинен в государственной измене, пытан в застенках, а потом насильственно пострижен вместе со своей женой Ксенией в монахи под именами Филарет и Марфа. Волею судьбы Федор-Филарет оказался сначала среди приверженцев Лжедмитрия I, который его освободил и сделал ростовским митрополитом, потом — в Тушине у Лжедмитрия II. Последний, повысив его в должности, объявил московским патриархом. В период междуцарствия, чудом не утративший своего высокого положения, он был в числе тех, кто хотел видеть на русском престоле Владислава, искренне веря, что царь-иноземец для России — самый верный выход из периода раздоров и бедствий. Деятельный Романов даже вызвался ехать послом к Владиславу в Варшаву. Однако, прибыв туда в качестве дорогого гостя, вдруг попал в заточение, когда стало известно о судьбе запертого в Кремле польского отряда.

Избрание сына Федора-Филарета в русские цари происходило в отсутствие отца и при полном его неведении. Бояре, предложившие

царство Михаилу Романову, долго уговаривали его мать, игуменью Марфу, дать свое благословение юноше. Осторожная женщина резонно возражала: «Опасно сыну моему быть выбранным. Отец его, преосвященный митрополит Филарет, ныне в Польше в великом утеснении находится. Как узнает король польский, что мой сын на престоле, о коем он сам спит и видит своего сына посадить, так над отцом нашим он зло и учинит».

Но после шести часов уговоров и убеждений инокиня Марфа сдалась. Михаил Романов стал царем, а она сама, переехав вслед за юным своим сыном в Москву, стала первейшей его заступницей, далеко отодвинув от престола метивших в «царевы советчики» бояр. Пользуясь умными советами своей матери, молодой русский государь смог в тяжелейших обстоятельствах все еще продолжавшейся смуты, а потом и войны, объявленной Сигизмундом III, выстоять, укрепиться на престоле и начать выводить Россию из периода нестабильности и разрухи.

Еще более сильным почувствовал себя царь Михаил, когда в 1619 году из польского плена вернулся его отец, сразу же официально принявший опеку над сыном и неофициально — дела управления великой страной.

Заключая через Льва Сапегу мирный договор с Сигизмундом III, Москва вписала в него пункт о свободе для отца русского царя. Но государь Речи Посполитой согласился отпустить Филарета не раньше, чем тот даст ему некое торжественное обещание. И обещанием этим была непременная женитьба Михаила Романова на дочери Сигизмунда III.

Вернувшись в Москву, польский пленник узнал, что сын его давно обручен, но по воле своей властной матери никак не может назвать невесту женой.

Когда в 1616 году царю Михаилу исполнилось двадцать лет, инокиня Марфа решила, что он уже достаточно созрел для женитьбы, и распорядилась по обычаю, введенному на Руси еще Иваном Грозным, устроить смотрины невест. Высокородных красавиц свезли в царские палаты со всей России. Знакомясь с девушками чуть раньше, чем они должны быть представлены царю, инокиня Марфа обратила внимание на боярышню Марию Долгорукую, волоокую скромницу с косами до пят. Побеседовав с нею, нашла ее учтивой, доброй и богобоязненной и другой жены для сына уже не представляла.

Однако Михаилу понравилась совсем другая девушка — Мария Хлопова. Он вывел ее из череды невест и торжественно объявил всей

Москве о своем выборе. Мать не могла сделать ничего открыто, но она все-таки решила бороться против нежеланной невестки.

И вот через шесть недель после обручения царская невеста вдруг захворала. Доктора-немцы, к которым обратился встревоженный царь, не обнаружили никакой серьезной болезни, сказав, что девушка, видимо, просто объелась сластями, которыми приказала кормить ее инокиня Марфа. Марии Хлоповой прописали голодную диету, и она вскоре выздоровела, но сильно похудела. Это дало основание матери царя вынести приговор: «В царицы не гожа, худа и неплодна». Невзирая на отчаяние сына, инокиня Марфа отослала девушку подальше от Москвы — в Тобольск и стала хлопотать о запавшей ей в сердце Марии Долгорукой.

К своему удивлению, она столкнулась с непокорностью сына, выказанной им впервые. Михаил Романов заявил, что намерен ждать известий из Тобольска: если его невеста будет в здравии полгода и вновь станет «изобильна телом», он все-таки женится на ней.

Почта из Тобольска приходила раз в месяц. Прочитывая ее, царь неизменно приходил в хорошее расположение — Мария Хлопова была здорова и полнела. Через полгода вопрос о женитьбе снова возник, и вновь Михаил наткнулся на яростное сопротивление матери, которая убеждала его, а заодно и всю боярскую думу, что девушка «больна и неплодна». Ей, многоопытной женщине, якобы удалось обнаружить это по неким внешним признакам. Противостояние матери и сына длилось около трех лет.

Узнав во всех подробностях об этом, Филарет пришел в ужас, ибо не предполагал, чтобы его сын, взрослый мужчина и царь, мог проявлять такую постыдную слабохарактерность и допустить, чтобы его избранницу как преступницу держали где-то в сибирской глуши.

После откровенного мужского разговора с отцом Михаил распорядился доставить невесту свою из Тобольска, где она жила в ссылке в Верхотурье. Там ей обустроили быт со всей подобающей будущей царице роскошью. Через год девушку перевезли в Нижний Новгород, где она обрела свободу передвижения и могла общаться с близкими людьми. Спустя годы несчастная Мария наконец смогла увидеться со своими родителями, которые все это время жили в Москве.

Позаботясь некоторым образом о восстановлении справедливости в отношении ни в чем не повинной девушки, Филарет не торопил сына сделать последний шаг — привезти Хлопову в Москву и обвенчаться с нею. Он помнил о слове, которое дал Сигизмунду III, и

боялся, что, нарушив его, может вовлечь Россию в новую войну с Речью Посполитой.

Не сразу и не прямо Филарет завел разговор с сыном о выборе иной невесты. Вот ведь все монархи Европы женятся из политических побуждений на иноземных принцессах. Почему бы России не наладить таким же способом близкие связи, например, с Данией (у тамошнего короля Христиана есть юная племянница Доротея Августа) или со Швецией (у шведского короля очень красивая родственница принцесса Катарина). Но лучше всего обезопасить раз и навсегда западные границы России, избрав в супруги дочь Сигизмунда III Анну. Король дает за ней достойное приданое — семь приграничных городов и обещает не препятствовать переходу королевны в православную веру. Филарету довелось видеть Анну в королевском замке в Кракове. Она очень мила и, безусловно, здорова.

Михаил почти дал себя уговорить и даже распорядился готовить посольство в Польшу. Но в самый последний момент поинтересовался, сколько невесте лет, и ахнул. Дело в том, что дочери Сигизмунда III едва исполнился год.

Королева Констанция, супруга государя Речи Посполитой, родила ее за несколько месяцев до освобождения Филарета из польского плена. Маленькая Анна оказалась единственной дочерью Сигизмунда III, так как три родившиеся до нее в королевской семье девочки одна за другой умерли. Видимо, большой уверенности в том, что Анна доживет до совершеннолетия, у короля не было, потому он и решился использовать ребенка в политической авантюре. Ведь независимо от того, успеет стать Анна фактически женой Михаила или волею судьбы умрет в младенческом возрасте, произведенный по всем правилам обряд венчания девочки с русским царем даст державе ее отца и брата новый повод для оспаривания прав на земли, а то и на престол соседней державы.

Честный Филарет не мог разгадать коварного замысла Сигизмунда III и видел в его странном предложении лишь попытку примирить два еще совсем недавно враждовавших государства. Решительный отказ сына очень его расстроил. Впрочем, своего Михаила он прекрасно понимал, ведь тот давно уже не был ребенком и, естественно, хотел видеть рядом с собой не пачкающего пеленки младенца, а взрослую молодую женщину.

Отвергнув кандидатуру королевны Анны, Михаил еще три года пытался уговорить родителей позволить ему жениться на Марии Хлоповой. Инокиня Марфа была непреклонна, заявляя, что, если нежеланная невестка поселится в царских палатах, сын никогда больше

не увидит там своей матери. Филарет же демонстративно отошел в сторону от решения сей матримониальной проблемы.

Михаил не решался заявить о себе как о взрослом и самостоятельном мужчине, и в конце концов Хлопова получила официальный отказ. Надо отдать должное боярышне — она оказалась морально выше и честнее своего нерешительного жениха и повела себя с поистине царским достоинством. Она отказалась избрать иного мужа, пожелав остаться навсегда царской невестой, и в этом положении умерла в Нижнем Новгороде в 1633 году.

Царицей стала Мария Долгорукая, которую из-за того, что она приглянулась матери царя, родители томили в девках семь долгих лет. Оказалось, не напрасно. Впрочем, потешиться обретенной властью и почетом Долгоруким так и не довелось. На следующий день после свадьбы, которая состоялась 19 сентября 1624 года, царица заболела и спустя несколько месяцев скончалась. Возможно, ее отравили родственники отверженной Хлоповой. Так или иначе, но перед Михаилом Романовым вновь остро встал вопрос о женитьбе.

И снова Филарет предложил ему взять в жены королевну Анну, которой уже исполнилось пять лет. Но напрасно уговаривал царя его отец смириться с политической необходимостью и все-таки обратить внимание на дочь Сигизмунда III (не заметишь, как восемь годков пролетят и девочка превратится в девушку) — Михаил был непреклонен. Ему шел уже тридцатый год, а он по-прежнему был одинок.

Инокиня Марфа вновь решительно вмешалась в судьбу сына. По ее настоянию царь объявил новые смотрины невест. На этот раз мать дала себе слово не вмешиваться, каким бы ни был выбор сына. Но не сдержалась, потому что произошло непредвиденное. В Кремль свезли шестьдесят боярских и дворянских дочерей. Царь, который не ожидал, что ему предоставят на этот раз такой широкий выбор, растерялся. Как же с первого взгляда можно оценить каждую по достоинству, заметить и выделить из толпы ту, единственную, которая станет его подругой на всю жизнь? Мать предложила разместить претенденток на ночь в большой зале и понаблюдать за ними, когда они будут готовиться ко сну, через потайное окошечко. Михаил удивился хитрости своей родительницы и с удовольствием послушался ее совета.

Среди привезенных невест он сразу же отметил семерых, на которых «больно было глядеть, столь красны лицем». Но две из них оказались злы и крикливы, третья перед сном неожиданно для царя отцепила фальшивую косу. Еще одна показалась Михаилу глупой. Три последние были, кажется, достойны того, чтобы стать царицами. Царь

просто стал внимательно наблюдать за этими девушками, сравнивая их между собой. И к тому времени, как в зале погасили свечи, уже не сомневался — его жену и царицу будут звать Евдокией. У этой девушки была молочна-белая кожа, румянец во всю щеку, собольи брови и зеленые глаза лесной русалки. Как будто зная, что на нее смотрят, девушка вдруг остановилась прямо против потайного оконца и бросила в сторону спрятавшегося царя взгляд, перевернувший ему всю душу.

«Выбралли кого?» — нетерпеливо спросила царя мать. Михаил молча кивнул.

На следующий день Михаил стремительно обошел ряд выстроившихся перед ним девушек, но к удивлению своему не увидел среди них своей Евдокии. Не поверил себе — второй раз прошелся, заглянул каждой в лицо. Не померещились ли ему эти зеленые колдовские очи вчера у тайного оконца? Не может быть! И тут Михаил все понял.

«Привести ко мне всех мамок, нянек и сенных девок, которые ночевали с боярышнями в царском тереме!» — приказал он. И среди перепуганных прислужниц увидел наконец свою избранницу

«Что ты делаешь со мною, сын?» — заголосила инокиня Марфа. — «По воле Божьей и твоей принял я венец и царство, — грустно сказал Михаил. — Ни в чем не посмею быть ослушным моей матери. Ты всегда была наставницей и моим покровителем, все исполню. Но сердце мое никогда не выберет, никакой не полюбит, кроме выбранной. Я, видно, определен к одним бедствиям! Любимой невесты лишился. Первой супруги лишился в первые месяцы брака. Теперь лишаюсь невесты при самом избрании. Она не знатной породы. Может быть, она знает бедность, горе... и я испытал нужду и гонение...»

И сжалилась наконец суровая родительница над своим сыном. «Воля Божая да будет с тобой! — проговорила она, тяжко вздохнув. — Возьми чу, которая пришлась тебе по сердцу».

Красавица Евдокия оказалась дочерью бедного дворянина Луки Стрешнева из-под Можайска, вынужденная волею судьбы прислуживать своей богатой и спесивой родственнице-боярышне. Хочя она и не ровня Романовым, но все же и не совсем низкого происхождения. И это примирило в конце концов бояр с выбором государя.

Из «русской Золушки» Евдокии Стрешневой получилась примерная царица. Она нарожала Михаилу Романову множество детей, обустроила наконец его по-холостяцки аскетичный (если это слово вообще может быть применимо к царям) быт и сумела укротить норовистых боярынь, которые при прежних царицах, тихих и смиренных,

обнаглели настолько, что могли уже поучать жен царя и даже оскорблять их словесно.

Одно лишь со дня венчания и до конца жизни беспокоило Евдокию: напуганная рассказами Филарета, царица постоянно с ужасом ожидала страшной мести из Польши. Заболеет ли ребенок, обнаружится ли у какой-нибудь служанки в личных вещах мешочек с травами или таинственными порошками — Евдокии мерещится рука злобной королевны Анны, обиженной на Михаила Романова за то, что тот пренебрег ею.

Дочь короля Сигизмунда III, кстати сказать, жила, даже и не поминая никогда о русском царе. Ее мало интересовали события, которые происходили в пору ее младенчества, и заботило скорее иное. То, что ее набожная мать, королева Констанция, в день ее десятилетия вдруг ни с того ни с сего дала в костеле обет постричь Анну в монахини. Уж больно завидной казалась государыне Речи Посполитой участь аббатисы Краковского монастыря бенедиктинок, которую она уготовила единственной дочери.

Однако Бог уберег несчастную королевну от такой участи. В 1631 году во время торжественного шествия в праздник тела Господня королева Констанция получила солнечный удар, от которого и скончалась. В 1632 году отошел в мир иной Сигизмунд III, а сменивший его на престоле Владислав не стал препятствовать земному счастью сестры и отдал ее замуж за нейбургского курфюрста Филиппа Вильгельма.

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

О том, как Тристан изменял своей Изольде

Во все времена люди стремились подражать прекрасным идеалам, провозглашенным романтически настроенными поэтами. В конце XVI столетия впервые на белорусский язык была переведена прославленная «Повесть о Тристане и Изольде». Списки с «самой прекрасной любовной истории на свете» быстро появились во многих магнатских и шляхетских домашних библиотеках. Чтение их вызывало восторженные чувства у нежных пани, мечтавших о пылкой страсти на всю жизнь. Подчиняясь желаниям своих жен и возлюбленных, мужчины включались в увлекательную и романтическую любовную игру, где им надлежало изъясняться высоким слогом и совершать всевозможные безумства ради своих Изольд.

Заказал знаменитую книгу и несвижский князь Миколай Криштоф Радзивилл по прозвищу Сиротка, который намеревался подарить ее своей будущей жене Альжбете Эуфимии Вишневецкой. Молодые получили «Повесть о Тристане и Изольде» как раз во время своего медового месяца.

Шестнадцатилетней Альжбете Эуфимии, вышедшей замуж по большой любви, подарок показался символичным. С увлечением взялась она за чтение и заучивала наизусть целые главы.

Результат был непредвиденным. Ровно через год в семье черноволосых родителей появилась на свет белокурая, как легендарная красавица Изольда, дочь. Ее назвали тем же именем, которое носила ее мать — Альжбета.

Дитя любви, девочка росла, радуя отца и мать, окруженная всеобщей заботой, в атмосфере романтики и куртуазности. Родители не хотели, чтобы их «маленькое чудо» Альжбета-Изольда видела окружающий мир в неприглядных, мрачных красках, поэтому при дворе Радзивиллов все смеялось, цвело и пело.

Говорят, судьба завистлива к человеческому счастью. В 1596 году в возрасте 27 лет умерла княгиня Альжбета Эуфимия. Вдовец Миколай Криштоф на всю оставшуюся жизнь облачился в траур. Девочка, которой только-только исполнилось десять лет, искренне разделила горе отца, стараясь изо всех сил помочь ему в нелегком деле воспитания младших братьев и сестер, которых было семеро. Юное создание «с волосами цвета серебра» и нежным персиковым цветом кожи, одетое в темный бархат, еще более подчеркивающий ее очаро-

вание, обращало на себя внимание всех, кто посещал в это время Несвижский замок.

Молва уже предсказала Альжбете в будущем славу первой красавицы Великого княжества Литовского. К тому же она была представительницей одного из самых богатых по тем временам магнатских родов. Надо ли говорить, что руки юной Радзивилл уже с двенадцати лет настойчиво стали добиваться разновозрастные паны.

Отец не спешил расстаться со своей любимицей, резонно полагая, что сполна изведать доли замужней женщины его маленькая «Изольда» еще успеет, тем более что он пока не видел достойной партии для дочери.

Возможно, придирчивый отбор и отсев женихов продолжался бы еще долго, если бы в 18 лет Альжбета не заявила, что готова выйти за мечника коронного Габриеля Течинского, в котором увидела своего Тристана.

Течинскому было тридцать лет, он был красив и мужествен. О нем мечтали многие женщины, но сам герой не спешил с выбором. Первая жена Габриеля умерла, так и не родив ему наследника. В ее роду случаи бесплодия были нередки. Поэтому расчетливый мечник коронный присматривал себе невесту из семей, где на протяжении хотя бы двух поколений женщины часто и удачно становились матерями.

С этой точки зрения Альжбета Радзивилл подходила ему как нельзя лучше. Впрочем, избраннице своей Течинский, конечно, своих истинных чувств не открыл. С высоты тридцати лет, снисходительно улыбаясь, смотрел он на юную, неопытную девушку, мечтающую о книжной любви, и беззастенчиво лгал ей, притворяясь пылким героем красивой легенды.

Пышная, достойная магнатов Радзивиллов свадьба состоялась летом 1604 года в Несвиже, а потом красавец Габриель увез молодую жену в свое родовое поместье в Польшу. Околдованная призраком любви, «Несвижская Изольда» одного за другим родила Течинскому сыновей Криштофа и Яна.

А потом произошло то, что навсегда подорвало ее веру в высокие чувства. Ее Габриель-Тристан перестал проявлять интерес к жене и, не скрываясь от нее, завел любовницу, некую Касю, горожанку незнатного происхождения.

В несвижском архиве сохранились письма несчастной Альжбеты к отцу, в которых она сетовала на свою горькую судьбу, используя при этом образную лексику из «Повести о Тристане и Изольде». И уж

совсем, как Изольда Белокурая, Альжбета вспоминала в отчаянии то канувшее в Лету время, когда любимому «ничего не было милее меня».

На протяжении почти десяти лет Миколай Криштоф пытался вернуть в семью беспутного Габриеля. Уговоры и увещевания сменялись угрозами. Был момент, когда брат покинутой женщины Альбрехт Владислав чуть было не вызвал оскорбителя сестры на поединок. Остановило его лишь то, что несчастная от одной мысли о возможном смертельном исходе для кого-либо из дуэлянтов пришла в ужас и заявила, что лучше «отнимет жизнь у самой себя».

Впрочем, кажется, сам Господь Бог решил наконец вступиться за оскорбленную женщину. В 1617 году неверный «Тристан» умер в возрасте сорока трех лет. Новым ударом для Альжбеты стали внутрисемейные имущественные тяжбы, которые еще до похорон Течинского начали вести с нею его родственники, а с ними и любовница Кася. Опасаясь прилюдного оскорбления с их стороны, несчастная женщина в письме к братьям (отца на то время уже не было в живых) умоляла прибыть на погребение Габриеля и вступиться за ее честь: «Если хотя бы кого-нибудь из вас не будет на похоронах, я из клештаря, где у гроба сижу, не сдвинусь».

Наверное, только страх находиться и далее в недружелюбном окружении подтолкнул Альжбету на новый брак. В первые месяцы 1618 года вдовство ее закончилось, она вышла замуж за последнего представителя магнатского рода Кишек Криштофа, а через полгода внезапно умерла.

«Лучше было бы ей девушкой в монастырь уйти», — высказал странную эпитафию своей бедной сестре один из братьев Сигизмунд Кароль Радзивилл, мальтийский рыцарь.

Но кто знает, что в жизни лучше, а что хуже для человека, в чем его счастье, а в чем несчастье?

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

О том, до чего может довесит человека сварливая жена

Как ни странно, самые удивительные истории человеческих взаимоотношений грядущие поколения узнают благодаря извлеченным из пыльных архивов судебным документам.

События, о которых мы собираемся рассказать, произошли в 1612 году. В качестве обвиняемого перед судом предстал двадцатичетырехлетний князь Януш Ежи, старший сын владетеля Несвижа Миколая Криштофа Радзивилла Сиротки. Судили его за разбой, что было великим позором для магната, представителя такой знатной фамилии. Все больше вникая в суть преступления и оценивая причины, побудившие к его совершению, судьи сожалели, что не имеют по закону возможности посадить рядом с Радзивиллом на скамью подсудимых его супругу Элеонору.

Впрочем, все по порядку. Впервые Януш Ежи увидел женщину, ставшую впоследствии его злым гением, в 1608 году в городе Остроге. Туда съехалось «все великое панство» Речи Посполитой на похороны воеводы киевского Василия Острожского, человека незаурядного ума, который вошел в историю как «остатний защитник православия» в своей державе.

В последний путь великого деда провожали три внука и пять внучек — все они уже исповедовали католицизм. Наиболее ревностной в этом деле стремилась показать себя старшая из них, двадцатидвухлетняя Элеонора. Она громко причитала, жалуясь Пану Езусу на упрямство старика Острожского, который и перед самой кончиной своей не признал «единственной истинной веры», и, набожно перебирая четки, беспрестанно читала католические молитвы.

Воспитанник отцов-иезуитов из несвижского коллегиума Януш Ежи не мог не обратить внимания на такое проявление благочестия и решил поближе познакомиться с Элеонорой. Когда начались поминки, он занял место за столом подле нее. О чем говорили эти двое — неизвестно. Только вернувшись домой, сын заявил отцу, что твердо решил жениться на Острожской.

Нельзя сказать, что этот выбор обрадовал старого князя. Дело было даже не в том, что избранница Януша Ежи оказалась старше его на два года (по тем временам так же, как и сейчас, подобная разница в возрасте в глазах общества не имела никакого значения), а в том, что Элеонора уже успела побывать один раз замужем и овдоветь. С высоты своего возраста Миколай Криштоф знал, как быстро

становятся практичными и искушенными в делах житейских замужние женщины, и потому никак не мог поверить во внезапно вспыхнувшую страсть Элеоноры Острожской к его сыну. Скорее всего, решил он, дама ловко подыграла простодушному и неопытному мальчику, обратившему на нее внимание, и постаралась использовать все возможные женские хитрости, чтобы влюбить его в себя. На самом же деле ее интересует наследство Радзивиллов. Ведь Януш Ежи — старший сын в семье, именно к нему по праву после смерти отца перейдет большая часть фамильных богатств самого могущественного рода в Великом княжестве Литовском.

Предчувствия не обманули старого князя. Прибыв в назначенное время на встречу с ним, отец невесты, краковский каштелян Януш Острожский, потребовал внести в брачный контракт условия, которые могли быть продиктованы только настоящими стяжателями. Острожские требовали, чтобы старый Радзивилл еще при жизни своей передал Янушу Ежи права на владение наследственными имениями, а также уступил ему Виленское воеводство. Только отчаянный взгляд влюбленного юноши заставил отца отказаться от внезапного желания послать ко всем чертям лезущего в родственники авантюриста и сесть с ним за стол переговоров. После долгих обсуждений и споров обе стороны пошли на уступки. Миколай Криштоф передал сыну имения Мир, Свержень, Миколаевщина и Могила, объявив их его долей наследства, и документально оформил права Януша Ежи на Несвиж после своей смерти.

Свадьбу решено было отпраздновать в местечке Язловец, которое досталось Элеоноре от умершего первого мужа, воеводы подольского Геронима Язловецкого. Там же, в обустроенном Острожской уютном гнездышке, молодожены и обосновались.

Увы, их семейная идиллия длилась недолго. Лишь только минул сладкий первый месяц супружеской жизни, Элеонора не преминула показать свой истинный характер, превратившись из нежно мурлыкающей кошечки в свирепую тигрицу. И первым объектом ее нападок стал несчастный супруг. Жестоко осмеивая его внешность, слова, привычки, грубо бранясь с ним по каждому поводу, она вскоре так извела Януша Ежи, что он стал нервным и раздражительным и целыми днями искал теперь, на кого бы выплеснуть свою злость и агрессивность. Очень скоро Радзивилл переругался со всеми своими старыми приятелями, которые зареклись переступать порог его дома, и переключился на соседей. Благо, нашелся и повод.

Элеонора ознакомила Януша Ежи с завещанием своего первого мужа, который, умирая, назвал наследниками своих обширных име-

ний кроме жены нескольких подольских шляхтичей, неоднократно приходивших в трудное время на выручку и охотно разделявших с ним часы досуга. Мало того, Язловецкий, сильно переживавший, что у него с пани Элеонорой нет детей и только перед смертью узнавший, что не он, а супруга, которая переболела чем-то в юности, обрекла их на бездетность, ограничил ее наследственные права и на ту недвижимость, что по завещанию досталась ей. Острожская владела Язловцом и окрестными селами без права передачи их по наследству своему следующему мужу или каким-либо родственникам. После смерти Элеоноры все имения Язловецкого должны быть поделены между его добрыми приятелями Косовскими, Чурилами, Белорецкими, Вольскими, Гольскими...

Януш Ежи почувствовал себя обманутым и принялся яростно судиться с соседями. На процессах он вел себя вызывающе: дерзил судьям, сквернословил, размахивал кулаками перед соперниками. Но на решение суда, как правило, это никак не влияло. На некоторые имения покойного Язловецкого Янушу Ежи удалось доказать свои права, но ряд процессов он проиграл. После каждой такой неудачи молодой Радзивилл приходил в бешенство и, подогреваемый колкостями Элеоноры, чинил своим противникам мелкие гадости.

Однажды, собрав вооруженный отряд, он напал на замок вдовы Зофьи Гольской в имении Бучач, которое тщетно пытался у нее отсудить. Замок буквально был взят штурмом, хозяйке едва удалось унести ноги от бесчинствующих молодцев.

Возмущенные соседи стали уговаривать Гольскую подать на обидчика в суд. Но шляхтянка решила не горячиться. Она была почти уверена, что судьи примут решение в ее пользу. Но ведь Радзивилл, напав на Бучач, признанный ее законной собственностью, уже показал, что ни во что не ставит законы. Смогут ли судьи заставить его вернуть ей имение?

Зофья Гольская попыталась заручиться сначала поддержкой какой-нибудь влиятельной особы. Ее выбор пал на вельможного пана Станислава Ланскаронского, который был некогда ее поклонником. Ланскаронский после смерти Язловецкого стал воеводой подольским. Его слово в этом крае было самым весомым.

Расчет оказался верным. Пан Станислав не только согласился сделать все от него зависящее, чтобы наказать обидчика Гольской, но и предложил вдове выйти за него замуж. Пани Зофья ответила подольскому воеводе согласием.

И вот уже Ланскаронский от имени жены обратился в коронный трибунал с жалобой на Радзивилла, действия которого он расценивал как настоящий разбой.

Чиновники, прибывшие из Кракова, тут же потребовали у местных властей (которые находились в подчинении у Ланскаронского) подвергнуть Януша Ежи домашнему аресту до вынесения судебного решения. Радзивилл оказался запертым в Язловецком замке.

Сначала он искренне смеялся над возней, затеянной вокруг его молодецкого поступка, но вскоре ему стало не до смеха. Судьи склонялись к тому, чтобы квалифицировать его действия как разбой, и спорили теперь лишь о мере наказания для именитого разбойника: смертная казнь или вечное изгнание. Окончательно сломил подсудимого поспешный отъезд из Язловца его жены. Поняв, что дело приобретает скверный оборот и, видимо, опасаясь быть привлеченной к ответственности за соучастие (ведь именно она своими упреками и ядовитыми насмешками способствовала тому, что Януш Ежи решился доказывать свои права на имение Бучач столь преступным способом), Элеонора поспешила под защиту своего отца в Острог.

«Не иначе, я пасынок судьбы!» — с горечью воскликнул на одном из судебных заседаний Радзивилл, которому уже снились по ночам плаха и топор.

Но в этом мире, ставшем вдруг очень недружелюбным к молодому магнату, жил человек, который, несмотря ни на что, продолжал любить Януша Ежи. Это был его отец Миколай Криштоф Радзивилл. Он решил сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти сына. Нанятый им лучший в Речи Посполитой адвокат сумел убедить судей, что о разбойном нападении не может быть и речи, ведь князь захватил спорную недвижимость, не причинив при этом вреда ни бесспорно принадлежавшему вдове имуществу, ни ей самой. Еще более убедили панов трибунала деньги, которые раздавал щедрой рукой старый князь.

В результате Януш Ежи был приговорен только к выплате огромного штрафа в пользу Зофьи Гольской-Ланскаронской. Объект споров — имение Бучач стало королевской собственностью.

Выиграв сражение за жизнь сына, отец на этом не остановился и вступил в борьбу за восстановление его честного имени. Надо сказать, что старый магнат так в этом преуспел, что уже через четыре года, в 1616 году, Янушу Ежи было предложено возглавить трибунал литовский, то есть самому выступать в качестве главного судьи, вершителя человеческих судеб.

Страх и позор, через которые довелось пройти вместе с мужем Элеоноре Острожской, сделали ее более покладистой. Вернувшись после суда к чудом спасшемуся супругу, она уже больше не решалась ни осмеивать, ни унижать его. Но полностью переделать себя женщина так и не смогла. Янушу Ежи то и дело доводилось слышать ее пронзительные крики на кухне, где она распекала за что-то кухарок, или в конюшне, где воевала с конюхами. Однажды она разошлась даже в костеле, где перед самой службой вступила в спор с некоей бедной шляхтянкой, которая осмелилась занять место рядом с пани Радзивилл.

В марте 1616 года после похорон умершего отца Януш Ежи к радости всей подольской шляхты покинул Язловец и переехал с женой в Несвиж. Там в 1618 году сварливая Элеонора умерла.

Семь лет Радзивилл отдыхал от супружества, путешествуя по Европе. Наконец, вернувшись на родину, он решился связать себя новыми брачными узами. В невесты Януш Ежи выбрал Катажину Войну, сироту неброской внешности, но зато с золотым характером. По настоянию жениха венчание было назначено на 6 января 1626 года, в очередную годовщину смерти Элеоноры. Тридцатисемилетний князь хотел заявить таким образом всему миру о начале новой жизни, в которой нет места унынию, огорчениям и неудачам.

Но, наверное, небеса восприняли это как вызов, потому что Януш Ежи Радзивилл неожиданно скончался за двадцать дней до свадьбы.

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

О той великой силе, которую смертные называют судьбой

Даже самые убежденные материалисты в минуты растерянности и отчаяния поминают судьбу, это неумолимое божество, воли которого нельзя предугадать и которому очень сложно противостоять. Что уже говорить об идеалистах, искренне верящих в существование высшего разума, повелевающего людьми!

Эта история, действующими лицами которой стали мужчина и три женщины, — яркий пример того, как велика и неотвратима сила судьбы. Началась она в 1614 году в Риге, куда волею короля Сигизмунда III был прислан в качестве нового старосты Альбрехт Владислав, второй из сыновей Миколая Криштофа Радзивилла Сиротки. Двадцатишестилетний герой, прошедший школу мужества под предводительством прославленного полководца гетмана Яна Кароля Ходкевича, уже успел отличиться в боях за Ливонию, принимал участие в первой Московской кампании. Суровые ветераны минувших войн сулили Радзивиллу большое будущее на марсовых полях. Не случайно именно Альбрехту Владиславу вельможные паны на очередном вальном сейме решили доверить ключи от Риги, которая была одним из важнейших стратегических объектов Речи Посполитой в Ливонии.

Увы, сердце храброго воина, принявшего на себя все заботы, связанные с восстановлением Риги, которая сильно пострадала во время штурмов и осад, и укреплением крепостных стен, было далеко от Ливонии. Он был влюблен. Пленившая воображение Радзивилла красавица Анна Племенская жила в Торуни. Теперь им предстояло некоторое время общаться лишь посредством писем.

«Моя королева, моя прекрасная госпожа, — писал Альбрехт Владислав, — как живу без тебя, то день годом тянется».

Не менее тяжело переживала разлуку и девушка, которой волею судьбы приходилось жить в доме отчима, старосты старогородского Матея Немаевского, человека властного и деспотичного. Она боялась признаться ему в своих чувствах к Радзивиллу. Были трудности и у Альбрехта Владислава. Вот уже второй год вел он психологическую борьбу со своим престарелым отцом, который почему-то противился браку сына с красавицей Анной.

Однажды кто-то рассказал Альбрехту Владиславу о некоей женщине, которая живет в окрестностях Риги и умеет предсказывать будущее. Рижский староста, к удивлению многих, оказался человеком суеверным. Он решил познакомиться поближе с гадалкой, чтобы уз-

нать о том, как сложатся в дальнейшем его отношения с возлюбленной.

«Не буду пересказывать тебе, как и что делала эта женщина, чтобы заставить души умерших открыть для меня будущее, — поведал он в письме к брату, мальтийскому рыцарю Сигизмунду Каролю. — Но, прощаясь со мною, она утверждала лишь одно: имя моей судьбы — Анна».

В феврале 1616 года Альбрехт Владислав, покинув на время Ригу, приехал на похороны неожиданно умершего отца. В связи с горестным событием он получил от короля право на несколько месяцев отпуска и воспользовался этим, чтобы наконец поставить точку в своих ухаживаниях за панной Племенской. В мае сваты рижского старосты, главным из которых был его брат Сигизмунд Кароль, создатель и глава первого в Речи Посполитой территориально-административного подразделения Мальтийского Ордена — командорства, овеянный славой в борьбе с берберийскими пиратами на Средиземноморье, направились в Торунь. Все были уверены в успехе сватовства.

Но судьба зло посмеялась над влюбленными. Отчим девушки Матей Немаевский решительно отказал Альбрехту Владиславу. Втайне от всех и даже от самой Анны он пообещал, выдать ее за одного из своих старых приятелей. Возможно, Альбрехт Владислав и попытался бы соединиться вопреки воле отчима со своей возлюбленной, например, похитив ее. Но от перенесенного потрясения девушка слегла и вскоре умерла от лихорадки.

Не в силах видеть, как страдает его брат, Сигизмунд Кароль решил прийти ему на помощь. Он напомнил Альбрехту Владиславу, что их престарелый отец в последние годы своей жизни неоднократно предлагал ему посватать единственную дочь канцлера Льва Сапеги, кстати, тоже Анну. Девушка молода, хороша собой и богата. Чем не партия? В конце концов большинство панов Речи Посполитой женятся не по любви, а из династических соображений.

Вспомнив слова гадалки, рижский староста подумал: «Быть может, судьбой его должна стать именно Анна Сапега? Возможно, так решил его участь сам Господь Бог?» И Альбрехт Владислав дал брату разрешение посватать дочь великого канцлера.

Брак с Анной Сапегой не принес Радзивиллу ни спокойствия, ни утешения. Это были официальные отношения без всякой нежной привязанности. Сердце Альбрехта Владислава разрывалось от тоски и горя. Сердце же его молодой супруги билось ровно, так, как будто она

по-прежнему была юной девушкой, ожидающей, что в один прекрасный день к ней непременно придет настоящая любовь.

Но пришла не любовь, а смерть. В 1626 году после кончины старшего брата Януша Ежи Альбрехт Владислав получил во владение фамильную резиденцию Несвиж и переехал туда с супругой. Да, видимо, не в добрый час. В тот год Великое княжество Литовское посетила чума. Осенью она добралась до Несвижа. Перепуганная Анна, беспрестанно молясь о том, чтобы незваная гостья обошла стороной их семью, произнесла однажды в храме роковые слова. Она сказала, что готова умереть любой смертью и в любое угодное Богу время, если только он убережет ее от чумы. Видимо, ее молитвы дошли до небес. Княгиня в полном здравии пережила время эпидемии, чтобы уйти на тот свет в следующем году от воспаления легких.

Анна Сапега не оставила Альбрехту Владиславу детей, поэтому он вынужден был опять задуматься над необходимостью найти спутницу жизни. И вновь выбор его пал на девушку по имени Анна, дочь геройски погибшего в битве с турками соратника гетмана Ходкевича, полоцкого каштеляна Миколая Богуслава Зеновича.

Нежная и хрупкая четырнадцатилетняя Анна Зенович покорила сердце Альбрехта Владислава взволнованными рассказами о подвигах и гибели своего отца.

«Это было под Хотином, — рассказывала юная панна так, будто пела печальную народную балладу о героических деяниях предков. — Наши хорутви вступили в кровавую битву с турками. И была уже близка победа султана. Но великий гетман обратился со слезами на глазах к отважным литвинским панам Сапеге и Зеновичу. Блеснули сабли в руках героев, и дрогнули янычары. Но не заметил в пылу битвы пан Зенович, как конь занес его далеко от литвинских воинов и вокруг него сомкнулись ряды свирепых турок. Один янычар сбил с его головы шлем, а другой ранил в голову. Сумел пан Зенович, сразив многих врагов своих, выбраться из сечи. Но рана была слишком тяжела. И вот приняла Матка Боска Ченстоховска последний вздох героя, отца моего, пана Зеновича, и мне наказала до окончания жизни моей молиться за отца моего и плакать о нем».

Безусловно, девушка, которая могла так тонко чувствовать, по мнению Альбрехта Владислава, должна была стать достойной супругой воина. Увы, он обманулся. Третья Анна в его жизни, поддавшись влиянию тогдашней странной моды, мечтала лишь об участи монахини. Она родила супругу дочерей Катажину и Альжбету, однако большую часть своего времени проводила в постах, молитвах и общении со святыми сестрами-бенедиктинками из Несвижского

монастыря. Благодаря Анне Зенович эта святая обитель получала ежегодно в день именин княгини огромные пожертвования из казны Радзивилла.

Альбрехт Владислав не мешал религиозным безумствам своей жены. Он понял, что счастья в семейной жизни ему уже не обрести, и отдал всего себя делам службы. В 1666 году он умер.

Удивительно, но пятидесятидвухлетняя вдова, получив наконец свободу и вместе с нею возможность распоряжаться своей жизнью так, как она считает нужным, монахиней не стала. Она склонила к этому своих дочерей, а сама вышла замуж.

РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

О том, что внешность мужчины не имеет никакого значения для любящей женщины

Александр Людвик, самый младший сын несвижского князя Радзивилла Сиротки, был добродушным и смешным толстяком, который предпочитал ратным подвигам и дипломатической карьере веселое времяпрепровождение в кругу друзей, модные наряды и обильные трапезы. Тем не менее именно ему досталась в жены самая прелестная и самая умная девушка в Великом княжестве Литовском Текли Волович.

Впервые они увидели друг друга в 1616 году. Нам неизвестно, где именно произошла эта встреча, после которой двадцатишестилетний Радзивилл решил для себя отныне и навсегда быть верным рыцарем Текли.

1616 год был трагическим для Александра Людвика, так как в конце февраля умер его отец. Сразу же после траурной церемонии сыновья Сиротки, согласно завещанию отца, произвели раздел обширного его наследства и поспешили вступить во владение полученными местечками и селами. С марта до конца 1616 года Александр Людвик был занят разрешением юридических формальностей и хозяйственных вопросов, поэтому практически нигде кроме своих имений не бывал. Возможно, встреча могла состояться на похоронах.

В XVII веке проводы в последний путь магнаты обставляли как своеобразное многоактное театрализованное представление. К ним тщательно готовилась вся родня покойного. Обсуждалась каждая мелочь предстоящего церемониала с последующими поминальными обрядами. Иногда на подготовку похорон уходило несколько месяцев, в течение которых покойный лежал в своем гробу в каком-нибудь храме или монастыре. Братья Радзивиллы не стали подвергать своего почившего отца столь тягостному испытанию и постарались предать его земле как можно скорее, благо все необходимые распоряжения были сделаны князем Сироткой заранее. Согласно последней воле старого князя его набальзамированное тело, завернутое в простой серый плащ пилигрима (все мы в этом мире лишь странники, скитающиеся в поисках божественной истины), было положено в склеп Несвижского фарного костела, который со временем превратился в семейную усыпальницу.

После многочасовой мессы и грандиозного траурного шествия гостей Несвижского замка ожидало застолье с ломившимися от

изобилия блюд и напитков столами, где в течение целой недели друзьями и родственниками покойного должны были беспрестанно произноситься цветистые и необыкновенно длинные поминальные речи.

К назначенному дню в Несвиж по разосланным заранее приглашениям съехалось все «ясновельможное панство» Великого княжества Литовского. Присутствовал на погребении и староста жмудский Героним Волович. Судя по всему, на этот раз кроме жены Альжбеты он решил взять с собой двух юных паненок — двенадцатилетнюю падчерицу Катажину. (отцом которой был староста усвятский Магей Война) и свою единственную дочь десятилетнюю Теклю. Старшая из сводных сестер уже вполне могла восприниматься как невеста, ибо всего через полтора года по законам Речи Посполитой она становилась совершеннолетней. Но Текля, для которой этот выезд был, видимо, первым, была еще абсолютно не готова к тому, чтобы отвечать на галантные ухаживания. И тем не менее именно тогда между юной Волович и Александром Людвиком произошло нечто такое, что способствовало возникновению взаимной симпатии и привязанности.

Когда срок траура по отцу истек, Радзивилл стал под разными благовидными предлогами навещать Воловичей. Получив возможность время от времени видеть Теклю, он начал ухаживать за панной. Это были очень необычные и трогательные ухаживания. Учитывая нежный возраст своей избранницы, Александр Людвик дарил ей сласти, затейливые игрушки и ручных зверьков. Родители девочки снисходительно смотрели на это, полагая, что в глазах Радзивилла их дочь — всего лишь избалованный, ожидающий гостинцев ребенок.

Но годы шли. Подарки Александра Людвика становились все более дорогими, и взрослеющая Текля стала смотреть на своего рыцаря долгим оценивающим взглядом. Детские забавы постепенно уступали место иным увлечениям и пристрастиям. Панна Волович стала членом францисканского братства святой Анны. Эта женская религиозная организация, вступая в которую каждая «сестра-мирянка» принимала в качестве второго имени имя Анна, обязывала к совершению милосердных дел и религиозному просветительству. Текля Волович стала пламенной проповедницей идей святого Франциска Асизского и призывала теперь своих близких быть скромными в быту, сдержанными в поведении и терпимыми к людским недостаткам.

Сердце умной и серьезной девушки гораздо труднее завоевать, чем сердце беззаботной простушки. Но шляхетные женихи, объявившиеся, как только Текля стала совершеннолетней, и не делали таких попыток. Привлеченные красотой девушки и не менее этого ее богатым приданым, кавалеры в большинстве своем старались произвести

впечатление на ее родителей. И вскоре те, действительно, начали живо обсуждать между собой достоинства и недостатки претендентов, выбирая для своей дочери лучшую партию.

Кандидатура Александра Людвика не рассматривалась. Род Радзивиллов был одним из самых богатых и могущественных в Великом княжестве Литовском, но в глазах Воловича и его супруги Александр Людвик подходящим женихом не был. Мало того, что как самый младший из сыновей Сиротки он получил самую небольшую часть наследства, этот Радзивилл абсолютно не соответствовал идеалу мужественного рыцаря, воспеваемого в балладах и песнях. Он был слишком тучен и совершенно не мечтал, в отличие от энергичных и честолюбивых мужчин своего возраста, о боевых подвигах, славе, верном и доблестном служении королю. Но именно Александр Людвик стал первым и единственным наперсником Текли в ее благотворительной деятельности. Он ходил вместе с ней проведывать больных горожан, щедро раздавал деньги просящим милостыню, жертвовал большие суммы на костелы и монастыри. Молодой Радзивилл постарался сделать все, чтобы понять до конца чувства и устремления своей юной избранницы и стать ее вторым «я», тем, без кого девушка уже никак не могла представить своей жизни.

Когда знаешь человека долгих десять лет, постоянно встречаешься с ним, обсуждаешь наболевшие проблемы и безбоязненно поверяешь самые заветные тайны, трудно точно определить, когда дружба и привязанность уступают место любви. Текля Волович полюбила Александра Людвика не с первого взгляда, не тем безрассудным чувством, которое вызывают внешняя привлекательность и умение красиво изъясняться, а любовью глубокой и проверенной, основанной на знании самых лучших человеческих качеств избранника. Вызывающая у других улыбку неуклюжая, тучная фигура Александра Людвика виделась ей совсем иначе. Она знала, как добр, душевен, сострадателен и благороден этот человек, и поэтому для нее он был красив.

В 1625 году Радзивилл наконец открыто признался в своих чувствах и намерениях Текле Волович. Ему было в то время уже тридцать пять лет, ей едва исполнилось девятнадцать. Она была уже совсем взрослой для принятия серьезных решений и радостно ответила согласием.

Возможно, родители девушки смогли бы подыскать какую-нибудь убедительную причину, чтобы отказать Александру Людвику, но за него внезапно вступился старший брат и главный наследник Сиротки Януш Ежи. Он заявил, что готов взять в жены сводную

сестру Текли Катажину, если Текля действительно станет супругой его младшего брата.

Решено было сначала отпраздновать свадьбу Януша Ежи и Катажины, а вслед за этим обвенчать Теклю с Александром Людвиком. Но вмешалась судьба. Накануне своего торжества Януш Ежи внезапно умер. Ситуация изменилась. И хотя Волович не мог расторгнуть брачное соглашение с Александром Людвиком, интерес к предстоящей свадьбе дочери у него сразу пропал. Он решил избавиться от нежеланного жениха весьма оригинальным способом.

Героним Волович тайно переговорил с несколькими панами из числа сватавшихся к Текле. И как результат этого Александр Людвик внезапно получил сразу пять вызовов на дуэль. Быть может, Волович, обещавший руку Текли тому из панов, которому удастся победить Радзивилла, полагал, что справиться с такой задачей будет нетрудно. Но он просчитался. Неуклюжий жених его дочери совершенно неожиданно для всех оказался прекрасным фехтовальщиком.

Еще совсем юным Александр Людвик был послан отцом для обучения за границу. К великому сожалению близких, при всем старании заметных успехов в науках княжич не добился, поскольку его гораздо больше интересовали вопросы новейшей моды и как любителя вкусно поесть — изысканные кулинарные рецепты. Единственным положительным приобретением сына, по оценке Сиротки, было его знакомство с неким французским дворянином, который обучил его очень полезному в то время искусству фехтования на шпагах. В дальнейшем Александр Людвик добавил к этому умению мастерство сабельного удара и научился метко стрелять. Таким образом, внешний вид его был очень обманчив.

Это неприятное открытие довелось сделать ясновельможному пану Потоцкому. Самоуверенный задира, приславший свой вызов раньше других, был серьезно ранен в первую же минуту поединка. Александр Людвик прекратил бой и распорядился немедленно послать за лекарем.

Узнав об этом, остальные противники, кто более, кто менее охотно, сочли за лучшее согласиться на примирение, которое каждому из дуэлянтов предлагал добродушный Радзивилл.

Свадьба состоялась в начале мая 1626 года в Гродно. Александр Людвик и Текля были счастливы и никогда в дальнейшем не пожалели о том, что избрали друг друга. Радзивилл построил для жены в своем имении Белая роскошный, почти королевский дворец. Она научила его понимать нужды и беды своих подданных и оказывать им необходимую помощь. Ради Текли Александр Людвик большими деньгами

откупался от участия во всех военных авантюрах, которого требовал от него, как от своего вассала, король. Ради него Текля восемь раз становилась матерью.

Девятые неудачные роды ее убили. Печальное стечение обстоятельств способствовало этому. Беременная Текля неожиданно получила известие о смерти отца, которое подкосило ее. Когда через несколько месяцев подошел ее срок, у бедной женщины совершенно не было сил для того, чтобы бороться за свою жизнь и жизнь ребенка. Дитя пережило мать всего на несколько часов.

Александр Людвик был так потрясен, что тут же чуть не отправился вслед за своей возлюбленной туда, откуда нет возврата. Два месяца лучшие врачи Великого княжества Литовского делали все возможное, чтобы победить нервную лихорадку, которая уложила вдовца в постель. А потом еще месяц вся родня попеременно дежурила при нем, опасаясь, что Радзивилл наложит на себя руки.

Казалось, все усилия близких и небезразличных к судьбе Александра Людвика людей окажутся напрасными, так как он был безутешен и не хотел жить. Но, видимо, судьбе было угодно, чтобы Радзивилл еще задержался на этом свете. В конце концов благодаря некоему немецкому повару, большому искуснику в своем ремесле, Александр Людвик стал выходить из глубокой депрессии. У князя появился аппетит, потом постепенно стали возвращаться другие чувства и желания. Трагическое и смешное в нашей жизни так сильно переплетаются...

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ
О пани Гризельде и слонимской ведьме Раине

Осень 1632 года в Великом княжестве Литовском началась с подготовки к очередной пышной и грандиозной магнатской свадьбе. Пан Криштоф Веселовский, который занимал должность маршалка надворного литовского, а значит, был вторым по должности сановником великокняжеского двора, выдавал приемную дочь Гризельду замуж за своего начальника, высшего сановника двора Яна Станислава Сапегу. Жених по долгу службы был одновременно управляющим двора, министром внутренних дел и главным распорядителем в сенате и на сеймах Великого княжества Литовского.

Венчание должно было состояться в Гродно, городе, старостой которого, совмещая эти обязанности со своими основными, был Криштоф Веселовский. Радостная суета царила в доме Веселовских и на ближайших улицах, по которым должно было пройти торжественное свадебное шествие. Горожане предвкушали бесплатное угощение, а городские ремесленники живо обсуждали в своих цехах, какие подарки пристойно будет преподнести молодой паре. Многочисленная родня жениха и невесты и приглашенные на торжество магнаты Речи Посполитой ломали голову над тем, как получше обставить свое прибытие и в какие одежды облачиться, чтобы поразить воображение соперничающих родов.

И только невеста была тиха и печальна. Она покидала свои покои лишь для того, чтобы посетить мессу в костеле, и беспрестанно читала Библию, пытаясь отыскать в ней слова утешения и ободрения. Накануне венчания Гризельда Веселовская в полной растерянности написала письмо единственной своей подруге Анне Зофье Зенович, жене князя Альбрехта Владислава Радзивилла.

Вот эти полные таинственной недосказанности строки: «Не ведаю, что мне уготовано, но плачу от предчувствий. Не усомнюсь в рыцарственности его милости пана Сапеги, но может ли брак с ним принести счастье или хотя бы спокойствие? Одному пану Езусу поверяю свой страх и лишь у него ищу защиты от того, что ожидает нас...»

Чего же так страшилась накануне свадьбы панна Гризельда? На какую опасность, настоящую или мнимую, она намекала? Ответ на эти вопросы можно дать одним словом «проклятие».

Об этом знали и говорили все в высших кругах знати Речи Посполитой. Род Сапегов, та его ветвь, к которой принадлежали могущественный Лев Сапега и его сын Ян Станислав, жених Гризельды, были прокляты. Мистической силой недоброго слова мужчины этой

семьи были обречены на безвременную кончину, а женщины — на бесплодие. Сапеги демонстративно делали вид, будто не верят в то, что предсказанное может сбыться, но на самом деле тоже боялись этого. Впрочем, как считали многие современники, безвинными жертвами они не были и вполне заслужили то, что получили.

Это случилось в 1629 году. Порог роскошного дворца Яна Станислава Сапеги в Ружанах впервые переступила красивая молодая женщина по имени Раина. Впрочем, пригласили ее сюда совсем не для восторженных вздохов и нежных ухаживаний. Раина была лекаркой, а у Сапеги серьезно захворал сын. Мальчик, единственное дитя, подаренное Яну Станиславу его рано умершей женой Анной Схоластикой Ходкевич, пятилетний белокурый ангелочек, внезапно почувствовал себя плохо и слег. Жар и бред потерявшего сознание ребенка испугали Сапегу, и он тут же вызвал к себе лучших докторов. Но те, как ни старались, не смогли ничем помочь заболевшему. Тогда отец Яна Станислава всесильный Лев, находившийся в то время в Слониме, городе, старостой которого считался, посоветовал сыну обратиться за помощью к целительнице Раине. О ее способностях в народе ходили легенды.

Раина Маньковская была женой священника Мартина Громыки, приход которого находился в селе Ятра между Слонимом и Новогрудком. Говорили, что Громыка сам читал молитвы и опрыскивал святой водой те травы, из которых готовила снадобья в помощь своим землякам Раина.

Как бы там ни было, на этот раз лекарку постигла неудача. Ребенок умер через два часа после ее прихода. Возможно, опечаленный отец смирился бы с болью утраты, приписав все непостижимой воле Божией, если бы сам не ощутил странный озноб и боль во всем теле, едва только красавица Раина покинула его жилище.

Наверное, Ян Станислав просто заразился от своего сына, но маршалок великий литовский был суеверен, как и большинство его современников, и сразу же подумал о порче и колдовстве. Промучившись в постели две недели и чудом, как он сам считал, спасшись, Сапега обвинил Раину Маньковскую «в покушении на его жизнь, здоровье и семейное благополучие». Виновная разве только в том, что она не имела достаточных знаний, чтобы справиться с опасной болезнью, «попадья Громычина» тут же была брошена в темницу.

Почти два года (случай в практике таких процессов удивительный) длились судебные разбирательства. Заплечных дел мастер со своими страшными орудиями пыток неоднократно приходил на смену монаху, вкрадчиво уговаривавшему несчастную женщину покаяться

и признаться в своей связи с нечистой силой. Но хрупкая и нежная Раина Маньковская оказалась необыкновенно сильна духом и продолжала отчаянно защищать свое доброе имя, всячески отрицая связь с темными силами.

«Детей малых окуривать умею. Разве это колдовство? — смело говорила на суде обвиняемая. — Окуривать женщин при родах бобровой струей, перьями живых куропаток, перестрелом, митрой и другими травами священными, рог единорога пить давать, а также орлиный камень — разве это колдовство?.. Деткам малым заговариваю новорождения и другие дефекты детей малых, взрослым же людям заговариваю смещение матки, повреждения, переломы костей, болезни и другие подобные случаи. Это, собственно, женщинам опытным о том надлежит знать, для чего окуривание и выливание слова производится. На детей же, если чего испугаются и если они еще малые, неразумные, то временами над ними выливают воск или слово, но не для колдовства. Этому тогда никакого доказательства не может господин судья привести, что это колдовство. Только это, собственно, наука и умение лечить детей и принимать роды у женщин».

Вызванный на суд в качестве свидетеля Мартин Громыка, беззаветно любивший свою супругу, твердо верил в ее невиновность. «Разве я, священник, жил бы с ней, если бы она была колдуньей?!» — восклицал он. Впрочем, судей это не убедило. «Ведьма с помощью чар могла отвести вам глаза», — заявили они.

Понимая, что им с женой самим не удастся оправдаться, Мартин Громыка отдал все свои сбережения на то, чтобы нанять искусного адвоката Юрия Море. Этому человеку удалось опровергнуть обвинение в ведовстве.

Но справедливость на суде не восторжествовала. Ян Станислав и его отец Лев Сапега не захотели признать себя побежденными. Им непременно хотелось, чтобы кто-то ответил за смерть ребенка. И когда Раина Маньковская смогла избежать казни как ведьма, они обвинили ее в том, что она бралась лечить людей, не имея для этого ни способностей, ни знаний.

Развивая эту мысль, обвинитель заявил, что «способ варения и знания трав лекаркой подозрителен», что Раина «это знает не из каких-либо пристойных наук, но из обучения злого, вредного».

Обвинение в ведовстве было заменено обвинением в чернокнижии. Но это преступление каралось так же, как и ведовство, — смертью на костре.

17 декабря 1631 года на окраине Слонима измученная телесно и духовно Раина Маньковская взошла на костер. Когда огонь уже лизал

ее босые ноги, она вдруг, вскинув голову, взглянула прямо в лицо присутствующему на казни Яну Станиславу Сапеге. И когда тот невольно отпрянул назад, не в силах выдержать этот безумный, полный страдания и ненависти взгляд, женщина громко крикнула: «Чтобы было тебе, как мне! Смерть до срока всем, кто будет близок тебе! Неплодность женам вашим и сестрам! И пусть вслед за мною тьма поглотит весь род твой!»

Через десять месяцев после этого Ян Станислав по настоянию отца своего, который решился вступить в противоборство с судьбой, посватался к панне Гризельде, дочери воеводы подляшского Яна Водынского, после его смерти принятой в семью Веселовского, который был ее дядей.

Девушке было двадцать два года. Серьезная и вдумчивая, она обещала стать достойной женой и матерью. Благословив сына на брак с Гризельдой, старый магнат стал с нетерпением ожидать того времени, когда новая супруга Яна Станислава сделает его дедом. И действительно, Гризельда очень скоро почувствовала, что беременна. Но тут-то проклятие Раины Маньковской и начало действовать.

Первым пал его жертвой сам Лев Сапега. Это случилось 7 июля 1633 года. Сидя за обеденным столом, всесильный магнат внезапно почувствовал приближение неумолимой смерти. Холодея от ужаса, но стараясь сохранять достоинство, он проговорил, обращаясь к сыну: «Час уже пришел! Садись на место мое, место хозяйское». И, встав, пошел в свою спальню, на пороге которой вдруг зашатался и рухнул.

Смерть Льва Сапеги до глубины души поразила нежную Гризельду. Тревожные предчувствия ее не обманули. Всего через несколько месяцев ее самой не стало. Наследника Сапегам она так и не родила. Муж Гризельды не намного пережил ее, скончавшись в 1635 году. Его младший брат Казимир Лев, не виновный в гибели Раины, унаследовавшей после смерти отца Слонимское староство, счастливо дожил до старости, но и у него не осталось наследников. Род Сапегов по этой линии оборвался.

Проклятие «слонимской ведьмы» ударило и по семье Веселовских, которые рискнули породниться с Сапегами. Пан Криштоф, заняв после смерти Яна Станислава Сапеги его должность маршалка великого литовского, сразу же после этого в 1636 году умер. Его жена Марианна приняла постриг в Гродненском монастыре бригиток, где окончила жизнь аббатисой.

Эта полная драматизма и тайн история продолжает будоражить наши умы спустя несколько столетий.

РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

О «страшных» тайнах Гольшанского Замка

Автора этой книги попросили друзья: «Будешь писать о Сапегах, непременно помяни Павла Стефана, владельца Гольшан».

Действительно, истории Павла Стефана Сапеги, за которым в народе прочно закрепилась слава второго герцога Синяя Борода, не обойти. Твердо пообещав достоверно и честно рассказать читателю о семейных делах хозяина «страшного и таинственного» Голыианского замка, автор оказалась перед лицом серьезной проблемы. Действительность, историческая правда были слишком далекими от того, что необоснованно приписала Павлу Стефану людская молва.

Удивительные вещи рассказывают о гольшанском князе белорусские экскурсоводы, а вслед за ними вполне серьезно повторяют и некоторые популяризаторы отечественной истории. Говорят, что Сапега был проклят виленскими православными священниками за то, что отобрал у их общины подаренный некогда его отцом дом в Вильно. Силу этого проклятия вполне ощутил на себе Павел Стефан на смоленской войне, где он потерял руку и был тяжело ранен в голову. Ранение привело к тому, что у князя начались приступы ярости. В такие моменты он нападал на любого, кто оказывался рядом, избивал и калечил слуг, жестоко расправлялся даже с животными, будь то охотничья собака ценной породы или дорогой арабский скакун из собственной конюшни. После таких приступов на Сапегу наваливались злая тоска и подозрительность. Повсюду мерещились ему предатели и злодеи. Жертвами тяжкой душевной болезни Павла Стефана стали три его жены, три несчастных узницы мрачного и страшного Гольшанского замка.

Вступая в брак с каждой из этих высокородных и прекрасных шляхтянок, Сапега рассчитывал прожить в любви и радости до самой смерти. Но заканчивалось все одним и тем же. Неотвратимо, как возмездие небес, начинался очередной приступ, Сапега набрасывался с кулаками на жену и жестоко избивал ее. После, охваченный черной меланхолией, он изводил себя мыслями о том, что обиженная и униженная женщина не захочет вернуться в его объятия. Он начинал следить за супругой, ревновать ее ко всем мужчинам, которых видел вокруг, включая конюхов, поваров и садовников. Запирал ее в замке, не позволяя даже выйти на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. В конце концов несчастная получала от обезумевшего мужа порцию яда в бокале с вином. Родственники жен Синей Бороды из Гольшан

подозревали неладное. Три раза Павел Стефан привлекался к суду как убийца, но ничего доказать не удавалось.

Четвертая, самая юная из всех супруга однорукого безумца избежала верной смерти лишь потому, что Сапега случайно перепутал кубки и сам выпил свою отраву. Вдова заказала для убийцы каменное надгробие, которое должно было изображать его лежащим подле трех безвинных жертв. Зловещая скульптурная группа долгое время находилась в Гольшанском костеле, где был похоронен рядом со своими несчастными женами князь Сапега. Многим посетителям Божьего храма становилось плохо, когда они подходили к ней, как будто сердцем их овладевал предсмертный ужас тех, кто погиб от руки проклятого хозяина Гольшанского замка.

Вот такая жуткая история. Увы, на поверку она оказалась всего лишь легендой. Каким же на самом деле был Павел Стефан Сапега и что действительно происходило в Гольшанах в далеком XVII столетии?

Начнем с самого начала. Когда в 1565 году в семье православного князя, воеводы минского Богдана Сапеги родился наследник, он решил дать ему имя в честь святого апостола Павла, надеясь, что сын станет его гордостью и продолжателем всех дел. Однако Павел не оправдал отцовских надежд. Совсем юным получив завидную должность при дворе Стефана Батория, он сдружился с католиками и вскоре перешел в их веру, приняв при этом обряде второе имя Стефан в честь своего короля. После смерти Богдана Сапеги Павел Стефан оказался владельцем многих имений, в том числе и Гольшан. При старом князе здесь был один из самых крупных в Великом княжестве Литовском центр православия. Новый владелец поспешно изгнал из местечка большую часть православных священнослужителей и пригласил монахов-францисканцев, для которых построил при местном костеле довольно просторный монастырь. Заявляя о себе повсеместно как о ревностном католике, Павел Стефан действительно отсудил у Виленского православного братства дом, который некогда отписал своим единоверцам его отец. Но проигравшие процесс верующие довольно смиренно повели себя, сказав обидчику сакраментальное: «Бог тебе судия». Виленский дом Сапега передал любезным его сердцу католикам. Это произошло в январе 1599 года.

Через месяц после описываемых событий туг же, в Вильно, Павел Стефан обвенчался с молодой вдовой подскарбия литовского Дмитрия Халецкого Региной Дубовской. Брак был недолгим. Регина неожиданно заболела и, несмотря на все старания мужа, умерла. Из писем Павла Стефана известно, что призвал он к постели больной

самых лучших врачей и не жалел денег для покупки дорогостоящих лекарств.

Тридцатипятилетний вдовец был настолько опечален, что хотел принять монашество, но, к счастью для себя, решил сначала совершить паломничество в Рим и испросить совета у папы Клементия VIII. Тот нашел слова для утешения князя и отговорил его от столь опрометчивого шага.

На родину Сапега вернулся возрожденным к жизни и даже привез некие священные реликвии — частички мощей святых. Он активно занялся общественными делами и обустройством замка в Гольшанах, который начал возводить сразу после женитьбы. Совсем не страшным, но великолепным и прекрасным, достойным зависти королей получился этот замок по воле его хозяина. Как только он стал пригоден для житья, Павел Стефан в 1602 году привез сюда новую хозяйку, свою вторую супругу Элизабету, дочь венгерского дворянина Франциска Веселина, одного из немногих любимцев Стефана Батория. Элизабета, или Эржи, как на венгерский манер называл ее Сапега, была юна и очень красива. От нее Павел Стефан имел трех дочерей — Евдоксию, Теофилю и Кристину. Именно Эржи своей любовью помогла Сапеге пережить самое большое несчастье в его жизни, когда в 1609 году под стенами Смоленска он получил ранение, превратившее его в калеку. Супруги прожили вместе в любви и согласии тринадцать лет, а потом Эржи умерла.

Третьей женой князя в 1618 году стала Катажина Гославская, вдова хорунжего литовского Анджея Воловича. Она помогла Сапеге вырастить трех маленьких сироток, но долгожданного сына ему так и не смогла родить. Их брак длился довольно долго. Катажина умерла в 1629 году. Ей было в то время чуть больше сорока. Павел Стефан уже мог считать себя глубоким стариком. Однако отсутствие наследника заставило его в шестидесятипятилетнем возрасте желать нового брака.

Конечно, это вновь была вдова, бывшая супруга старосты ливонского Адриана Радзиминского Зофья Данилович. Находясь в крайне стесненных обстоятельствах, она вынуждена была в 1630 году принять предложение однорукого больного старца, чтобы стать по сути его сиделкой. В 1634 году Павел Стефан так расхворался, что все заговорили о его скорой смерти. Король Владислав IV поверил слухам и поспешил раздать должности «покойного» тем, кто, по его мнению, заслуживал награды.

Узнав об этом, больной нашел в себе силы сесть в карету и велел везти его ко двору. Сапега появился в зале, где отдыхал со своими

приближенными король, так неожиданно, что многие решили, будто видят перед собой призрак. Дамы попадали в обморок, кавалеры выхватили из ножен сабли. Но Павел Стефан заговорил с Владиславом IV, и все поняли, что перед ними живой человек. Извинившись за свою излишнюю торопливость, король вернул Павлу Стефану его должности и задобрил всевозможными подарками. Впрочем, через несколько месяцев старец скончался. Чувствуя приближение смерти, он отписал жене в завещании Гольшаны и заказал себе памятник, попросив изваят ь его нестарым и с обеими руками, лежащим подле молодых и красивых трех своих умерших жен.

Получив от дряхлого и нелюбимого мужа столь щедрый дар, как право владения Гольшанами, Зофья пришла в неописуемый восторг. Она даже и не предполагала, что ей может привалить такое счастье. Вдовьи уделы женщин, которые не имели детей, очень часто в те времена ограничивались двумя-тремя селами. Последняя супруга Павла Стефана как нельзя лучше воспользовалась своим положением. Так как в принципе Гольшаны были ей не нужны, сразу же по окончании траура она очень выгодно перепродала их брату своего покойного мужа Миколаю Сапеге и использовала эти деньги для того, чтобы «купить» себе нового мужа. Им стал маршалок великий коронный Лукаш Оиалинский, молодой и очень красивый человек.

Как появилась легенда о страшных тайнах Гольшанского замка? Видимо, ее сочинили уже в XX веке обыватели, которым настоящая история Павла Стефана Сапеги была не известна. Наверное, их воображение будоражило великолепное надгробие. Три прекрасные женские фигуры на гладкой полированной плите — будто подрубленные в самом соку молодые березки... Ну как тут не дать волю фантазии!

Долгое время атмосфера мрачной таинственности вокруг имени Павла Стефана поддерживалась благодаря тому обстоятельству, что около места, где находилось его надгробие (сейчас оно в экспозиции музея древнебелорусской культуры при Академии наук), люди действительно иногда теряли сознание. Но совсем недавно была обнаружена причина этого. Оказалось, что глубоко под землей здесь сливаются несколько подземных потоков. Вода создает некоторое напряжение, и оно не лучшим образом влияет на состояние сердечников и гипертоников.

«Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть»,— сказал Шекспир. Зная историю Павла Стефана Сапеги, трудно не согласиться с этим утверждением.

РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

О том, на какие жертвы способна материнская любовь

Эта история вызвала в свое время множество пересудов и исторгла немало слез из глаз чувствительных дам и кавалеров. Она дошла до нас, пересказанная несколькими очевидцами в письмах к друзьям и родственникам. Вряд ли ее можно с полным правом отнести к любовным историям, ибо мужчину и женщину, ее героев, объединяло отнюдь не это высокое чувство. Но без нее в нашем рассказе о XVII столетии не хватало бы, наверное, одного очень важного звена. Впрочем, судите сами.

После трех лет вдовства Александр Людвик Радзивилл вновь решил жениться. Князь понимал, что второй Текли Волович в его жизни уже не будет. Однако он надеялся найти достойную женщину, которая стала бы ему другом и по возможности заменила мать его детям. Из восьми рожденных Теклей девочек и мальчиков выжили только трое — Анна, Иоанна и Михал Казимир. Старшей из сестер исполнилось десять лет, их братику было всего четыре. Александр Людвик понимал, что вырастить и воспитать детей в одиночку ему будет трудно.

Радзивилл выбрал почтенную вдову Эугению Катажину Тышкевич. От первого брака с мечником коронным Янушем Вишневецким эта сорокалетняя матрона имела трех детей. Как и дети Александра Людвика, они были еще очень малы. Похожесть судеб, полагал Радзивилл, станет залогом крепких супружеских отношений, а сводные братья и сестры подружатся на всю жизнь.

Эугения Катажина, которую тяготило не столько одиночество, сколько необходимость жить под опекой гонористого родственника, брата ее покойного супруга Иеремии Вишневецкого, охотна дала свое согласие Александру Людвику. После скромной свадьбы она переехала жить к нему в Белую. Обустроившись на новом месте, познакомившись с падчерицами и пасынком, которым она очень понравилась, Эугения Катажина захотела наконец перевезти в Вельский замок и своих малюток. Но случилось непредвиденное. Иеремия Вишневецкий заявил, что «дети Вишневецкого должны быть воспитаны среди Вишневецких и как Вишневецкие» и он сам готов возложить на себя эту нелегкую задачу, наотрез отказавшись «отдать пани Радзивилловой наследников нашего брата Януша».

Не в силах выносить страданий несчастной Эутении Катажины, Александр Людвик пообещал сделать все возможное, чтобы вернуть ей детей. Первым делом он подал в суд на жестокого самодура Иеремию.

Тяжба, которую современники называли «спором о детях», тянулась почти два года. Принятие окончательного решения судьями все время отодвигалось. Уж больно могущественными были оба противника. Александр Людвик, после смерти старших братьев получивший большую часть сказочных родовых богатств, совсем еще недавно выдвигался группой влиятельных литвинских магнатов как кандидат на место почившего короля Сигизмунда III. Только необыкновенная его скромность позволила королевичу Владиславу занять престол отца. Вишневецкий же был в те времена самым могущественным паном на Украине. Его владения, состоящие из 56 городов, местечек и сел, называли в народе не иначе как «державой». Он содержал двенадцатитысячное воинство, ему принадлежали десять сильно укрепленных крепостей на Волыни и Украинском Полесье. К тому же, в отличие от доброго Радзивилла, Вишневецкий был крут и жесток. Его боялись, перед ним трепетали.

В конце концов Александр Людвик обратился за правдой к самому королю. В октябре 1641 года Владислав вынес решение. Он назначил для сирот Януша Вишневецкого опекунский совет, куда вошли епископ познаньский Анджей Шолдрский, каштелян краковский Станислав Конецпольский, воевода Якуб Собесский, канцлер великий литовский Альбрехт Станислав Радзивилл, двоюродный брат Александра Людвика, и сам Александр Людвик. Имя Иеремии Вишневецкого в состав опекунского совета внесено не было. Это означало, что он не имеет больше права удерживать у себя детей Эугении Катажины.

Но к изумлению всего панства Великого княжества Литовского Иеремия решился на открытое неповиновение королю и запер племянников в своем замке в Лубне, окружив его личной армией. Напрасно опекуны, назначенные Владиславом, пытались договориться с Вишневецким по-хорошему. Он даже не подпустил их к имениям брата Януша, управлять которыми до совершеннолетия сирот вменялось опекунам в обязанность. Казалось, конфликт может быть разрешен только вооруженным путем. Александр Людвик стал уже внутренне настраиваться на «домовую войну», но Эугения Катажина решила иначе.

Не выдержав столь долгой разлуки с детьми, она бросилась в ноги жестокому деверю с просьбой дать ей возможность жить подле них. Вишневецкий согласился при условии, что дело в суде против

него будет прекращено, а сама Эугения Катажина, разведясь с Радзивиллом, примет опеку Иеремии не только над ее детьми, но и над собой. Несчастная женщина не посмела возражать.

Весной 1642 года она со слезами на глазах покинула замок Александра Людвика и уехала к детям. В июле епископ слуцкий Анджей Гембицкий, вероятно, подкупленный Иеремией Вишневецким, нашел повод для того, чтобы потребовать развода. Согласно его объяснениям выходило так, что Александр Людвик, матерью которого была княжна Вишневецкая, находится в третьей степени родства с покойным мужем Эугении Катажины. Значит, он является ее близким родственником. Кровосмесительные браки католическая церковь осуждала и запрещала. Тех, кто заключил таковые, не предполагая, что они находятся в близком родстве, по решению папы римского немедленно разводили.

Иеремия потребовал, чтобы Эугения Катажина сама послала в Рим прошение о разводе. Униженная, напутанная женщина под его диктовку написала «покаянное письмо» главе католической церкви. Ответ не замедлил прийти. Папа дал разрешение на развод.

Последний раз Александр Людвик и Эугения Катажина увидели друг друга в суде, который, официально признав их брак недействительным, решил вопрос о взаимном непритязании бывших мужа и жены на имущество друг друга.

РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

О том, как в княжеской спальне куковала кукушка

И вновь Радзивиллы... Возможно, читателю покажется, что мы слишком много внимания уделяем этим магнатам. Но справедливости ради следует заметить, что род Радзивиллов заслуживает этого. Один из самых разветвленных и многочисленных, он был связан кровным родством практически со всеми выдающимися фамилиями Речи Посполитой и многими знатными семьями Западной Европы. Энергичные и деятельные, Радзивиллы в описываемое нами время гораздо чаще, чем представители других семей, занимали важнейшие в своей державе военные и штатские должности и отличались необыкновенным рвением и усердием в служении своему королю и Отечеству. Не случайно именно о Радзивиллах в державных и приватных архивах сохранилось наибольшее количество официальных документов и частных свидетельств. И конечно же, в XVII столетии они оставили после себя самое обширное эпистолярное наследие.

Второй по значимости после старшей, Несвижской, линии рода была биржанская, которая получила свое название от родового имения Биржи в Литве. Одним из биржанских Радзивиллов был Януш, сын гетмана польного литовского Криштофа. В отличие от своих несвижских родичей, которые были католиками, биржанские Радзивиллы исповедовали кальвинизм. Поэтому король Сигизмунд III не очень их жаловал. Но они были очень популярны в протестантской Европе, особенно в Германии. Именно туда в 1628 году отправил учиться своего шестнадцатилетнего наследника Криштоф Радзивилл.

Юный литвин был принят как свой при дворе бранденбургского и саксонского курфюрстов, стал побратимом герцога Олтембургского и даже удостоился чести быть избранным на совете академиков ректором Лейпцигской академии. В те времена должность эта вовсе не обязывала защищать научные диссертации и читать лекции студентам. Она была скорее почетным званием, которое давалось с довольно прозрачным намеком на то, что носящий его должен делать солидные денежные вклады в сие научное учреждение. Юный Радзивилл, совершенно не зарекомендовавший себя в науке, был избран как сын очень уважаемого и богатого человека. Впрочем, отец Януша очень надеялся, что со временем сын преуспеет в постижении книжных знаний и оправдает высокую честь, оказанную ему учеными мужами-единоверцами. Как же расстроился он, когда узнал,

что вместо постижения науки его мальчик тратит время и деньги на женщин сомнительной репутации.

Гетман польный по-солдатски прямолинейно подошел к решению проблемы. Он послал сыну приказ немедленно жениться. В письме указывалось имя невесты, которую Криштоф Радзивилл счел наиболее подходящей для Януша. Анна была дочерью богатого немецкого рыцаря, который кичливо именовал себя палатином Двух Мостов Иоганном II. Девушке едва исполнилось четырнадцать лет, а это значило, что была она еще неиспорченной и неискушенной в жизни. Все остальное для кальвиниста Радзивилла не имело значения.

Януш не посмел открыто ослушаться отца, но, так как считал себя абсолютно не готовым к семейной жизни, постарался сделать все, чтобы отвертеться от женитьбы. Под разными предлогами он оттягивал поездку к отцу невесты целых два года, а потом неожиданно вступил в армию Генриха Оранского и отправился на войну. Впрочем, отец, успевший уже слегка поостыть, счел, что, может быть, это и к лучшему. В конце концов если с науками у сына не получается, может, действительно стоит ему как следует обучиться военному ремеслу. И надо сказать, Януш в этом деле преуспел.

«Видел, как осаждать и брать город, попадать сблизи и издали в противника, боем прокладывать себе путь к ближним и тем, кто в засаде, быть победителем и побеждать», — писал сын Криштофу Радзивиллу, явно очарованный своим первым прикосновением к самому мужскому ремеслу — воинскому искусству.

Однако по-настоящему понюхать пороху молодому Радзивиллу довелось лишь в 1633 году во время очередной войны Речи Посполитой с Московией, в которую сразу же вступил сын Сигизмунда III Владислав, сменивший умершего родителя на престоле.

Защищая интересы нового короля Владислава IV, биржанские Радзивиллы заслужили его огромную признательность и благодарность. Старый Криштоф за свою преданность получил Виленское воеводство, а позднее и булаву гетмана великого литовского. Януш был приближен своим государем и введен в состав придворных кавалеров.

Впрочем, вскоре Владислав IV уже жалел об этом, ибо у молодого Радзивилла оказался горячий нрав и упрямый характер. Однажды, вступившись за своего отца, которому на раде сената в Вильно маршалок коронный Опалинский не дал слова, Януш выкрикнул в лицо наглым польским панам, окружавшим короля и нашептывавшим ему о приоритетах Польши перед Литвой: «Придет время, когда поляки,

покидая литвинские собрания, до дверей доходить не будут, потому что мы их через окна станем выкидывать».

Возмущенные поляки потребовали у Радзивилла публичных извинений. Януш наотрез отказался. Короля, не решившегося наказать гордеца, еще долго донимали жалобами его подданные.

В другой раз сын Криштофа Радзивилла учинил скандал, связавшись с познаньским епископом Анджеем Шолдрским, который вздумал упрекать Януша за его приверженность к кальвинизму. Резкое словцо, брошенное в лицо занудливому католическому священнику, стало поводом к тому, что Радзивилл был вызван на дуэль придворным кавалером Адамом Казарновским. Впрочем, поединок не состоялся, так как в назначенный час струсивший вдруг Казарновский, вместо того чтобы отправиться на встречу с противником, поспешил спрятаться в замке королевича Яна Казимира, младшего брата Владислава IV. Король и его брат примирили несостоявшихся дуэлянтов, но после этого поставили отцу Янушу условие: или его сын с позором будет лишен своей придворной должности, или Криштоф Радзивилл его немедленно женит.

Гетман великий литовский, поругав себя в душе за то, что не довел в свое время до конца дело с женитьбой Януша (Анна, дочь палатина Двух Мостов, уже была выдана замуж), занялся поисками невесты. Старый князь колебался между тремя кандидатурами. На примете у него были дочь курфюрста рейнского, дочь краковского воеводы Яна Течиньского и дочь князя Михала Вишневецкого, все протестантки. У Януша ни к одной из девушек не лежало сердце, но он готов был подчиниться воле родителя. Наверное, он действительно повел бы под венец любую, на которую тот указал бы ему, но туг неожиданно вмешался король.

Владислав IV, опасаясь новых выходок Януша, решил, что уважение к католической церкви и приязненность к полякам у молодого Радзивилла могут проявиться единственно в том случае, если его женой будет полька, католичка, и он ее полюбит. Немного зная о вкусах и пристрастиях Януша, король прикинул, что ему должна понравиться Катажина Потоцкая, и устроил знакомство с ней.

Панна Катажина была необыкновенно хороша собой. Точеный профиль и ослепительно-белая кожа — фамильная гордость Потоцких — прекрасно сочетались с экзотическими, черными как вороново крыло волосами, даром матери, молдавской царевны Марии Могилянки.

Катажина потеряла отца в раннем детстве. Воевода брацлавский Стефан Потоцкий погиб, ввязавшись в авантюру, затеянную родст-

венниками жены. Утративший права на отцовский престол по вине турок Базиль, сын господаря Иеремии Могилы, мечтал любой ценой возвратить его. И граф Потоцкий, своей женитьбой связавший себя с ним кровным родством, предложил для этого свою помощь. Собрав на свои средства в Польше небольшое, но хорошо обученное войско, отец Катажины повел его в Молдову отвоевывать престол для рода Могил. Однако фортуна оказалась не на его стороне. На берегах реки Дежи войско Потоцкого было разбито, сам он попал в плен и подвергся лютой казни. Турки, союзники теперешнего господаря Томши, противники Могил, подвесили воеводу за ребро на крюк.

В знак искреннего сочувствия горю семьи погибшего Сигизмунд III обещал в дальнейшем устроить судьбу сиротки Катажины. Правда, выполнить это обещание пришлось его сыну Владиславу IV.

Что ж, Януш Радзивилл был достойной партией для графини Потоцкой. Тем более что сведенные по тайному указанию молодые люди сразу понравились друг другу и Януш после первой же встречи стал посылать девушке трогательные любовные записки вроде этой: «Очи ясной панны Касеньки режут сердце ее рыцаря как будто бы алмазом».

Но на пути к их счастью возникло серьезное препятствие в лице гетмана Криштофа Радзивилла. Узнав о симпатиях и намерениях сына, старый князь решительно заявил, что своего благословения этому браку он не даст.

К чести своей, Януш оказался рыцарем не только на словах и не отступился от своей любви. Он обратился за помощью к самому влиятельному из своих родственников — троюродному дяде, Радзивиллу Олыкской линии рода, князю Альбрехту Станиславу, который после Льва Сапеги стал канцлером великим литовским. Альбрехту Станиславу было около пятидесяти лет. Уважаемый седовласый муж, он охотно согласился похлопотать за влюбленного Януша и выступить на правах старшего родственника в качестве свата.

Однако дело приняло совершенно неожиданный оборот, когда пан канцлер увидел невесту. Красивая и бойкая девушка так понравилась Альбрехту Станиславу, что он решил любой ценой завладеть ею. Но как пожилому болезненной внешности мужчине соперничать с атлетически сложенным, мужественным красавцем? Альбрехт Станислав пошел на хитрость. Притворившись очень озабоченным, он как будто по секрету сказал Катажине, что хотя и обещал троюродному племяннику стать его сватом, но выполняет эту миссию очень неохотно, потому что перед приездом в замок Потоцких ему приснился странный сон. Быть может, он вещий? Явилась во сне

ему сама Матка Боска, плакала и остерегала его от ошибки. Небесам не угодно, чтобы истинная дочь католической церкви, прекрасная панна Катажина досталась в жены еретику. Матка Боска наказала пану канцлеру самому сватать Потоцкую и спасти этим невинную душу от греха и погибели.

Катажина слово в слово передала этот разговор со сватом Януша Радзивилла матери. Мария Могилянка, хотя сама и не была католичкой, а исповедовала православие, испугалась и стала уговаривать дочь «не противиться воле царицы небесной», а предстать пред алтарем с Альбрехтом Станиславом.

Не зная, как поступить, Катажина тайком от матери написала письмо Янушу, в котором, жалуясь на судьбу, в подробностях рассказала о том, как предал его вероломный родственник. В сказку о Матке Боской она и верила, и не верила одновременно, но замуж за старика идти не хотела.

Обеспокоенный Януш бросился к королю искать правды. Владислав IV, совсем недавно женившийся, вместе со своей королевой Цецилией Ренатой поспешил спасти брак молодого Радзивилла. Вызвав во дворец пана канцлера, государь Речи Посполитой строго отчитал его «за блудливость». А королева Цецилия Рената уговорила мать Катажины благосклонно отнестись к влюбленному в ее дочь кавалеру. Свадьба состоялась в сентябре 1638 года.

Благодарная Владиславу IV за то, как он устроил ее судьбу, Потоцкая стала тайной единомышленницей короля и по его просьбе сделала все возможное, чтобы «вернуть в лоно католической церкви» давно отошедших от нее биржанских Радзивиллов. Конечно, Катажина не рассчитывала, что ей удастся склонить к католицизму «закоснелого еретика» Криштофа Радзивилла. Но влюбленный муж казался ей достаточно послушным и податливым.

И вот уже свекор Катажины гневно осуждает своего сына за мягкотелость и беспринципность в вопросах веры. Старый князь сразу почуял, откуда ветер дует, и как бы между прочим сказал Янушу: «Имеем опасение, что та кукушка, что кукует по ночам в твоей спальне, доведет до еще больших бед, чем просто непочтительность к нашим словам, а и душу твою загубит, и тело предаст позору».

Впрочем, упреки эти пока были незаслуженными. Януш оставался единомышленником отца в религиозных и политических делах. И вскоре оп в очередной раз доказал это.

В феврале 1640 года в Вильно во время похорон Александра Пжынковского, друга Криштофа Радзивилла, такого же, как и он, протестанта, разразился скандал. Когда траурная процессия поравня-

лась с доминиканским костелом, где в это время как раз шла месса, из дверей выскочил ксендз и стал кричать, что еретики-кальвинисты своей музыкой мешают службе. При этом он без меры сыпал проклятия в адрес протестантов и употреблял такие выражения, что, казалось, статуи святых в храме сейчас заткнут уши. Старый князь Радзивилл выхватил саблю и бросился на сварливого служителя Бога, которого спасли от расправы только его быстрые ноги. Януш тут же приказал слугам стрелять из ружей по костелу.

Такого проступка отцу и сыну католики не простили. На ближайшем сейме поведение Радзивиллов бурно обсуждалось. В результате пострадали не столько сами Криштоф и Януш, сколько их виленские единоверцы. По решению сейма были разрушены кальвинистский сбор (церковь кальвинистов) и протестантская школа. Несколько человек, принимавших участие в нападении на костел, были приговорены к смерти. Старый гетман Радзивилл потратил немало денег, чтобы помочь осужденным избежать казни и спастись за границей, но успокоения это ему не принесло. Чувство вины постоянно преследовало Криштофа и наконец свело в могилу. 19 сентября 1640 года князь Криштоф Радзивилл умер от сердечного приступа.

Попавший в королевскую опалу Януш удалился со двора, чтобы переждать неблагоприятное время в своих имениях. Естественно, опалу разделила с мужем и Катажина. Но это обстоятельство только обрадовало ее. Лишенный направляющей руки отца и поддержки единоверцев-кальвинистов, Януш должен был наконец сдаться и сделать хотя бы первый шаг навстречу «истинной вере, так долго отвергаемой им». Капля воды точит камень. Человек гораздо более податлив на уговоры и увещевания, звучащие изо дня в день, и особенно в ночи, в тишине супружеской спальни.

«Ночная кукушка» Януша Радзивилла настойчиво шла к своей цели. И вот уже опальный князь одного за другим уволил верных слуг-кальвинистов, приняв вместо них католиков. Теперь он изредка посещал вместе с супругой католическую мессу.

Трудно сказать, чем все это могло бы закончиться, если бы в конце 1642 года Катажина Потоцкая вдруг не умерла при родах, оставив Януша печальным вдовцом с младенцем на руках. Всего две просьбы было у умирающей к мужу. И обе он исполнил, дав новорожденной дочери имя Анна Мария в честь двух ее бабушек — матери Януша Анны и матери Катажины Марии — и окрестив ее в католичество. Сам Януш так и остался кальвинистом.

РАССКАЗ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

О том, как королева Речи Посполитой мечтала породниться с Радзивиллами

Из многих детей, которых родили королю Сигизмунду III его две жены, выжили только четверо: три сына и дочь Анна. После смерти монарха по законам Речи Посполитой государем мог быть избран любой из его наследников, равно как и любой из магнатов этой федеративной державы. Но особых споров на элекционном (выборном) сейме не было. После того как князь Александр Людвик Радзивилл решительно снял свою кандидатуру, выдвинутую его приверженцами-литвинами, большинство голосов было отдано за старшего королевича, Владислава, несостоявшегося русского царя.

Приняв в 1633 году из рук подданных польскую корону и венец великого князя литовского, Владислав IV сразу же энергично занялся делами державными. Главным из них стала защита интересов государства на полях сражений, ибо, воспользовавшись смертью Сигизмунда III и временным «бескоролевьем» (оно длилось несколько месяцев), русский царь Михаил Романов начал с Речью Посполитой новую войну с целью вернуть захваченный в период «смутного времени» почившим королем Смоленск.

В таких условиях лишь к весне 1635 года, когда стало ясно, что Смоленск московитам не отвоевать, и между Речью Посполитой и Россией был подписан очередной «вечный мир», Владислав IV смог наконец заняться устройством личной жизни, то есть всерьез подумать о королеве, которая дала бы ему наследников.

Монархи редко имеют возможность выбирать жен по собственному усмотрению, но Владислав IV все-таки вынес на обсуждение тайного совета, состоявшего из самых знатных и могущественных магнатов и служителей церкви, кандидатуру хорошенькой дочери гетмана великого литовского Криштофа Радзивилла Катажины, которая ему очень нравилась. Панам-советникам эта идея пришлась не по вкусу. Ярый кальвинист Криштоф вместе со своим буяном-сыном Янушем вызывали у католиков глухое раздражение. Епископ познаньский Анджей Шолдрский заявил, что, породнившись с этой семейкой, король нанесет неслыханный удар по католичеству и укрепит протестантов, врагов «истинной веры».

Вместо Катажины Владиславу IV предложили на выбор сразу четырех высокородных невест: дочь палатина рейнского Фридриха V Элизабет, английскую принцессу Элизабет Стюарт, молодую вдову

шведского короля Густава II Адольфа Марию Элеонору и дочь австрийского императора Фердинанда II Цецилию Ренату.

Король еще некоторое время (около двух лег) пытался бороться за право возвести на престол Катажину Радзивилл, но в коне концов вынужден был сдаться и стал обсуждать со своими влиятельными вассалами предложенные кандидатуры. Мнения советников и короля резко расходились. Но все же большинство из них высказывались за двадцатишестилетнюю Цецилию Ренату. В качестве основных доводов называли красоту девушки и ее покладистый характер, что, конечно же, было немаловажно для благополучной семейной жизни. Владислав прежде всего подумал о том, что Цецилия Рената — родная племянница его матери, Анны Габсбург, и мачехи, Констанции Габсбург, которые были сестрами Фердинанда II. Брак с кузиной показался ему гораздо более предпочтительным. Но слово короля еще не поставило точки в решении этого вопроса.

По законам Речи Посполитой имя претендентки, одобренной монархом, должно быть теперь оглашено в сенате, который давал официальное согласие на брак государя. Сенаторы заседали много дней, явно наслаждаясь тем обстоятельством, что имеют законное право запретить королю жениться на избранной им девушке. Когда все доводы противников Цецилии Ренаты, кажется, были сметены похвалами ее сторонников, в январе 1637 года в Варшаву из Австрии пришла печальная весть о том, что император Фердинанд II скончался. Споры о целесообразности этого брака разгорелись вновь. Тем не менее, покричав и поспорив вдоволь, члены сената 13 февраля 1637 года все-таки утвердили выбор Владислава IV. Впрочем, сразу же послать сватов король Речи Посполитой теперь уже не мог, ему пришлось ожидать окончания траура. В результате невеста прибыла в Варшаву лишь в сентябре.

Владислав IV, никогда ранее не видевший своей двоюродной сестры, с нетерпением ожидал встречи с нею. Король был разочарован. Хрупкая и грациозная Цецилия Рената, восхищавшая тех, кто знал ее, естественно-скромной манерой держаться, оказалась совсем не во вкусе короля, которому нравились румяные, крепкого телосложения бойкие бабенки.

Но Владислав IV вынужден был повести принцессу к алтарю и после этого венчать ее как королеву Речи Посполитой.

Впрочем, не став любимой женой, Цецилия Рената смогла стать для своих подданных любимой королевой. Не вмешиваясь в суетные дела политики, она с первого же дня начала заниматься делами

благотворительности и милосердия и часто заступалась перед королем за обиженных.

Завидуя доброй славе своей монархини, придворные дамы, представительницы самых знатных польских и литвинских семей, окружили ее барьером холодной учтивости и плохо скрываемой недоброжелательности. И только итальянку Лукрецию Марию Строцци, приехавшую в Варшаву вместе с ней, называла Цецилия Рената своей доверенной подругой.

Внешне сдержанная и даже высокомерная, итальянка на самом деле была вся огонь, страсть. Она одна умела расшевелить, заставить беззаботно смеяться обычно тихую и печальную королеву. И так же, как коронованная подруга, безропотно подчинялись воле этой экзотической женщины придворные кавалеры, один за другим влюблявшиеся в Лукрецию Марию.

Но королева выбрала для своей наперсницы самого достойного спутника жизни — единственного соперника Владислава, князя Александра Людвика Радзивилла. При дворе короля все с удивлением и нездоровым любопытством следили за развитием событий частной жизни Александра Людвика, который в это время как раз по указанию папы римского разводился со своей второй супругой Эугенией Катажиной. Придворные шептались и хихикали у него за спиной и со скорбным и постным видом выражали свое сочувствие, встречаясь с князем лицом к лицу.

Наверное, королева была единственным в этом окружении человеком, который по-настоящему сочувствовал Александру Людвику. Следует сказать, что их симпатии были взаимными. Радзивилл неоднократно сокрушался, что такая прекрасная и достойная женщина, как Цецилия Рената, не оценена королем по заслугам. Понимая, что в такие трудные минуты только женщина, пылкая и страстная, может поддержать мужчину, королева увидела таковую в лице Лукреции Марии и способствовала их сближению.

Быстро подпав под чары итальянки, на фоне которой другие придворные дамы казались Александру Людвику безжизненными, лишенными всяческих чувств и желаний, он в сентябре 1642 года попросил ее руки, а в октябре обвенчался с нею в Варшаве.

Этот брак сделал задушевную подругу Цецилии Ренаты почти равной по положению королеве и превратил Радзивилла в ближайшего друга коронованной пары. Впрочем, дружба эта не была долгой.

Вскоре после замужества, беседуя с королевой, Лукреция Мария призналась ей, что ждет ребенка. Она была уверена, что родит Александру Людвику наследника. Невольно заразившись оптимизмом

и радостью подруги, королева воскликнула: «Не будь я женщиной, если тоже не заимею в этом году ребенка! Сын у меня уже есть, так пусть будет еще и дочка, чтобы мы могли поженить наших детей, когда они вырастут, и породниться».

И Цецилия Рената действительно скоро забеременела. Это сблизило подруг еще больше. С улыбкой умиления наблюдал Александр Людвик, как две будущие матери перешептывались украдкой во время своих встреч, поверяя одна другой те милые тайны, которыми насыщена жизнь любой женщины, ожидающей появления ребенка.

В начале 1644 года Лукреция Мария родила здоровую дочку, которую назвала в честь королевы Цецилией.

«Что же, мы еще можем породниться, если у меня появится сын», — сказала подруге сияющая от счастья Цецилия Рената. Она решила рожать непременно в Вильно, чтобы быть поближе к Лукреции Марии.

Схватки начались 23 марта. Роды протекали крайне тяжело. Королева очень страдала. Ребенок, мальчик, родился к концу следующих суток неживым. Роженица умерла через три часа после этого.

Громче всех рыдала, провожая государыню Речи Посполитой в последний путь, княгиня Радзивилл, ставшая благодаря королеве второй дамой государства, но так и не ставшая родственницей королей.

В отличие от Цецилии Ренаты, Лукреции Марии судьбой была дарована долгая и счастливая жизнь. Родив после девочки еще и мальчика, она окончательно подчинила себе Александра Людвика, доброго и щедрого человека, который одел ее с ног до головы в шелк и меха и буквально носил на руках.

После смерти мужа в 1654 году Лукреция Мария поселилась в замке Радзивиллов в Болонье и там, под солнцем родной Италии, в почете и богатстве жила еще двадцать лет. Она ушла из жизни в возрасте семидесяти семи лет.

РАССКАЗ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

О том, как одна девушка предпочла небесной любви земную

На юго-востоке Беларуси в Речицком повете, где по весне раньше всех зацветали сады, а земля была настолько плодородной, что в ней, как говорится в предании, однажды пустил корни даже сухой посох, утерянный неким странником, в XVII столетии были имения шляхетского рода Юдицких. Их далекий предок, по свидетельству старинных грамот, бережно хранимых в фамильном архиве, происходил из крещеных иудеев. Но потомки уже мало верили в это, потому что считали себя одними из самых ревностных защитников христианства в своей державе. Рыцари рода Юдицких всегда много жертвовали на костелы и монастыри. А трое из них — Базиль, Томаш и Миколай в 1615 году стали членами Мальтийского Ордена, торжественно отказавшись от славы, богатства и земной греховной страсти ради того, чтобы отдать себя полностью служению ближнему — защищать своим мечом слабых, утешать страждущих, заботиться о больных и раненых. Они были одними из самых первых мальтийских рыцарей в Великом княжестве Литовском, поэтому род Юдицких очень гордился ими.

В 1631 году в семье родилась девочка, которую назвали Констанцией в честь недавно почившей королевы. Государыня, гордо носившая звание рыцарственной дамы Ордена Золотой Розы (его вручал за особые заслуги перед католической церковью представительницам королевских семейств сам папа римский), была для женщин рода Юдицких образцом благочестия, ее считали гут почти святой. Набожные Юдицкие участвовали в том самом шествии в праздник Тела Господня, когда проявившая излишнее рвение и сама вызвавшаяся нести одну из храмовых хоругвей государыня получила солнечный удар, который послужил причиной ее смерти. Это событие потрясло их до глубины души, настолько, что они сызмальства стали готовить дочь к беспримерному духовному подвигу, ведь именно таковыми увиделись им жизнь и кончина королевы Констанции.

Легче всего, по мнению родителей, можно было отличиться перед Богом людям, избравшим для себя духовную карьеру. И вот по примеру все той же покойной королевы, которая за несколько лет до своей смерти посвятила единственную дочь Анну Пану Езусу, Юдицкие произвели такой же обряд над маленькой Констанцией, торжественно пообещав, что в день совершеннолетия она станет монахиней.

Но увидеть дочь взрослой им было не дано. Мать и отец Констанции умерли вскоре после ее рождения, оставив будущую монахиню наследницей богатых земельных владений и значительной части родовых ценностей. После пострижения панны Юдицкой почти все это должно было перейти монастырю.

Это не смущало набожных опекунов Констанции, двоюродных и троюродных родственников, готовящихся честно проследить за исполнением воли ее родителей. Ведь род рыцарей Юдицких с нетерпением ожидал положенного срока, чтобы «подобно Аврааму возложить агницу на алтарь заклания».

Однако юная панна смешала все их планы. В день ее четырнадцатилетия разразился скандал. Констанция сообщила родне, что «не имеет необходимых склонностей и невинности» для того, чтобы стать Христовой невестой. Она сказала, что принудить ее к этому никто не может, так как по законам Речи Посполитой совершеннолетняя девушка не зависит от воли своих опекунов. Выяснилось, что она влюблена и собирается выйти замуж за молодого шляхтича по фамилии Сулятыцкий.

Как этому ловкому пану, несмотря на строгий надзор опекунов, удалось не только приблизиться к юной Юдицкой и пленить ее пылкими речами, но и пробраться затем в ее спальню — остается тайной. Молодые люди поспешили отдаться страсти, чтобы у Констанции появилась веская причина для отказа от монашества. И действительно, единственно приемлемым для семьи выходом теперь было ее скорейшее замужество. Но как быть с волей родителей Констанции?

Пан Сулятыцкий, приглашенный на семейный совет, не увидел в нарушении этого обета ничего предосудительного. Ведь и дочь королевы не стала монахиней, а после смерти матери была выдана замуж. Но так как дядья-мальтийцы твердили о неслыханном позоре, находчивая Констанция предложила ни больше ни меньше как ...откупиться от Пана Езуса, посвятив ему вместо себя целый монастырь честных девушек.

Исполнение этой затеи требовало больших денег, но панна Констанция не поскупилась. Для начала она обратилась к бернардинцам, ибо монахиней этого ордена хотели видеть ее родители. Бернардинцы сказали, что новый женский монастырь желательно было бы возвести в Слониме, где уже давно действовала мужская бернардинская обитель.

Слонимский аббат охотно уступил Юдицкой старый недействующий деревянный костел, а староста Казимир Лев Сапега — близлежащий к костелу дом. Эти строения и должны были стать основой

будущего монастыря. Но в том виде, в каком здания достались Констанции, они, конечно, не могли принять святых сестер. Панна Юдицкая распорядилась перестроить их, расширить дом, оборудовав его помещения под кельи, бытовые комнаты и трапезную. Работы были в самом разгаре, когда Констанция стала супругой полюбившегося ей пана Сулятыцкого.

Уже в новом положении она публично объявила, что готова дать соответствующее денежное содержание двадцати бедным девушкам, мечтающим поступить в монастырь. Желающие нашлись, их оказалось так много, что виленским сестрам-бернардинкам, которые взялись помогать Констанции Сулятыцкой, пришлось устроить своеобразный конкурс для молодых соискательниц. Когда двадцать девушек, показавшихся виленским монахиням подходящими, стали послушницами Виленского монастыря бернардинок, их вместе с тремя пожилыми монахинями отправили в Слоним.

Произошло это в 1648 году. А вскоре в открывшейся обители появилась высокородная настоятельница. Ею стала кузина Казимира Льва Сапеги Теофиля, которая приняла постриг, взяв новое имя — Текля. Пани Констанция опекала основанный ею монастырь всю свою жизнь и завещала это в дальнейшем своим детям, родившимся от брака с Сулятыцким, а после — детям от второго ее брака с паном Комаровским.

В 70-х годах XVII столетия на месте деревянного монастырского комплекса, который сгорел во время войны со шведами, был возведен каменный. Он является одной из жемчужин белорусского барокко, его до сих пор посещают туристы, приезжающие в Слоним.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЫЙ

О том, как женщину, из-за которой теряли голову французы, не оценили в Варшаве

В XVII столетии Францию называли родиной самых прекрасных женщин. И действительно, в умении казаться обворожительными с француженками в те времена не могли сравниться ни страстные итальянки, ни экзальтированные испанки, ни чопорные англичанки, ни благоразумные немки. Особенно волнующими выглядели знатные дамы, словно пестрые мотыльки, весело порхавшие по залам роскошных дворцов французских королей Людовика XIII и Людовика XIV. Одетые по последней моде, в совершенстве владеющие искусством макияжа, смелые в речах, раскованные в поступках, они посвящали, казалось, всю свою жизнь совершенствованию искусства обольщения.

Не случайно именно во Франции решил искать себе новую королеву потерявший Цецилию Ренату Владислав IV. Советники короля Речи Посполитой списались с кардиналом Мазарини, первым министром при королеве-регентше Анне Австрийской, и вскоре в Варшаву прибыл напудренный и напомаженный виконт де Бреди, курьер его высокопреосвященства.

«Франции выгоден союз с Владиславом IV, — передал виконт слова Мазарини. — Париж может предложить Варшаве на выбор руку любой из трех прекрасных принцесс, ближайших родственниц юного Людовика XIV, — герцогинь де Гиз, де Лонгевилль и Гонзаго».

Король заинтересованно стал расспрашивать о внешности и характере претенденток, и томно улыбающийся француз сказал ему: «Прелестна каждая из принцесс, но если бы выбирать пришлось мне, я предпочел бы Марию Гонзаго. Она подобна роскошной лилии в королевском гербе, затмевающей скромную красоту незабудок и ромашек».

Мария Гонзаго в полной мере заслуживала такого цветистого комплимента. Тридцатитрехлетняя зрелая красавица с выразительными огромными темными очами и темными вьющимися волосами была, наверное, самой экзотичной из французских принцесс. Впрочем, таковой ее можно было назвать с большой натяжкой. Матерью Марии была француженка Катрин де Гиз, а отец ее Карл Гонзаго, герцог Невэрский и Мантуанский, был итальянцем. Рано потеряв мать, Мария попала под опеку тетки, которая с позволения отца девочки привезла ее в Париж. Там, постигнув с годами придворную науку светскости и галантности, преуспев во французском

языке гораздо больше, чем до того в итальянском, юная Гонзаго стала выглядеть в глазах окружающих настоящей парижанкой.

К семнадцати годам герцогиня Мантуанская превратилась в редкостную красавицу, у нее появилось множество кавалеров. Сама Мария Медичи, мать короля Людовика Xlii, которая любила устраивать судьбу близких и дальних родственников, предложила Марии Гонзаго свое посредничество в заключении брака с кем-нибудь из французских принцев или маркизов. Но неожиданно она получила решительный отказ.

Заподозрив неладное, Мария Медичи приставила к герцогине Мантуанской соглядатаев и с изумлением узнала, что юная красавица уже довольно давно встречается с ее младшим сыном, герцогом Гастоном Орлеанским. Королева пришла в ужас. Так как у Людовика XIII пока не было детей, официальным наследником престола считался его брат Гастон. С этой точки зрения французам было не все равно, кто станет избранницей герцога Орлеанского. Герцогиня Гонзаго по матери была родственницей де Гизов, которые находились в оппозиции к королевской фамилии и время от времени организовывали заговоры в надежде занять французский трон.

Могла ли Мария Медичи быть спокойна за жизнь и здоровье своего старшего сына — короля, если бы его младший брат и наследник был женат на одной из Гизов?

Королева-мать пригласила к себе герцогиню для серьезного разговора. Но все ее усилия были напрасны. Девушка не желала отступаться от возлюбленного. Тогда Мария Медичи призвала к ответу Гастона. Герцог Орлеанский обещал порвать с Марией Гонзаго, но сразу же после разговора с матерью предложил своей любимой венчаться с ним тайно. Герцогиня Мантуанская согласилась и в назначенный день в сером плаще и простом платье служанки вышла к подъехавшей к воротам ее дома занавешенной карете, которая должна была привезти ее в аббатство для венчания с Гастоном Орлеанским.

Но карета, к изумлению Марии, покатила совсем в другую сторону. Семнадцатилетнюю герцогиню по велению королевы-матери, которой кто-то выдал замысел сына, привезли в Венсанский замок, где ее продержали почти год. Только получив от дерзкой претендентки в невестки клятвенное обещание оставить Гастона в покое, Мария Медичи отпустила пленницу на свободу. Но, видимо, королева-мать все еще опасалась, что страсть ее сына вынудит герцогиню нарушить слово, и вновь активно начала сватать ее.

В 1632 году, после того как королевич Владислав занял в Варшаве престол почившего отца, Мария Медичи пыталась через

посла Речи Посполитой договориться о возможности женитьбы нового короля на герцогине Мантуанской. Почему-то она не сомневалась, что в случае успеха ее миссии отец девушки даст свое согласие на брак. Но имя Марии Гонзаго, несмотря на все старания французской королевы, не было произнесено на тайном совете, когда вельможные паны Речи Посполитой вместе с королем Владиславом выбирали ему жену.

В 1637 году умер герцог Карл Мантуанский. Мария Гонзаго после смерти отца получила в наследство герцогство Невэр. Так как оно исторически было вассальным по отношению к Франции, то герцогиня Мантуанская официально превратилась в подданную Людовика XIII. А это означало, что он теперь как ее сюзерен мог влиять на выбор ею супруга. Король пожелал, чтоб Мария Гонзаго, которой в то время было уже двадцать девять лет и которая вела свободный образ жизни, успев сменить нескольких именитых любовников, стала женой двадцатидвухлетнего герцога Людовика д'Энсен, страстно и, кажется, безнадежно влюбленного в нее.

Но герцогиня вновь выказала непокорность. Именно в это время все ее мысли были только о восемнадцатилетнем маркизе Анри Сен-Маре. Это была не просто очередная любовная интрижка. Сен-Мару удалось пылкостью первой юношеской страсти пробудить в ней интерес к будущему, который, казалось, погас после того, как она рассталась с Гастоном Орлеанским. Несмотря на существенную разницу в возрасте, Сен-Мар и Мария Гонзаго мечтали пожениться.

Однако принцесса крови не могла, не опорочив своего имени, обвенчаться с человеком, который был всего лишь маркизом. Сен-Мар, вдохновленный своей возлюбленной, стал искать пути для обретения герцогского титула. Очевидно было, что от Людовика XIII он такового не получит. Но кроме французского короля было много других монархов, например король Испании, постоянный политический противник Франции. Ему было очень важно свалить всесильного министра Людовика XIII, кардинала Ришелье. За помощь в этом деле испанский король обещал Сен-Мару герцогский титул. Этого было достаточно, чтобы пылкий маркиз Анри стал участником заговора против кардинала Ришелье и вовлек в это Марию Гонзаго.

Увы, неопытный юноша не предполагал, какого серьезного противника он избрал себе. Заговор был раскрыт после первой же тайной встречи его участников. Видимо, в их ряды пробрались вездесущие шпионы кардинала Ришелье. И вот уже на стол Людовика XIII легли списки государственных преступников, среди которых были имена Сен-Мара и Марии Гонзаго.

12 сентября 1642 года возлюбленный герцогини сложил свою голову на эшафоте. Мария Гонзаго спаслась только благодаря стойкости маркиза Анри, на всех допросах отрицавшего ее причастность к заговору, а также самоотверженности друзей, которым удалось уничтожить все компрометирующие ее документы, и галантности короля. Он позволил убедить себя, что имя герцогини в черный список врагов Франции попало абсолютно случайно.

Мария Гонзаго тяжело переживала гибель Сен-Мара, но она была сильным человеком и не позволила судьбе сломать себя. Увидев, какими натянутыми вдруг стали ее отношения с королевским двором, она уехала из Парижа в свой Невэр и некоторое время жила там, в полной мере ощущая недоверие короля. Опала не закончилась даже после смерти кардинала Ришелье и Людовика XIII, которые ушли из жизни один за другим. Понимая, что во Франции ей теперь до самой старости придется влачить жалкое существование отвергнутой, Мария Гонзаго решила искать счастья в другой державе. Обстоятельства подсказали ей выход. Кардинал Мазарини, сменивший кардинала Ришелье у кормила власти, прислал ей письмо, в котором сообщал, что, если герцогиня не против, о ней будет сообщено польскому королю как о возможной партии.

Мария Гонзаго согласилась. Мало того, узнав, что для переговоров в Варшаву будет послан виконт де Бреди, она подкупила этого легкомысленного кавалера, чтобы он представил ее перед Владиславом IV в самом выгодном свете. Дело в том, что две другие претендентки, названные Мазарини, были гораздо моложе ее.

Замысел герцогини удался как нельзя лучше. 13 июля 1645 года советники в Варшаве поддержали своего короля, решившего сватать Марию Гонзаго. Это известие порадовало французский двор, ибо не только сама Мария желала поскорее расстаться с Францией, но и Анна Австрийская, королева-регентша, вдова Людовика XIII, а также юный Людовик XIV и сам Мазарини, министр и официальный фаворит королевы, искали возможностей избавиться от высокородной красавицы, имеющей скандальную славу. Королевская семья выделила герцогине хорошее приданое: золото, драгоценности, предметы роскоши, дорогие наряды. Так называемый предварительный брак (венчание, где коронованного жениха заменяет доверенное лицо) состоялся в Лувре в замковой часовне. Воевода познаньский Криштоф Опалинский от имени Владислава IV надел на палец Марии Гонзаго обручальное кольцо, и 27 ноября будущая польская королева покинула Париж.

Провожать Марию Гонзаго вышел весь королевский двор. Глядя на нее, как всегда прекрасную, счастливую, горделиво шествующую под руку с Опалинским к карете, которая должна была увезти ее из Франции, придворные кавалеры (большинство из них до сих пор были влюблены в герцогиню) тайком вздыхали. Как сложится на чужбине жизнь этой необыкновенной женщины? Хотелось верить, что счастливо.

Увы, судьбе вновь было угодно подвергнуть Марию испытаниям. Вопреки всем ее стараниям она не понравилась Владиславу IV — слишком худа, слишком черна, слишком смела и откровенна. Видимо, французский шарм король Речи Посполитой представлял себе как-то иначе. Впрочем, теперь уже ничего изменить было нельзя, и французскую принцессу стали готовить к коронации. После первого потрясения, которое вызвала холодная встреча, Марии Гонзаго пришлось пережить еще одно. Ей заявили, что она должна при коронации сменить имя, так как нельзя, чтобы королеву звали так же, как пресвятую Матку Боску. До этого додумался король, и спорить с ним было бесполезно. Мария Гонзаго предложила называть себя Луизой. Таким было второе имя, данное ей при крещении. Поляки переделали его на свой лад, и в конце концов польская монархиня была возведена на престол под именем Людвика Мария.

Третий удар несчастная женщина получила в первую брачную ночь. Владислав IV сделал для себя неприятное открытие. Оказывается, у его невесты до него уже были мужчины! Он учинил ей скандал. Как можно?! Ведь он взял в супруги ту, которая никогда еще не была замужем! Напрасно королева взывала к здравому смыслу, доказывая, что до тридцати трех лет сохранять целомудрие возможно лишь в монастыре. Никаких доводов Владислав IV слушать не желал и долго еще продолжал дуться на жену, которая «обманула» его.

Мария полагала, что сумеет примириться с мужем, как только у них появятся дети. Но все попытки заиметь наследника заканчивались неудачей. В конце концов король заявил, что виновна в этом королева, которая вела во Франции слишком разгульный образ жизни.

Не сумев стать матерью, Мария не получила от своего супруга и возможности проявить себя как королева. Государь Речи Посполитой был убежден, что место женщины, даже самой высокородной, у детской колыбели и в Божьем храме. Управлять же державой должны мужчины. Пример просвещенной Франции, где почти все решения монархи принимали, посоветовавшись со своими матерями, супругами и фаворитками, и даже пример Англии, которой в недалеком

прошлом мудро управляла Елизавета Тюдор, Владислава IV не убедили.

Не желая больше что-либо доказывать и оправдываться и вспомнив, как вели себя нелюбимые жены французских королей, Мария Гонзаго попыталась создать вокруг себя пышный роскошный двор, где можно жить, предаваясь невинным светским развлечениям. Но из этой затеи тоже ничего не вышло, так как Владислав IV распорядился урезать средства, ежегодно выделяемые из государственной казны на содержание королевы, и строго-настрого запретил ей, если она не хочет вызвать его гнев, использовать для «пустых забав» собственные деньги, которые королева получала из Невэра. «Надо быть экономными», — объяснил он. Но и это унижение было не последним.

Вскоре королеве стало известно о постыдной связи ее супруга с некоей женщиной незнатного происхождения по имени Ядвига Выписская. У этой пассии король проводил почти все свое свободное время. Поговаривали, что пани «Ядвижка» имеет от государя даже детей, которых тот, не признавая наследниками, содержит как королевичей.

Впрочем, гордая Мария Гонзаго не стала выяснять отношений с супругом или как-либо вредить сопернице, считая это ниже своего достоинства. С королем она теперь поддерживала только официальные отношения: совершала вместе с ним поездки по разным городам державы, открывала сеймы, званые приемы, балы и турниры, участвовала в благотворительных мероприятиях. Несколько раз она давала мужу в долг солидные суммы из собственных доходов на антитурецкие кампании.

Этот странный брак прервался по воле небес в 1648 году. Путешествуя по землям Великого княжества Литовского, королевская пара остановилась на несколько дней в Гродно, где Мария Гонзаго внезапно слегла. Врачи обнаружили у нее малярию. Оставив супругу на попечение лекарей, король покинул Гродненский замок, чтобы продолжить свое путешествие. Однако уже через день он тоже почувствовал себя неважно. Неизвестно почему отказавшись от помощи медиков, Владислав IV отправился в имение, подаренное им Ядвиге Выпиской, и там умер у нее на руках.

Это было последнее оскорбление, которое он нанес Марии Гонзаго.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

О том, как молдавский господарь выдавал замуж дочерей

Есть у молдаван предание о двух сестрах-красавицах, которые выращивали в своем палисаднике кусты красного и белого шиповника, мечтая о большой любви и счастливом замужестве. Но судьба их сложилась печально. Той, которая заботилась о красном шиповнике, суждено было пройти через кровь и смерть. А той, что лелеяла белый, достались горькие слезы.

Так народ сохранил память о двух дочерях молдавского господаря Базиля Лупула Марии и Розанде, которые жили, любили и страдали в далеком XVII веке.

Базиль Лупул принадлежал к прославленному господарскому роду Могил. Отец его Иеремия утратил молдавский престол потому, что не желал подчиняться Османской империи. Некоторое время он боролся за свои права с турецким ставленником Томшей, которого султан посадил на его место, потом отца сменил сын, Базиль Могила, за суровый и нелюдимый характер прозванный в народе Лупулом, то есть волком. Лупулу удалось сделать то, чего не смог его отец, он вернул роду Могил власть в Молдавии. Это произошло в 1634 году.

Лупул показал себя сильным и осмотрительным правителем, что позволило ему в отличие от многих предшественников надолго удержаться на престоле и прослыть в Европе государем, с которым можно и нужно считаться.

От двух своих жен — рано ушедшей из жизни Василисы и Ирины Базиль Могила имел двух дочерей. Мария уже входила в пору зрелости и любви, Розанда была младше ее на десять лет.

Как только Лупул утвердился на престоле, к черноглазой Марии стали свататься западноевропейские принцы, грузинские царевичи и даже восточные правители. Союз с любым из них для Молдавии был бы почетным и выгодным. Но отдал господарь Могила свою дочь отнюдь не за короля или хана, а за литвинского князя Януша Радзивилла. На то у него были свои причины.

Когда-то сестра Лупула, выданная замуж за польского графа Стефана Потоцкого, склонила своего супруга вступить в борьбу с врагами Базиля для того, чтобы возвести брата на молдавский престол. Защищая права Могил, Потоцкий погиб. Лупул поклялся, что отныне все, что ни попросит у него овдовевшая по его вине сестра, он безоговорочно исполнит.

Спустя много лет сестра, вспомнив об этой клятве, стала умолять господаря отдать Марию за Януша Радзивилла, который был ранее мужем ее дочери Катажины Потоцкой. Катажина умерла, оставив после себя маленькую дочь Анну Марию, которой Януш теперь подыскивал мачеху. Сердце бабушки сжималось от страха, когда она думала, что чужая женщина, возможно, будет обижать ее внучку. Раздумывая о будущем Аннуси, сестра Лупула решила предложить бывшему зятю посвата ть свою молдавскую племянницу, кузину Катажины. Ознакомленный с новыми матримониальными планами Радзивилла, их одобрил даже Владислав IV, хотя дочь Базиля Лупула была православного вероисповедания. Король Речи Посполитой намеревался предложить молдавскому господарю союзничество в войне против Турции, которую он готовился начать, и полагал, что через Радзивилла ему будет легче добиться согласия.

Впрочем, турецкий султан предчувствовал, что Владислав IV не преминет воспользоваться в своих целях браком Януша Радзивилла и Марии Могилы. Он постарался обезопасить себя, запретив молдавскому господарю породниться с Радзивиллами. Он имел на это право, так как Лупул, не желая повторять ошибок отца, вступая на престол, признал султана своим сюзереном.

Безусловно, после такого поворота событий свадьба должна была расстроиться. Но Януш, увидевший кроткую и нежную Марию, влюбился в нее без памяти. Он уговаривал господаря стараться «рассудительным умом своим, упорными средствами привести дело к успеху»; настаивал на том, чтобы Лупул вновь просил султана о браке; предупреждал, что лучшей доли Марии, которой он тоже понравился, не найти; наконец угрожал выкрасть девушку и обвенчаться с нею где-нибудь у себя на родине. В конце концов Базиль Могила решил отправить в Стамбул новое посольство с богатыми дарами и униженно умолять султана не губить счастье его дочери.

На этот раз турецкий господин Лупула, вырвав у того обещание ни при каких обстоятельствах не поднимать на него оружия, милостиво согласился на брак Марии и Януша. 5 февраля 1645 года тридцатитрехлетний Радзивилл повел к алтарю свою двадцатилетнюю избранницу.

Свадьба состоялась в Яссах, столице Молдавии. По настоянию Лупула обряд венчания проходил в православном храме и по православным канонам. Ради этого из Киева прибыл влиятельный родич господаря киевский митрополит Петр Могила. Не делавший большой проблемы из того, что Катажина, первая его супруга, исповедовала католицизм, и даже по ее просьбе окрестивший в костеле дочь Анну-

сю, протестант Радзивилл тем более легко отнесся к требованиям своей новой православной родни. Он считал, что брак, в каком бы храме он ни был освящен, будет действительным перед Богом и людьми.

На свадебных торжествах, которые длились двенадцать дней и на которые прибыли послы из Речи Посполитой, Бранденбурга, Курляндии, Семиградья, Валахии, а также посланцы константинопольского патриарха, высокие гости обратили внимание на красивую десятилетнюю девочку, сестру невесты Розанду. Не зная, чем объяснить выбор Лупулом именно Радзивилла в мужья для Марии, они загадывали теперь, кому отдаст молдавский господарь руку младшей дочери, когда она подрастет. Кто-то распустил слух, что согласие на брак Марии Базиль Могила получил лишь благодаря обещанию отдать Розанду в гарем турецкого султана. Некоторые этому слуху поверили и теперь провожали девочку сочувствующими взглядами. Надо сказать, что судьба уготовила Розанде еще более необычную участь, но об этом позже.

Сразу же после свадьбы Януш повез Марию в Варшаву, где как раз открывался вальный сейм, на котором он должен был присутствовать. Но омрачать первые недели супружества необходимостью обсуждать с утра до вечера дела державные, оставив молодую жену в одиночестве, ему не хотелось. И он придумал, как этого избежать.

В польской столице Януш Радзивилл пышно отпраздновал свою свадьбу во второй раз. Естественно, гостями на грандиозный пир, устроенный им, были приглашены все вельможные паны, приехавшие на сейм, и сам король. Владислав IV в долгу не остался. Он обещал жениху булаву гетмана польного литовского, которую тому вручили уже в апреле следующего года. Невеста же получила от короля право на пожизненное владение в случае смерти Януша Радзивилла староствами Казимерским в Люблинском воеводстве, Быстрицким в Виленском и Сейменским в Гродненском воеводстве.

Тут же, в Варшаве, король поручил Радзивиллу начать тайные переговоры с тестем о совместном нападении на Турцию. И хотя Радзивилл был уверен, что Лупул не рискнет нарушить слово, данное султану, он обещал монарху выполнить порученную ему миссию как можно лучше. И действительно, он посвятил этому не один месяц.

Планы короля, который получил благословение самого папы римского, были грандиозны. Он собирался стяжать славу «христианнейшего монарха», покорителя Османской империи. Но, чувствуя, что магнаты Речи Посполитой вряд ли разрешат ему самому объявить войну султану, решил прибегнуть к хитрости. В войске Владислава IV служили казаки из Запорожской Сечи. По численности их отряд

составлял почти половину всей кавалерии короля, они были отважны и бесшабашны. Неоднократно королю приходилось разбираться с атаманами казаков, которые самовольно совершали набеги на российские территории и Крым. В 1647 году Владислав IV поставил над казаками гетманом обласканного им украинского шляхтича Зиновия Богдана Хмельницкого, оговорив с ним единственное условие: в назначенный час тот, никому не открывая, что действует по его приказу, поведет казаков в набег на Турцию. Султан не потерпит такой наглости и в ответ на это объявит войну Речи Посполитой. Магнаты вынуждены будут смириться, и король, объявив посполитое рушение (всеобщую мобилизацию), во всеоружии встретит грозного врага.

В решающий момент его поддержит Базиль Лупул, ударив по турецкой армии с тыла.

Увы, амбициям Владислава IV положил конец очередной вальный сейм. Тайное совершенно неожиданно стало явным, и возмущенные магнаты, небезосновательно полагавшие, что война с Турцией может окончиться совершенно не так, как рассчитывает самоуверенный король, и Речь Посполитая опять может оказаться на грани порабощения, решительно воспротивились воле своего монарха.

Януш Радзивилл вздохнул с облегчением, ибо уже ломал голову над тем, как поучтивее передать категорический отказ тестя. Впрочем, политические вопросы сейчас мало его интересовали, хотелось затвориться в собственном замке и прервать на время общение со всем светом. В это время семью Радзивиллов постигло большое горе. Мария, родившая в 1645 году Янушу наследника — Криштофа, в конце 1646 года встретила вернувшегося из очередной деловой поездки мужа душераздирающими криками. Малыш погиб по вине злых людей. Нанятая Янушем нянька, степенная пожилая матрона, оказалась подкупленной. Однажды она дала ребенку погрызть яблоко, разрезанное ею перед этим отравленным ножом. Слуги схватили преступницу и продержали ее запертой до самого приезда хозяина.

Тщетно пытался узнать у нее Радзивилл, по чьему приказу она убила ребенка. Нянька упорно отрицала, что выполняла чье-то поручение. Видимо, гораздо больше суда и казни она боялась гнева тех людей. За свое черное дело она поплатилась жизнью, но легче от этого ни Янушу, ни Марии не стало. Дочь молдавского господаря облачилась в траур, а Радзивилл замкнулся в себе, пытаясь разгадать, кто из его или Лупуловых врагов мог решиться на такое злодеяние.

Однако долго предаваться скорби Янушу не позволили обстоятельства. Речь Посполитая, избежав войны с Турцией, неожиданно

была ввергнуга в другую войну, которую позже в польских хрониках нарекли казацкой. К удивлению короля начал ее все тот же Зиновий Богдан Хмельницкий. Недолго продержался он в должности гетмана казацкого войска Речи Посполитой. Завистливые поляки всячески подсиживали его и, наконец, устроили так, что возвысившийся по воле короля гетман попал в тюрьму. Друзья добились, чтобы Хмельницкого выпустили на поруки, и он тут же сбежал в Запорожскую Сечь. Там он стал пылкими речами побуждать казаков выступить войной против ненавистного панства в защиту страдающего под польским ярмом украинского народа.

Участь украинцев действительно была достойна сожаления. С тех пор как Украина, перестав быть частью Великого княжества Литовского, перешла во власть Польши, ее богатые земли по воле короля стали переходить в собственность польских аристократов. Принадлежность к разным народам, разное вероисповедание, различное социальное положение превратили украинских крестьян и польских панов в непримиримых врагов. Поляки как могли ущемляли права своих подданных, превращая их почти в рабов. Крестьяне бежали от своих поработителей в Запорожскую Сечь, чтобы затем вернуться грозными мстителями.

Призывы Хмельницкого упали на хорошо подготовленную почву. К казакам присоединились украинские горожане и крестьяне, и война началась. Она была ужасна. В своем желании мстить восставшие запорожцы доходили до крайности, не только разрушая костелы и предавая огню панские усадьбы, но и истребляя евреев, и расправляясь со всеми, кто оказывался на их пути, не жалея ни женщин, ни детей. Очевидец с ужасом пишет о том, как казаки мстили польской шляхте: «С некоторых сдирали заживо кожу, а тело кидали собакам, некоторым отсекали руки и ноги и бросали на дороге, после ехали по ним возами; некоторым нанесли множество несмертельных ран и оставляли мучиться в предсмертной агонии, пока не испустят дух; многих закапывали живыми в землю, резали детей в материнском чреве; множес тво детей разорвали на куски... Подобное они делали всюду, куда только ходили».

Быстро завладев Украиной, Хмельницкий вступил в пределы Беларуси, где простой люд не был так угнетен, но тоже поддержал его, ибо казаки обещали избавить православных от засилья католиков. Для Речи Посполитой дело принимало серьезный оборот.

На борьбу с казаками был отправлен Януш Радзивилл, так как гетман великий литовский Ян Кишка был стар и болен, а вторая по значению военная должность в Великом княжестве Литовском — гет-

ман польный литовский — принадлежала Радзивиллу. Уверенный в том, что «только жестокостью можно бороться с жестокими людьми», он безжалостно предавал казни казаков, а также отдал приказ своим солдатам расправляться с жителями тех белорусских сел, местечек и городов, которые поддерживали запорожцев и оказывали сопротивление его войскам. Так были разрушены и сожжены Брест и Пинск, загублено много народу в Черикове, Турове и Мозыре. Захваченных в плен казаков сажали на кол, им рубили головы, отсекали руки, чтобы они больше никогда не смогли поднять оружие на шляхетных подданных короля Речи Посполитой.

Кровопролитную войну ненадолго приостановило Зборовское перемирие, которое в конце 1649 года заключил король с казаками после того, как Януш Радзивилл совершил поход на Киев. Во время этого похода войска Хмельницкого понесли большой урон.

В состоянии мира казаки пробыли недолго. Атаманы все громче выражали недовольство Хмельницким, винили его за поражения в войне и вынужденные уступки, на которые пришлось пойти при заключении перемирия. Чтобы восстановить свою репутацию полководца, сохранить власть и дать возможность казакам обогатиться, Зиновий Богдан надумал вести их на Молдавию. Кстати, рассуждал он, этим можно отомстить Радзивиллу, зятю молдавского господаря.

Опасаясь, что за Луиула может вступиться его турецкий сюзерен, Хмельницкий решил обезопасить себя. Он сообщил султану, будто молдавский господарь, став тестем Радзивилла, с его помощью собирается избавиться от власти Стамбула. Возмущенный султан велел своим подданным, крымским татарам, выступить вместе с казаками.

Узнав о приближении грозного воинства, Лупул, совершенно не готовый к войне, вместе с семьей спешно покинул Яссы и несколько дней прятался в окрестностях столицы в буковом лесу. Оттуда он мог наблюдать зловещий пожар, устроенный казаками в Яссах.

Через несколько дней молдавский господарь отважился просить Хмельницкого о переговорах. Он был вынужден подписать грамоту о «вечном мире и союзничестве против всяческих врагов» с Украиной, которую Зиновий Богдан уже выдавал за отдельную и независимую державу, и в очередной раз поклясться в верности султану. Мало того, Лупул должен был выплатить казакам триста тысяч талеров и обещал руку Розанды старшему сыну Хмельницкого Тимофею. Свадьба была отложена на год, до тех пор, пока девушке не исполнится шестнадцать лет.

Узнав об этом из письма сестры, княгиня Мария Радзивилл пришла в ужас. Бедная женщина никак не могла поверить, что у отца ее не было иного выхода.

«Сомневаюсь, чтобы наша сестра обрела счастье в том супружестве, к которому ее склоняют, — писала Мария отцу. — Тем более что обладает она нравом тихим и богобоязненным. Ей ли стать женою разбойника, за коего мы считаем и Тимоха Хмельницкого так же, как его отца».

Видимо, Лупул был того же мнения, потому что, как только казаки покинули Молдавию, стал искать возможности, чтобы нарушить слово, данное Хмельницкому. Он воспользовался тем, что 24 января 1650 года, всего через месяц после нападения Хмельницкого на Яссы, очередной сейм Речи Посполитой принял решение о прекращении перемирия с казаками. Зиновий Богдан вновь вынужден был воевать с Радзивиллом.

Новый этап войны длился почти два года. Напрасно надеялся Лупул, что Хмельницкий забудет со временем о слове, которое он дал ему. В 1652 году, воспользовавшись очередным перемирием, украинский гетман отправил в Молдавию своего сына Тимофея со стотысячным войском. Чуть раньше к Лупулу был послан гонец с сообщением, что сто тысяч «брачных гостей» готовы посетить его владения, если он добром не выдаст дочь за его сына.

Обеспокоенный Базиль Могила обратился за помощью к королю Речи Посполитой, полагая, что тот отправит к нему Януша Радзивилла с литвинским войском. Но Ян Казимир распорядился, чтобы к границам Молдавии шел гетман великий коронный Калиновский. Проигнорировав сведения о стотысячном войске казаков и татар под предводительством Тимофея Хмельницкого, король и его гетман поверили сообщению своих лазутчиков — недобросовестных или просто неопытных, которые назвали цифру пять тысяч. Исходя из этого, Калиновский выступил с десятитысячным отрядом. С такими силами разгром коронного войска был неминуем. Однако Богдан Хмельницкий попытался предотвратить битву, послав гетману письмо, в котором просил не препятствовать Тимофею войти в Молдавию, мол, едет себе парень тихо-мирно жениться, зачем же вынуждать его к лихим делам.

Самоуверенный Калиновский не почувствовал в этих словах реальной угрозы. В результате отряд его был наголову разбит, а сам он принял смерть в бою.

Извещенный о поражении польского войска, Лупул спешно созвал совет в Яссах. Все его подданные, не забыв об ужасном пожаре,

уничтожившем в 1650 году большую часть молдавской столицы, высказались за то, чтобы Базиль Могила принял молодого Хмельницкого как зятя. В конце концов решив, что другого выхода у него нет, Лупул отправил к Тимофею гонца, который передал, что молдавский господарь согласен на венчание, если только «отважный рыцарь» соблаговолит оставить свое грозное воинство на границе и приедет в Яссы, как и положено жениху, со сватами и безоружный. Многие товарищи отговаривали Тимофея, опасаясь предательства, но он все же рискнул и не прогадал.

31 августа 1652 года в Яссах произошло его венчание с Розандой. Примирившись с Лупулом и поняв, что он понравился невесте, Тимофей, захмелев на свадебном пиру от прекрасных молдавских вин, пообещал напасть на соседние Валахию и Семиградье, чтобы, отобрав престол у тамошних правителей Радула и Ракоци, присоединить эти государства к Молдавии.

Эта похвальба тут же стала известна и Радулу, и Ракоци. Полагая, что у зятя Лупула действительно возникли подобные намерения, они решили не ожидать объявления войны, а самим напасть на Молдавию и покорить ее. Господарь Валахии и семиградский князь вступили в сговор с самым влиятельным из подданных Лупула — его канцлером Стефаном Бурдуцем (прозвище которого в переводе означает Жирный) и захватили Яссы.

Базилю Могиле удалось избежать плена. Он укрылся в Каменец-Подольском, откуда воззвал к Хмельницким о помощи. Тимофей, который не успел еще в полной мере насладиться первым медовым месяцем супружества, вынужден был покинуть нежную Розанду в имении отца Субботове и отправиться в поход. Отвоевывать престол для тестя он пошел с шестнадцатитысячным войском. Удача сопутствовала ему. Весной 1653 года Хмельницкий освободил Яссы, прогнав оттуда узурпатора Бурдуца. Желая закрепить свой успех, Тимофей двинулся дальше, на Валахию.

Однако Радул, который выступил против него в союзе с Ракоци, оказался сильнее. На берегах реки Яловеци объединенное казацко-молдавское войско потерпело поражение. Тимофей Хмельницких поспешил за подкреплением на Украину, увлекая за собой и тестя. Пока они собирали новые силы, Бурдуц, заблаговременно позаботившийся о том, чтобы перекупить у турецкого султана права на молдавский престол, занял Яссы. Жена Лупула вместе с его наследником, подростком Базилем, заперлась в крепости Сучава на Буковине, откуда прислала мужу и зятю отчаянное письмо. Надо ли говорить, то те поспешили ей на выручку так скоро, как только смогли.

На пути к Сучаве, под городом Сороки молодому Хмельницкому пришлось вступить в бой с двухтысячным вражеским отрядом, над которым он быстро одержал победу. После этого, оставив тестя в городе Рашков, с большей частью войска он пришел к Сучаве. Однако вывести из крепости семью Лупула Тимофей не успел, так как оказался окруженным сильной армией Стефана Бурдуца.

Узнав об этом, Базиль Могила обратился за помощью к королю Яну Казимиру. Но почти одновременно к монарху Речи Посполитой воззвали Радул и Ракоци, которые умоляли ради спасения Молдавии, Валахии и Семиградья прислать войска на помощь Бурдуцу. Напрасно ожидал Януш Радзивилл приказа короля вести войска на помощь Лупулу. Став родственником Хмельницкого, молдавский господарь лишился благосклонности Яна Казимира. Тот решил помогать его врагам, послав польский отряд Дмитрия Вишневецкого под Сучаву.

Осажденные мужественно сражались с врагом. Заканчивались продовольствие и вода, но казаки продолжали держать оборону. Сдать крепость они решили лишь после гибели своего предводителя. В одном из боев Тимофей Хмельницкий был ранен в ноги осколками телеги, разнесенной вдребезги пушечным ядром. Через четыре дня он скончался на руках у тещи от антонова огня (гангрены).

Казаки выпросили у Стефана Бурдуца и Дмитрия Вишневецкого разрешение беспрепятственно покинуть Сучаву с оружием и увезти с собой тело Тимофея. Те согласились, так как их целью было захватить лишь семью Лупула. Впрочем, супругу Базиля Могилы они тут же отпустили. Сына же его, своего крестника, Стефан Бурдуц распорядился сначала изуродовать (ему был порван нос), чтобы мальчик не мог в дальнейшем рассчитывать на престол своего отца. Вскоре и сам Лупул оказался в плену у врагов. Его доставили в Стамбул, и султан, который не доверял больше этому подданному, заключил свергнутого господаря в темницу. Там спустя несколько лет Базиль Могила умер.

Узнав о несчастье, постигшем семью Лупула, Януш Радзивилл настолько разочаровался в своем короле, что решил для себя: «Больше я ничем не обязан Яну Казимиру». У него давно уже зрела мысль о том, чтобы попытаться отделить от Польши Великое княжество Литовское, вновь вернув ему суверенность. Теперь он стал делать все для того, чтобы поскорее воплотить этот замысел в жизнь.

Что касается Марии, то она немедленно послала письмо младшей сестре, которая, как сообщили ей, вела себя в Субботове как безумная, днем и ночью оплакивая гибель мужа и пленение отца. Старшая из молдавских царевен умоляла сестру взять себя в руки и, оставив опустевшее после смерти Тимофея Хмельницкого жилье,

перебраться хотя бы на время в замок Радзивиллов, где они вместе могли бы поплакать и погоревать над общей бедой, а также поддерживать друг друга.

«Потому как моя участь так же печальна, как и твоя. И неведомо еще, чья скорбь больше, ибо ты утратила мужа, но еще имеешь молодость, красоту и сердце, которое готово будет вновь полюбить спустя годы. А я лишена навек надежды и счастья, ибо Богом не дано уже мне больше быть матерью, и уподобилась я сухому и неплодному дереву».

Розанда не откликнулась на призыв сестры, предпочитая плакать о своих несчастьях в одиночестве. А через два года овдовела и Мария, супруг которой, помышляя о независимости литвинской державы, затеял авантюру со шведами, в конце концов погубившую его.

Печальными тенями вошли в историю Беларуси и Украины две сестры-молдаванки Мария и Розанда. Красавицы редко бывают счастливы, и предание о шиповнике здесь совершенно ни при чем.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

О том, как королева вступила в брак с кардиналом и что из этого вышло

Когда в 1646 году роскошный свадебный кортеж привез в Варшаву будущую королеву Людвику Марию Гонзаго, Речь Посполитая ликовала три дня в предчувствии несомненной пользы от столь удачного, как казалось тогда, союза с величайшей державой Европы. И лишь один человек пребывал в глубокой печали, беспрестанно упрекая Всевышнего за то, что он «дозволил соединиться этой женщине и этому мужчине». Он имел в виду короля Владислава IV и герцогиню Мантуанскую.

Этим человеком был младший брат государя Речи Посполитой королевич Ян Казимир, совсем недавно облачившийся «согласно искреннему своему желанию» в кардинальскую мантию.

В те времена говорили, что каждый священник и каждая монахиня скрывают от людских глаз под своей сутаной какую-то греховную тайну. Такая тайна точила уже несколько лет и сердце Яна Казимира. Именно она заставила его дать необходимые обеты, чтобы стать слутой Господа. Герцогиня Мантуанская имела к этому самое непосредственное отношение.

А началось все в 1638 году во французском городе Тор де Бом. Разгоняя скуку в путешествии по Европе, двадцатидевятилетний Ян Казимир захотел посмотреть настоящий бой быков. На пути в Испанию, куда брат короля Речи Посполитой решил добираться морем, его корабль ненадолго остановился в порту Тор де Бом, где о приватно путешествующей особе королевской крови немедленно доложили соглядатаям всесильного кардинала Ришелье. Они почему-то решили, что королевич спещит в Мадрид для проведения тайных переговоров о совместной войне против Франции. Яна Казимира арестовали и препроводили в темницу в одцн из королевских замков, где довелось ему, ни в че;м не повинному, провести целых два года.

Наконец, Владислав IV сумел убедить французского монарха Людовика XIII, мнение которого обычно очень редко расходилось с мнением Ришелье, в том, что королевич Ян Казимир не имел никакого злого умысла против Франции, и договориться о его освобождении. Но не без оснований опасаясь, что высокородный узник, затаивший на Своих пленителей обиду, попытается теперь отплатить им, всесильный кардинал решил подстраховаться. Во-первых, он надоумил Людовика XIII добиться от Владислава IV письменного обещания ни словом, ни делом не мстить Франции. Во-вторых, он предпринял по-

пытку связать Яна Казимира кровным родством с французским престолом. Выбор Ришелье пал на уже прослывшую самой обольстительной женщиной во Франции двадцатидевятилетнюю Марию Гонзаго.

Только из вежливости Ян Казимир согласился посетить дворец красавицы в Париже. Результат оказался самым неожиданным для него — он влюбился с первого взгляда. Но брат короля Речи Посполитой не может самостоятельно решать свои сердечные дела. Поэтому Ян Казимир после пылкого и страстного признания умолял герцогйнiо подождать некоторое время официального предложения, которое, по его мнению, разрешат ему сделать паны рады и венценосный брат.

Мария Гонзаго отвечала пленительной улыбкой, за которой трудно было разглядеть ее истинные чувства к претенденту. Королевич вернулся в Польшу окрыленный, почти уверенный во взаимности. Увы, выполняя полупросьбу-полуприказ Ришелье, Мария Мантуанская не могла сказать тогда Яну Казимиру всей правды. Сердцем ее в то время уже владел другой — красавец Сен-Мар, тщетно пытавшийся добиться ее руки и сложивший вскоре голову на плахе ради прекрасных глаз своей возлюбленной.

Когда осенью 1642 года весть о заговоре Сен-Мара и его гибели дошла до Варшавы, Ян Казимир, уже почти добившись разрешения на брак с «прелестной француженкой», вынужден был отказаться от своего замысла. Хотя официально причастность герцогини к скандальной истории замяли, а имя ее по-прежнему оставалось «чистым и честным», королевич не мог представить себе, как поведет к алтарю женщину, которая, оказывается, его не любила и не любит. Ради каких-то неведомых ему целей она обманывала его, притворяясь свободной в своих чувствах, и совсем недавно еще, облачившись в глубокий траур, оплакивала казненного преступника, по свидетельству многих очевидцев, называя его своим мужем.

Отчаяние толкнуло Яна Казимира на безумство, которое, впрочем, многим религиозно настроенным полякам таковым не казалось. Он покинул Варшаву якобы ради паломничества в святой город Рим, где попросился в один из монастырей послушником. Обеспокоенный Владислав IV слал брату письмо за письмом, умоляя одуматься. Но королевич отвечал, что ни на какие почести и короны не променяет свою теперешнюю жизнь, которая кажется ему похожей на райскую.

Убедившись в том, что брат твердо выбрал для себя духовную стезю, Владислав IV добился для него кардинальской мантии. В этой новой ипостаси Ян Казимир и предстал перед соотечественниками. Но недаром столпы католической церкви утверждали, что к служению Богу можно прийти лишь со свободным от уз любви сердцем. Как ни

пытался несчастный королевич забыть герцогиню Мантуанскую, страсть вновь с бешеной силой вспыхнула в его сердце, когда неожиданно он узнал о решении Владислава IV сделать Марию Гонзаго королевой. Ревность и раскаяние овладели Яном Казимиром. Его неистовства длились еще более полугода после торжественной коронации герцогини в Вавельском замке (в предместье Кракова). Приехавшая из Парижа в Польшу тридцатипятилетняя невеста короля показалась ему еще прекраснее, чем та Мария Гонзаго, которую он полюбил. Лицо ее, женщины, прошедшей через многие испытания и разочарования, стало необыкновенно одухотворенным, а взгляд, в котором сквозило прежде легкомысленное кокетство, теперь излучал выстраданную мудрость. И такая необыкновенно притягательная женщина не понравилась Владиславу IV?!

«Только это обстоятельство и давало возможность жить и биться моему сердцу», — признавался королевич позднее. Отвергаемая мужем королева, всегда опечаленная и непривычно тихая для тех, кто знал ее, вновь завладела сердцем Яна Казимира.

Сначала они лишь учтиво здоровались, потом пришел черед для духовных бесед. Чувствуя, что она в Варшаве чужая, королева Людвика Мария стала наконец подумывать о том, чтобы превратить симпатичного ей королевича-кардинала в своего духовника. И он совсем не возражал.

Но внезапно обстоятельства изменились. Умер король Владислав IV. Началось нестабильное и напряженное время постоянных магнатских склок и споров, подкупов и обманов, бряцания оружием, сеймиков и сеймов, на которых граждане Речи Посполитой должны были определиться, кто станет их новым государем.

У Людвики Марии не было детей, поэтому она фактически оказалась исключенной из числа особ, которые могли претендовать на реальную власть. Грустно и одиноко доживала бы она в Польше свой век, если только не захотела бы вернуться на родину. Но и во Франции ее никто не ждал. Задумываясь о своем печальном будущем, вдовствующая королева невольно обратила взор на кардинала Яна Казимира. Пожалуй, он оказался единственным человеком, которому Людвика Мария была небезразлична. Женщина решила, что это ее последний шанс.

Опытная в интригах и авантюрах, королева смело и решительно взялась за дело, перед которым спасовал бы, наверное, десяток видавших виды влиятельных мужчин. Заронив в сердце влюбленного кардинала надежду, она все свои средства, силу убеждения, все возможности бросила на то, чтобы добиться для него королевской короны.

«Это невозможно, — говорили благоразумные люди. — Духовное лицо такого высокого ранга не может сложить с себя принесенные Богу обеты, ведь это дурной пример священнослужителям более скромного положения. Да и может ли стать королем опорочивший себя подобным образом слуга Божий? Ведь изменив клятве Богу, он так же легко сможет при случае изменить и клятве, принесенной своим подданным».

«Речь Посполитая находится не в таком отчаянном положении, чтобы на престол нужно было возводить кардинала, — вторили им рассудительные. — Если уж на то пошло, у покойного короля Владислава IV есть еще самый младший брат, королевич Кароль Фердинанд. Яна Казимира никто не принуждал делать такой выбор. Он выбрал костел. Пусть же корона достанется Каролю Фердинанду».

«Все дело в королеве Людвике Марии, — сообщали осведомленные. — Кардинал ходит вокруг нее, как мартовский кот вокруг кошки. Такое часто бывает у коронованных вдов — заводят шашни со священниками, чтобы создать видимость святости и безгрешности. Достаточно вспомнить французскую королеву Анну Австрийскую, вдову Людовика XIII. Все знают, как в ее будуаре крутился кардинал Мазарини. Но нашей вдове, видно, мало только тайной любви. Она хочет сохранить престол. Гнать ее надо из Варшавы! Пускай интригует в Вильно!»

Ян Казимир скандально сложил с себя сан и официально просил французский двор позволить ему жениться на Людвике Марии. Однако неизвестно, как развивались бы события дальше, если бы в них вдруг не вмешался отчаянный казак Зиновий Богдан Хмельницкий. Сразу после смерти Владислава IV, который некогда возвысил Хмельницкого, поставив гетманом над королевским казацким войском, а после малодушно потворствовал тому, чтобы завистливые польские паны расправились с «зарвавшимся хохлом», отобрав у него и должность, и имения, и даже жену, Зиновий Богдан поднял вольных казаков Запорожской Сечи против чванливого польского панства. Казаков поддержали жители некоторых белорусских городов — Мозыря, Речицы, Гомеля, Турова, Лоева, а также крестьяне из окрестных сел.

Чтобы приостановить набиравшую силу «казацкую войну», магнатство Речи Посполитой готово было пойти на любые уступки Хмельницкому. Так и случилось, когда в Варшаву на элекционный сейм, где схлестнулись сторонники королевичей Яна Казимира и Кароля Фердинанда, прибыл посол Зиновия Богдана и потребовал непременно короновать бывшего кардинала. Непонятно, на что рассчитывал Хмельницкий. Показался ли ему недавний пастырь

Божий человеком более лояльным и милосердным, чем другой претендент? Надеялся ли он на благодарность Яна Казимира и в связи с этим на выгодный для казаков мир? Или, может, Зиновий Богдан чувствовал, насколько слабым окажется на королевском престоле Ян Казимир, никогда ранее не интересовавшийся делами державными и возжелавший короны только ради Людвики Марии? Как бы там ни было, Хмельницкий заявил вальному сейму о своем выборе и этим фактически подарил корону Яну Казимиру.

20 ноября 1648 года в Речи Посполитой был торжественно возведен на престол бывший кардинал. 30 мая 1649 года, невзирая на строжайший запрет папы римского Иннокентия X и явное неодобрение подданных («Такой союз не благословляет небо, часто Божественный гнев карает всю страну за преступления государя», — увещевали короля его ближайшие советники, считая брак с вдовой брата кровосмесительным), Ян Казимир повел Людвику Марию к венцу.

Впрочем, особенно долго поляки и литвины не волновались. Они помнили еще времена Сигизмунда III, отца Яна Казимира, который сначала вызвал гнев папы римского тем, что после смерти первой жены взял себе в королевы ее младшую сестру, а потом получал от того же самого наместника святого Петра хвалебные грамоты в адрес своей второй супруги, которая оказалась ревностной поборницей католической веры. Ожидаемая Речью Посполитой в то время кара Господня за кровосмесительный брак короля на державу так и не обрушилась. И это давало повод для оптимизма теперь.

Тем не менее великие беды и потрясения уже ожидали поляков и литвинов. Трудно сказать, что действительно вызвало этот нескончаемый поток напастей и горестей.

Едва вступив на престол, Ян Казимир попытался заявить о себе как о защитнике костела и польского магнатства, представителей которого он считал «наилучшими из своих подданных». Он бросил все силы государства на то, чтобы усмирить восставшую под водительством Хмельницкого Украину, хотя литвины советовали ему лучше пойти на примирение с казаками, которые помогли ему стать королем.

Януш Радзивилл был послан на Полесье, чтобы «огнем и мечом» отвоевывать занятые казаками города. Но быстрого успеха Ян Казимир не дождался, так как, по словам Радзивилла, «во всем Великом княжестве Литовском, кроме княжества Жмудского, едва ли какой-нибудь повет имеем, который нельзя причислить к мятежным». В конце 1649 года обессиленные в жестокой борьбе друг с другом враждующие стороны были вынуждены заключить Зборовское перемирие.

Но уже 24 января 1650 года перемирие по решению сейма Речи Посполитой было нарушено. Король вступил в антиказацкую коалицию с князем семиградским, крымским ханом, турецким султаном и Базилем Лупулом, подвергшимся во время перемирия нападению войск Хмельницкого. Начался новый, почти двухлетний кровавый этап в истории Речи Посполитой. Горе пришло во многие польские, литвинские и украинские семьи, потерявшие на «казацкой войне» своих кормильцев.

Не обошло оно стороной и семью самого Яна Казимира. Но причина была иной. 1 июля 1650 года, почти в сорокалетнем возрасте Людвика Мария родила первое свое дитя, королевну Марию Анну Терезу. Девочка прожила всего год и один месяц и умерла. Людвика Мария прилагала все свои силы, чтобы не впасть в отчаяние. Она была вновь беременна и старалась любой ценой сохранить хотя бы это дитя. Но, видимо, переживания оказали влияние на состояние королевы, потому что маленький королевич Ян Сигизмунд, родившийся 1 января 1652 года, едва прожил месяц. Больше Бог не посылал детей королевской чете, и супруги очень страдали от этого.

Между тем громкая победа Януша Радзивилла под Лоевом, где 6 июля 1651 года он разбил казаков под предводительством атамана Небабы, дала возможность захватить такой важный стратегический пункт, как Чернигов, и в середине августа без боя войти в Киев. В результате 29 сентября 1651 года Хмельницкий был вынужден принять на невыгодных для него условиях новый Белоцерковский мир. Но и это не принесло покоя Речи Посполитой. Хмельницкий затеял поход на Молдавию. Королю пришлось выступить защитником господаря Лупула, который обратился к нему как к союзнику за помощью. Однако польский отряд, посланный Яном Казимиром, был разгромлен в неравной схватке со стотысячным воинством во главе с Тимофеем Хмельницким. Король Речи Посполитой отомстил за это поражение в 1653 году. Он отправил Дмитрия Вишневецкого осаждать Сучаву, где заперся со своими казаками их обидчик, Тимофей Хмельницкий, который уже был зятем Лупула.

Получив известие о гибели сына, Зиновий Богдан понял, что перемирие закончилось. Еще более уверило его в этом решение Яна Казимира лично вести польские войска на Украину (Януш Радзивилл отказался участвовать с литвинским войском в этой авантюре). Правда, активных действий поляки не предприняли. Простояли в нерешительности весну и лето 1653 года под местечком Жванец, дождавшись того, что в их лагере начались голод и болезни. Но королю удалось переманить на свою сторону татарского хана Ислам-

Гирея, который был союзником Хмельницкого, и татары предали огню многострадальную Украину. После этого Зиновий Богдан решил, что не признает над собой власти Яна Казимира. Он обратился к русскому царю Алексею Михайловичу с просьбой присоединить к России единоверную с ней Украину. Так в 1654 году после знаменитой Переясловской Рады Ян Казимир потерял Украину и оказался в состоянии войны с Россией.

Положение осложнялось еще и тем, что к этому времени наметился явный разрыв с лучшим из полководцев Речи Посполитой Янушем Радзивиллом. Недальновидный Ян Казимир обидел его сначала тем, что ради мести сыну Хмельницкого предал Базиля Лупула, осадив Сучаву, а потом отказал в праве на булаву гетмана великого литовского после смерти ее обладателя Яна Кишки. Булава эта досталась-таки Радзивиллу, но позднее, когда уже ничто не могло больше примирить его с королем. Януш Радзивилл задумал отделить Великое княжество Литовское от Польши. Еще больше склонили его к этому обстоятельства начавшейся войны с царем Алексеем Михайловичем. В то время как Великое княжество изнемогало в неравной борьбе с сильным и опасным противником, польские паны делали все, чтобы король не послал коронное войско на помощь войску княжества. Кстати, как раз в это время Януш Радзивилл получил предложение от шведского короля стать его союзником в войне против Яна Казимира, которую он решил начать, воспользовавшись трудностями Речи Посполитой, чтобы увеличить свои владения за счет польских земель.

15 июля шведские войска вторглись на территорию Польши. Эта агрессия получила в исторической литературе название «потоп», так как шведское нашествие действительно было подобно стремительно несущейся, все сметающей на своем пути водной стихии. 26 июля 1654 года Криштоф Опалинский сдал шведам Великопольские земли. 16 августа Януш Радзивилл отдал шведскому королю Карлу X Густаву Великое княжество Литовское, которое по уговору между ними должно было войти в объединение со Швецией как равноправное государство. 8 сентября шведы заняли Варшаву.

И тут на историческую арену вышла из тени королева Людвика Мария. Година тяжелых испытаний помогла ей раскрыться с неожиданной стороны, и подданные с изумлением говорили в эти дни о необыкновенном мужестве и самоотверженности своей государыни. Находясь в это время в Кракове, она пожертвовала все свои драгоценности на оборону древней польской столицы, к которой приближались шведы. Королева склонила епископа Гембицкого на беспримерный акт пожертвования золота краковскими костелами на нужды

обороны, вдохновляла горожан патриотическими речами. И все-таки 17 октября Краков был захвачен врагом. Людвика Мария успела покинуть его и перебралась в Силезию, польскую провинцию, которую незадолго до трагических событий король отдал ей в управление. Силезия оставалась одним из немногих островков, не захваченных шведами, которые оккупировали почти всю Польшу.

Вскоре к королеве присоединился и король, который, после того как узнал об измене большинства польских магнатов, присягнувших на верность Карлу X Густаву, решил предоставить течение дальнейших событий воле судьбы.

Вспоминая все свои несчастья с момента вступления на престол, Ян Казимир в отчаянии готов был даже отречься от короны. Королева не допустила этого. Увидев, что ее супруг потерял всякую власть над подданными и уверенность в себе, она взяла бразды правления в свои руки. Смело и решительно ухватившись за колесо польской фортуны, стремительно несущей эту страну к гибели, Людвика Мария попыталась повернуть его в другую сторону. В первую очередь она запретила королю даже думать об отречении, затем превратила Силезию в центр сопротивления шведской агрессии. На организованном тут королевой монетном дворе в золотые и серебряные монеты превращали драгоценную посуду, утварь, пожертвованную костелами и монастырями, и даже личные украшения Людвики Марии. Королева связалась с первыми партизанскими отрядами, возникшими на оккупированной территории, и помогала им оружием и деньгами. Из Силезии разлетались в разные стороны, словно почтовые голуби, написанные ее рукой письма. Она обращалась с призывами о помощи к французскому королю, папе римскому, русскому царю, турецкому султану, татарскому хану, даже к Богдану Хмельницкому. Призывала к оружию всех, кому дорога родина.

Может быть, в тех условиях героические усилия королевы и пропали бы даром, если бы, как говорит в одном из своих писем король Ян Казимир, сама Матка Боска не встала на сторону Людвики Марии, чтобы помочь ей спасти Польшу. Произошло и на самом деле нечто необыкновенное. Шведы, которые действовали до этого времени хладнокровно, расчетливо и осмотрительно, вдруг совершили непоправимую ошибку. Они попытались захватить монастырь на Золотой Горе у местечка Ченстохов, самую, наверное, известную польскую обитель, где, как полагали, смогут поживиться большими ценностями. Но в этом монастыре среди многих реликвий находилась главная католическая святыня Польши — икона Матки Боской Ченстоховской. Весть о попытке святотатства захватчиков, а также о

героизме, проявленном защитниками Золотой Горы, словно пробудила подданных Яна Казимира и Людвики Марии от глубокого сна. Магнаты призвали короля вернуться, чтобы вместе с ними или победить, или погибнуть в неравной борьбе. Польша взорвалась народным гневом против тех, кто посмел посягнуть на самое святое. Призывы королевы наконец были услышаны теми, кому они предназначались.

20 ноября 1655 года стараниями Людвики Марии рада сената в городе Аполу обратилась ко всем гражданам с призывом к всенародному восстанию против захватчиков. Защитники Ченстохова получили от своей королевы оружие и деньги. Людвика Мария призвала польских партизан прийти на помощь осажденным в монастыре на Золотой Горе. В конце концов с дозволения короля и Рады сената она обратилась ко всем европейским монархам, предлагая назначить наследником бездетного Яна Казимира принца из той королевской династии, которая поможет Речи Посполитой.

Увы, иноземные государи побоялись ввязываться в борьбу со шведами, но уже в самой державе Яна Казимира и Людвики Марии определилась та сила, ведомая духом патриотизма, которая смогла в конце концов покончить с вражеским нашествием.

28 июня 1656 года Людвика Мария смогла наконец выехать из Силезии на освобожденные земли Польши. С этого времени королеву часто видели в местах боевых действий, где она вдохновляла воинов. 28 июля перед решающей битвой за Варшаву она, присоединившись к королю, объезжала войска. Воодушевленные своей государыней, воины смело шли в бой и сражались героически. Превращенная шведами в неприступную твердыню Варшава все-таки не устояла перед яростным штурмом солдат Яна Казимира. Король вошел в свою столицу и принял капитуляцию коменданта шведского гарнизона Виттенберга. И хотя надолго удержать город в своих руках государю Речи Посполитой не удалось, его подданные поверили в свои силы и в свою победу. Но к победе этой еще нужно было идти через бесконечные битвы, смерть и кровь многие месяцы.

Тем временем на предложение Людвики Марии о престолонаследии неожиданно откликнулся царь Алексей Михайлович. Желая завладеть Ливонией и Карелией, которые в то время принадлежали Швеции, царь решил воспользоваться тем, что шведский монарх Карл X Густав основательно завяз в войне с Речью Посполитой, и объявить ему войну. Но сам Алексей Михайлович не собирался вести военные действия на два фронта. Тем более, что воззвание королевы Людвики Марии давало ему великолепный шанс заполучить корону Речи Посполитой, не пролив на полях этой страны кровь своих воинов. Поэтому

он предложил Яну Казимиру заключить мир на условиях, выгодных в данной ситуации обоим. 3 ноября 1656 года два воюющих соседа подписали в Вильно договор. Алексей Михайлович пошел на многие уступки, обещая вместе с Яном Казимиром довести до конца изгнание шведов с территории Польши. Взамен он получил обещание короля и магнатства Речи Посполитой, что на ближайшем вальном сейме его провозгласят престолопреемником Яна Казимира, а после смерти короля сам Алексей Михайлович или один из его сыновей сядет на трон.

С этого момента исход шведской войны был предрешен. Шведы теряли город за городом и в конце концов вынуждены были просить у Яна Казимира заключения мирного договора. Это произошло 24 апреля 1660 года в городе Олива. Явившуюся в зал переговоров Людвику Марию встречали как национальную героиню. Это был триумф в ее жизни. Королева Людвика Мария навсегда вошла в историю как спасительница своей державы. Вторично ее мудрость и энергия помогли Речи Посполитой, когда встал вопрос об элекции царя Алексея Михайловича. Хотя поляки и литвины приняли в тяжкую годину его помощь, все понимали, что цена, которую потребовали от них за это, слишком велика. Присоединение Речи Посполитой к России означало бы конец и шляхетным вольностям, и сложившемуся на протяжении многих столетий правовому укладу, и европейскому образу жизни. Но как нарушить данное царю слово без ущерба для королевской и магнатской чести и без опасения вновь оказаться вовлеченными в войну?

Людвика Мария предложила удачный выход. В назначенный день католические священники потребовали от Алексея Михайловича соблюдения «древней королевской традиции» — перехода в католичество, отказываясь иначе короновать его. Царь подумал и, будучи убежденным православным, махнул на польскую корону рукой.

После этой блистательной дипломатической победы королева получила от своих подданных прозвище «хоругвь на ветру», в котором было больше восхищения ее умом и умение ориентировать в запутанных политических ситуациях, чем осуждения.

Находясь рядом со своей волевой женой, нерешительный Ян Казимир чувствовал себя более-менее уверенным на престоле. Он был благодарен ей за это и любил ее, восхищался ею все более и более до самой смерти королевы (она скончалась после долгой болезни в мае 1667 года).

После этого король сделал то, от чего его в свое время спасла силой своей воли Людвика Мария. Он отрекся от престола, решив тихо и скромно дожить годы, отпущенные ему Богом. Без прекрасной и верной супруги корона Яну Казимиру была не нужна.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

О «слуцком д'Артаньяне» и белой куропатке

Среди самых влиятельных магнатов Великого княжества Литовского, начиная с XV столетия, во всех хрониках упоминаются князья Слуцкие. Сначала этот титул носили представители династии «рыцарей Православия» Олельковичей. Но в самом начале XVII века этот род, прославивший себя на полях сражений и в делах духовного просвещения, угас. Последняя его представительница, княжна Софья Олелькович, канонизированная впоследствии русской православной церковью, вышла замуж за протестанта Януша Радзивилла[1] на условиях, что она будет владелицей Слуцка и защитницей прав его православных жителей до самой своей смерти, а затем князем Слуцким станет старший из ее сыновей от мужа, крещенный и воспитанный в материнской вере. Но судьба распорядилась иначе — Софья умерла во время первых родов, произведя на свет неживое дитя. Все имения Олельковичей перешли во владение тридцатидвухлетнего вдовца. Выполняя волю своей почившей супруги, Януш Радзивилл поклялся жителям Слуцка уважать их религиозные чувства и защищать город от католической экспансии. Но распоряжаться своей личной жизнью он никому не позволил и, несмотря на настойчивые просьбы подданных избрать вторую жену из числа православных, посватался к протестантке Элизабете Софии, принцессе из королевского рода Гогенцоллернов

Дочь курфюрста Бранденбургского Иоганна была одной из тех милых и добрых немецких принцесс, которые за свою воспитанность и покладистый характер всегда имели спрос как невесты у правителей и магнатов многих европейских держав. И хотя прижимистый курфюрст не дал за Элизабетой Софией практически никакого приданого (если не считать кое-каких изящных вещичек, предметов домашней и столовой утвари да гардероба невесты), Радзивилл был счастлив. Вторая супруга очень скоро родила ему трех дочерей и, наконец, сына-наследника, получившего редкое и красивое имя Богуслав. Об этом человеке, которого исследователи нашего времени не без оснований назвали «белорусским или слуцким д'Артаньяном», наш рассказ. Парадокс, но, став одной из самых ярких легенд Случчины, он был чрезвычайно далек от нужд и потребностей родного города, так как еще в раннем возрасте был увезен из Слуцка в Германию.

---

[1] Не путать с гетманом Янушем Радзивиллом, героем предыдущих рассказов, который приходился этому Янушу племянником.

Прожив семь лет в браке, принцесса Элизабета София овдовела. Ничто не привлекало ее на чужбине, поэтому она приняла решение выехать с детьми в Бранденбург, где спустя еще семь лет получила предложение руки и сердца от принца Юлиуша Генриха Саксен-Ладенбурга, на которое ответила согласием. Увы, вскоре она умерла при родах. Было ей в то время сорок лет.

Богуслава Радзивилла воспитали родственники матери. Образ жизни, к которому приучили Слуцкого князя сызмальства, настолько способствовал формированию его личности, что, вернувшись спустя годы на родину, он так и не смог в полной мере почувствовать себя литвином и вскоре вновь отправился за границу. В Слуцке и других имениях отца Богуслава видели нечасто, и вел он себя так, будто был здесь не хозяином, а гостем. Друзей в Речи Посполитой у него не было, он близко общался лишь с двоюродным братом Янушем, будущим гетманом великим литовским. На родине Богуслав долго оставался загадкой. Зато за границей о нем рано заговорили, считая личностью исключительной, интересной и сильной. И это действительно так. Богуслав был красив и статен. Одетый, как придворный щеголь, в тщательно завитом парике, напомаженный и надушенный, он производил впечатление человека изнеженного и капризного. Но те, кому доводилось воевать плечом к плечу с Богуславом Радзивиллом или наблюдать его во время очередной затеянной им дуэли, называли его «булатным кинжалом в бархатных ножнах».

Да, внешность Богуслава была обманчивой. Обладая недюжинной физической силой, Радзивилл был опытным фехтовальщиком, одинаково хорошо владел как правой, так и левой рукой, шпагой и саблей. В юности он прославился, воюя с испанцами на стороне Голландии и Франции. Лучшие представители западноевропейского дворянства считали за честь называться его друзьями. В него влюблялись самые титулованные красавицы: чешская королева Елизавета Стюарт, французская маркиза Шарлотта де ля Форс, кандидатуру которой предлагала сама Анна Австрийская, французская государыня. Негласный правитель Франции во времена регентства Анны Австрийской (Людовик XIV был несовершеннолетним), кардинал Мазарини решил предложить Радзивиллу поступить к нему на тайную службу. Лучшим способом для этого было добиться вначале признательности Богуслава. Кардинал подгадал момент, когда затеявший в Париже дуэль (конечно же, из-за женщины) Богуслав был схвачен гвардейцами и препровожден в Бастилию. Знаменитая тюрьма имела честь удерживать в своих стенах Радзивилла только сутки. По исте-

чении этого времени его высокопреосвященство вызволил Богуслава из заточения и велел привезти его к себе для приватной беседы.

Увы, надежды Мазарини не оправдались. Радзивилл, отделавшись словами признательности и комплиментами, ушел от серьезного разговора, сославшись на то, что подобные решения нуждаются в предварительном обдумывании. Когда кардинал решил предоставить недавнему узнику такую возможность, Богуслав быстро исчез из поля зрения Мазарини, послав ему на прощание письмо, где в очень вежливой и изысканной форме отказывался от «почетной должности шпиона».

Богуслав превыше всего ценил свободу выбора и привык выбирать себе союзников и противников, повинуясь исключительно влечению сердца. в этом были и сила его, и слабость, потому что, как и д'Артаньян, Радзивилл, принимая решения, не всегда прислушивался к голосу разума.

Так случилось и в 1655 году, когда, поддержав своих двоюродных братьев — гетмана Януша и Курфюрста Бранденбургского Фридриха Вильгельма, Богуслав выступил в качестве союзника шведского короля Карла X Густава, объявившего войну королю Речи Посполитой. Это обстоятельство поставило Радзивилла в странное положение. Ведь оба его кузена сделали свой выбор, преследуя определенные политические цели, а сам Богуслав, как истинный герой плаща и шпаги, примкнул к лагерю врагов Речи Посполитой лишь потому, что там оказались его друзья.

Впрочем, двоюродные братья приложили все усилия к тому, чтобы их родственник был вознагражден шведским королем по заслугам. Януш попросил для Богуслава Новогрудское, Минское и Подляшское воеводства, а Фридрих Вильгельм взялся убедить Карла X Густава в том, что это совсем не большая цена за преданность и дружбу такого человека, как слуцкий князь.

«Слуцкий д'Артаньян» отдался авантюре со всей страстью искателя приключений. Он не замечал, что шведы ведут себя не только непорядочно, но и преступно по отношению к народу, к которому причислял себя отец Богуслава. Заняв западную часть территории Великого княжества Литовского, они нарушали договор с Янушем и избегали вступать в бой с московским войском. С мирным населением шведы поступали весьма жестоко и вели себя как полноправные хозяева по отношению к презренным рабам.

Все это способствовало тому, что вера магнатов и шляхты княжества в «освободительную миссию» Карла X Густава пошатнулась. В войсках, до этого безоговорочно повиновавшихся Янушу Радзивиллу,

вспыхнул бунт, и воины стали покидать своего гетмана. При нем осталась лишь тысяча иностранных наемников, с которыми он должен был в составе шведской армии покинуть пределы Великого княжества Литовского и идти в Пруссию. Януш ослушался приказа, занял замок Тикотин на Подляшье и приготовился держать оборону. В Тикотине, окруженном недавними своими подчиненными, которые избрали командиром Павла Сапегу, гетман Радзивилл умер при таинственных обстоятельствах. Говорили, что либо его отравили враги, которые сумели подкупить слуг, либо он сам в отчаянии принял яд. Дело в том, что после смерти на теле Януша Радзивилла проступили странные черные пятна.

Богуслав, спешивший со своим отрядом на помощь гетману, опоздал. Тогда «слуцкий д'Артаньян» присоединился к войску курфюрста Бранденбургского, в составе которого он и действовал до конца шведской войны, проявив необыкновенную отвагу в боях и показав себя неплохим стратегом и тактиком. Он даже несколько раз спас самого Карла X Густава. Король Речи Посполитой считал отчаянного героя одним из самых опасных своих врагов. Одно время за ним буквально охотились верные Яну Казимиру люди. А когда стараниями королевы Людвики Марии в Польше удалось организовать сопротивление шведам, казалось, во всем государстве не найдется человека, не желающего скорейшей гйбели изменнику.

Тем не менее один человек с тревогой и надеждой постоянно ожидал известий о Богуславе. Это была дочь почившего Януша Радзивилла юная Анна Мария. По предсмертной воле отца она была отдана под опеку слуцкого князя как ближайшего родственника.

Прорвавшись после смерти Януша в Тикотин, Богуслав нашел завещание покойного и тут же взялся исполнять возложенные на него кузеном обязанности по отношению к Анне Марии. Он нашел двоюродную племянницу в Биржах, где она жила в родовом замке своего отца, и увез ее в столицу Курляндии — Митаву. Там четырнадцатилетняя княжна была надежно защищена и от гнева врагов Януша, и от общения со своей мачехой, с которой отношения у нее не сложились. Решившись на второй брак после смерти своей жены Катажины Потоцкой, Януш избрал в супруги ее молдавскую кузину Марию Могилу, надеясь обрести в ее лице вторую мать для сиротки Аннуси. Вначале мачеха действительно окружила падчерицу заботой и вниманием. Но когда по воле злых людей погиб ее маленький сын и женщина поняла, что больше никогда не сможет стать матерью, она не захотела видеть Аннусю подле себя. Янушу ничего не оставалось как поселить в разных замках дочь и жену. Однако иногда им все же

приходилось встречаться, после чего отец замечал следы слез на лице Аннуси.

Богуслав показался гетману Радзивиллу единственным человеком, которому можно без опасения доверить будущее дочери. Предполагал ли он, через какие потрясения доведется пройти Аннусе и Богуславу в результате этого выбора? Фаталисты считают, что судьбы людские вершатся не на земле. Они сочиняются на небесах скучающими от безделья ангелами. Наверное, действительно это было предопределено свыше, чтобы Аннуся, совершив вместе с Богуславом путешествие в Митаву, вдруг почувствовала, что бесповоротно влюблена в этого обаятельного, обходительного, смелого, сильного, необыкновенно загадочного и притягательного мужчину.

Это открытие привело ее в ужас. По законам Божеским и человеческим любовь к дяде, пусть даже не родному, а двоюродному, считается греховным чувством. Браки между людьми, связанными такими близкими родственными узами, были невозможны. Кровосмесительные союзы вне брака подвергались всеобщему осуждению, иногда общественность требовала даже суда над представителями дворянства, опозорившими свое имя подобным образом.

Девушка твердо решила скрывать от всех свою любовь. У нее не было никаких оснований предполагать, что такой блестящий кавалер, как ее дядя, дуэлянт и волокита, за которым, как хвост за кометой, тянулся шлейф слухов и сплетен о многочисленных победах на амурном фронте, мог ответить взаимностью ей, угловатой, неоформившейся девочке, болезненно хрупкой и стеснительной.

Единственное, что позволила себе Аннуся, это писать из Митавы пространные письма своему «дорогому опекуну». На два или три нежных и трогательных Аннусиных послания обычно приходил один ответ от занятого делами ратными Богуслава. О чем же писал девушке тайный избранник ее сердца? Может быть, он описывал ей свои подвиги?

Весной 1656 года Богуслав привел подкрепление (600 пехотинцев) фельдмаршалу Виттенбергу, который был оставлен шведским королем в качестве коменданта в завоеванной Варшаве. 22 апреля к городу подошли первые литвинские отряды, и через несколько дней началась осада. Богуслав, понимая, что шведам не удастся долго удерживать польскую столицу, решился на отчаянно смелый шаг. Как-то ночью он с небольшим отрядом сделал вылазку и чуть не захватил в плен Павла Сапегу — предводителя войска Великого княжества Литовского. Тот, накануне приняв слишком много спиртного, безмятежно спал в своем шатре. Спасла легкомысленного

полководца случайность. Его ординарцу, тоже изрядно пьяному, вздумалось в этот момент выйти из палатки подышать свежим воздухом. Он заметил подозрительные тени и поднял крик.

Осада продолжалась месяц, потом к Варшаве подошел с основными силами Ян Казимир, скомандовал идти на штурм и вернул себе свою столицу. Богуслав был давно готов к такому повороту событий и потому избежал гибели и плена. Мало того, он предвидел, что Ян Казимир побоится предпринимать решительные действия, а предпочтет теперь укрепиться в Варшаве. Шляхта, собранная под знамена короля, остыв от кровавого угара битвы за столицу, начнет разъезжаться по домам.

Богуслав поделился своими соображениями со шведским королем и посоветовал ему не спешить отбирать у Яна Казимира Варшаву. Лучше дождаться, когда большая часть воинов Речи Посполитой покинет своего короля. Воспользовавшись советом мудрого союзника, Карл X Густав выбрал самый лучший момент для нового наступления. Но судьба чуть было не сыграла со шведским королем злую шутку. Во время решающей битвы к шведскому королю прорвался гусар Якуб Ковалевский и направил на него копье. К счастью, он промахнулся, и подоспевший Богуслав, единственный из свиты, не растерялся и выстрелил в гусара из пистолета. «Если бы я имел подобных хотя бы десять тысяч, то завоевал бы целый свет», — сказал восхищенный Карл X Густав. Он готов был даже породниться с человеком, спасшим ему жизнь, и предложил союзнику-литвину на выбор руку своей красавицы сестры, молодой вдовы Элеоноры, или племянницы своей супруги, пятнадцатилетней Анны Дороты Готторн-Хольстейн. Неожиданно для себя самого Богуслав отказался. В тот же день Варшава вновь стала шведской.

Как видим, Радзивиллу в то время было что поведать о себе и своих делах. Но вряд ли именно от него самого узнавала Аннуся о его «геройствах во славу шведского оружия». Письма опекуна к своей воспитаннице содержали нечто иное, то, что должно было оставаться тайной для всех, кроме них двоих, что-то слишком личное и сокровенное. Недаром курьеры, доставлявшие в Митаву его корреспонденцию, имели строжайший наказ слуцкого князя уничтожать его письма к племяннице сразу же после того, как они будут ею прочитаны. Значит ли это, что уже тогда Аннуся не была безразлична Богуславу? Наверное, да.

На беду или к счастью для четырнадцатилетней влюбленной девочки объект ее страсти готов был ответить ей взаимностью. Но роковых слов признания, судя по сохранившимся письмам Анны

Марии, пока никто из них не произнес. Видимо, каждый пытался держать в себе возникшие совсем недавно чувства, считая необходимым переболеть своей любовью в одиночку, чтобы спасти от пагубы другого.

Август 1656 года выдался особенно тяжелым для Богуслава и Аннуси. Слуцкий князь попал в плен, и, беспокоясь за его жизнь, племянница чуть не выдала своих чувств на потеху врагам Богуслава. Драматические события произошли под Просткеном, где сошлись в бою авангард армии Павла Сапеги и войска бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма. Богуслав с полком вновь находился возле своего немецкого кузена. Бранденбуржцы собирались переправиться по мосту через реку Пис, они шли на соединение со шведской армией у крепости Элк. Но заметив противника, Фридрих Вильгельм приказал вступить с ним в бой. После первой же стычки литвинские кавалеристы повернули назад, и рейтары Фридриха Вильгельма с гиканьем стали их преследовать. Богуслава насторожило происходящее, и он поспешил поделиться опасениями с кузеном. Отступление кавалерии Сапеги было очень похоже на обманный маневр. Слуцкий князь предположил, что их пытаются заманить в засаду. Но Фридрих Вильгельм не обратил внимания на предостережения. И только когда из засады по рейтарам неожиданно ударили литвины, уничтожив большую их часть и обратив оставшихся в живых в бегство, он понял, что произошло. Увидев бегущих рейтаров, воины Фридриха Вильгельма пришли в замешательство, в их рядах началась паника. Не слушая приказов своих командиров, они устремились к мосту, надеясь найти спасение на противоположном берегу реки. Но тут их встретили союзники литвинов — крымские татары. Они тайно переправились вброд и поджидали бранденбуржцев на том берегу.

Только воины Богуслава, подготовленные своим командиром к любым неожиданностям, оказали сопротивление татарам. Но и они полегли в этой короткой, но жестокой схватке. Богуслав был ранен в голову и в бессознательном состоянии попал к татарам в плен. Придя в себя, он попытался скрыть свое имя, но литвины его легко опознали. Изменник был бы расстрелян, если бы за него не вступился дальний родственник, Несвижский Радзивилл — Михал Казимир, сын Александра Людвика и Текли Волович. Не желая, чтобы представитель его рода, князь, в чьих жилах течет королевская кровь, закончил жизнь так позорно, он добился, чтобы пленника отдали ему на поруки. От имени Богуслава Михал Казимир обещал, что слуцкий князь больше никогда не вернется к шведам, и договорился с татарами о выкупе.

Кто-то из свидетелей этих событий поспешил сообщить обо всем Анне Марии. Девушка была в отчаянии и незамедлительно послала три письма людям, от которых, как ей казалось, зависела теперь судьба ее несчастного возлюбленного. Но король Ян Казимир послания не получил. Гонец, отправленный Аннусей к нему, пропал без вести. Два других, адресованных Павлу Сапеге и Михалу Казимиру, попали в одни руки. Несвижский Радзивилл убедил посланца Богуславовой воспитанницы вручить ему и то письмо, которое предназначалось главнокомандующему литвинской армией, обещая найти наиболее подходящий момент, чтобы передать его Сапеге.

Михал Казимир не сделал этого. Прочитав отчаянные сроки, написанные девушкой, которая ради спасения любимого готова была пойти на все, и поняв, чем это может грозить ей самой, когда всем станет известна ее греховная тайна, несвижский Радзивилл счел за лучшее уничтожить письмо Аннуси к Сапеге. Тем более что хлопотать о пленном уже было не нужно. Всего через четыре дня после битвы под Простконом Богуслав был отбит бранденбуржцами. А через месяц, в сентябре 1656 года, Фридрих Вильгельм подписал с Яном Казимиром соглашение о трехмесячном перемирии, во время которого надеялся детально обсудить с королем Речи Посполитой все нюансы своего выхода из войны.

Для Богуслава, который оставался пока под его защитой, война, кажется, закончилась. Но он вынужден был находиться в Бранденбурге, где его лечили лучшие врачи курфюрства и откуда он с неослабевающим интересом наблюдал за военными событиями.

В январе 1657 года шведский король, отыскав себе новых союзников — семиградского князя Дёрдя Ракочи и Зиновия Богдана Хмельницкого, который разочаровался к этому времени в царе Алексее Михайловиче (царь не разделял идеи Хмельницкого создать казацкое государство, лишь номинально подвластное России, на всей территории Киевской Руси), заключил с ними договор в городе Шамос-Уйвара. Союзники четко оговорили, на какие территории Речи Посполитой они претендуют в случае военной удачи. Несмотря на то что Богуслава на переговорах не было, Карл X Густав объявил во всеуслышание о том, чтобы на Новогрудское воеводство никто иной не претендовал, ибо Богуслав заслужил его своей преданностью. Но до раздела польских и литвинских земель дело не дошло. Шведский король явно проигрывал войну. Потерять свои родовые имения Богуслав как изменник мог вполне.

Уже в сентябре 1657 года на заседаниях войсковой комиссии магнаты Речи Посполитой всерьез рассматривали этот вопрос вместе

с вопросом об ийениях мятежного гетмана Януша Радзивилла. Павел Сапега домогался собственности Богуслава на правах победителя. Однако многие считали, что имения и все ценности слуцкого князя должны перейти во владения короля. Что касается наследства Януша, то права Аннуси яростно оспаривала чета Глебовичей — Ежи Кароль и его супруга Катажина, родная сестра Януша. Впрочем, официально имения Януша и Богуслава в конфискованных не числились, поэтому в тот раз комиссия к окончательному решению так и не пришла. Но это не значило, что гроза не разразится снова.

Богуслав не имел возможности вступиться за себя и свою воспитанницу. Но Анна Мария сама взялась за дело. Из всех, кого она знала, несвижский родственник, Михал Казимир показался ей наиболее влиятельным и честным. Она посылала ему письма, в которых просила заступиться за нее, чтобы «злые и недостойные люди» не отобрали у нее отцовское наследство, а также умоляла добиться от короля прощения для дяди Богуслава.

Уже прикоснувшись однажды совершенно неожиданно к роковой тайне сиротки Аннуси и искренне жалея «бедную девочку», Михал Казимир решил сделать все возможное, чтобы Богуслав вернулся на родину. Добиться этого было очень трудно, так как король и слышать не хотел о мятежном подданном.

В июле 1657 года в Белове Ян Казимир подписал с бранденбургским курфюрстом часть документов о заключении теперь уже не перемирия, а «вечного мира». Во время этих переговоров Фридрих Вильгельм просил амнистии для кузена Богуслава. Король Речи Посполитой в гневе отказался обсуждать этот вопрос. Слуцкий князь проживал на территории своего немецкого кузена и находился под его покровительством. Дальнейшее будущее Богуслава было весьма туманным.

Однажды он сумел на короткий срок вырваться в Митаву к своей воспитаннице, отругал за небрежное выполнение его указаний лиц, которым доверил присматривать за Аннусей, и оставил Курляндию в крайне взвинченном настроении. В отсутствие опекуна возле пятнадцатилетней Аннуси появились кавалеры, претенденты в женихи. Их предложения руки и сердца были с возмущением отклонены «слуцким дядюшкой» невесты.

Вернувшись в Бранденбург, Богуслав возобновил переписку с племянницей. И хотя по-прежнему в письмах его не было нежных слов, а тон их был весьма сдержанным, напряженное и ревнивое внимание к личной жизни опекаемой девушки выдавало теперь подлинные чувства Радзивилла. Однажды он узнал, что родная тетушка

«сиротки Аннуси» Катажина Глебович, та, которая совсем недавно предпринимала попытки отхватить себе от наследства девушки солидную часть, решила сама устроить судьбу его воспитанницы, подобрав ей подходящего мужа. Тут страсть Богуслава, перешедшая в ярость, вырвалась наружу. Он послал Анне Марии совершенно непривычное для нее письмо. В самых грубых выражениях, абсолютно ему несвойственных, Богуслав расписал, как он изувечит претендента, выбранного Глебовичами, если тот посмеет приблизиться к Митаве.

Свое послание опекун завершил так: «А ежели кто облапать посмеет, то таковому пану оторву все, что только можно оторвать!»

Удивительно, что после столь гневной тирады князь поставил совершенно нелепую, с точки зрения человека непосвященного, подпись «Твой Богусь». Но Аннуся должна была понять, что это и есть признание в любви, неожиданное, горькое. Он знает все о ее чувствах и любит ее. Он любит ее, ревнует и не отдаст никому, хотя сам и не может назвать своей...

Второй и окончательный тур переговоров Бранденбурга и Варшавы о «вечном мире» должен был состояться осенью. Курфюрст поклялся, что любой ценой добьется для Богуслава Радзивилла амнистии. Он был настроен очень решительно. Но вряд ли ему удалось бы задуманное, если бы, тщательно проанализировав ситуацию, в качестве защитника Богуслава не выступил наконец Михал Казимир Радзивилл. Выбранный королевой для дипломатических переговоров с Францией, откуда Людвика Мария намеревалась выписать принца, чтобы сделать его наследником престола, несвижский князь правильно рассчитал, что теперь ему легче всего будет просить о чем-либо своего государя. И когда курфюрст Бранденбургский, признавший Яна Казимира своим сюзереном, вновь поднял вопрос о Богуславе, Михал Казимир неожиданно поддержал его. В результате 6 ноября 1657 года король Ян Казимир подписал грамоту о прощении слуцкого князя. Богуславу были возвращены все его имения и переданы в управление как опекуну Анны Марии имения Януша Радзивилла. Кроме того, за ним было оставлено присвоенное курфюрстом право именоваться наместником прусским.

Однако полная амнистия еще не означала, что опалы для Богуслава уже не существует. Король не скрывал своего недоверия к нему, хотя Радзивилл откровенно сказал, что не считает себя большим изменником, чем другие магнаты Речи Посполитой. Пусть его величество вспомнит, был ли кто рядом с ним, когда ему пришлось спасаться от шведского нашествия в Силезию. Кто-то отсиживался дома, предпочитая, чтобы судьба державы решалась без него, а иные, так

же как и Богуслав, выбрали сторону шведов. Только Радзивилл, в отличие от них, остался честен перед теми, с кем воевал в одном лагере, и вышел из войны не раньше, чем бранденбуржцы подписали вечный мир с Речью Посполитой. А теперь он так же честно намерен служить королю Яну Казимиру.

Увы, открытость Богуслава воспринималась как какая-то хитрость. Слуцкий князь вновь покинул родину, сославшись на то, что его вынуждают к этому обязанности наместника прусского. Для принятия такого решения была еще одна причина. Из Митавы вернулась в Биржи Аннуся. Избежать встреч с нею он не мог, но боялся, что в ее присутствии выдаст свои чувства.

Весной 1660 года Анна Мария получила из Франкфурта официальное сообщение о том, что Богуслав сделал предложение Марии, дочери герцога Оранского Фридриха Генриха и день свадьбы уже назначен. Бедная Аннуся пришла в такое отчаяние, что случайно увидевший ее в это время Михал Казимир Радзивилл счет необходимым попросить саму королеву вмешаться и подыскать ей достойного жениха, пока она совсем не иссохла от печали и одиночества.

Людвика Мария приняла близко к сердцу судьбу девушки и стала искать возможность изменить ее жизнь в лучіхіую сторону. Очень скоро Богуслав получил от королевы письмо, в котором она просила официального разрешения опекуна на брак Анны Марии Радзивилл со старшим сыном Павла Сапеги. Богуслав тут же перенес день своего венчания с Марией Оранской и спешно выехал на родину. Брак Аннуси был расстроен. После этого королева дважды находила для дочери Януша Радзивилла подходящие, по ее мнению, партии, и оба раза Богуслав в отчаянии покидал свою невесту перед самым венчанием и мчался к Аннусе, чтобы расстроить ее свадьбу. Наконец Марии Оранской это надоело, и она решительно отказалась связывать свою судьбу с таким странным человеком.

Богуслав вернулся домой. Теперь он пытался уйти от мучивших его проблем, с головой окунувшись в дела политики. Его голос зазвучал на сеймиках и сеймах. Интересно, что он так и не примкнул ни к одной политической группировке, выступал всегда со своим особым мнением по любому обсуждаемому вопросу. Конечно, это мало кому нравилось, поэтому в залах заседаний, где появлялся «слуцкий д'Артаньян», редко обходилось без скандалов. Иногда речи Богуслава провоцировали возникновение настоящих драк.

Королевскую чету и их приверженцев особенно раздражали выпады Богуслава против плана объявления французского принца наследником престола Речи Посполитой. Людвика Мария предлагала

кандидатуру жениха своей племянницы Анны Генриэтты Юлии Баварской принца Анри Жюльена Бурбона. Богуслав в пику ей или по истинному убеждению утверждал, что гораздо лучше для державы будет, если престол после Яна Казимира займет представитель бранденбургской династии, например Карл, старший сын Фридриха Вильгельма! Его можно будет женить на другой племяннице Людвики Марии — принцессе Бенедикте, и он будет состоять в таком же близком родстве с королевой, как и Бурбон.

Теряясь в догадках, зачем Богуславу понадобилось вносить смуту в нестройные ряды делегатов предъэлекционных заседаний, королева наконец решилась на доверительный разговор со слуцким Радзивиллом. Как она узнала, именно в это время он делал все возможное, чтобы добиться должности гетмана польного, которая освободилась после гибели последнего ее владельца Винцента Госиевского.

Людвика Мария предложила свое содействие в достижении этой цели. Но взамен она поставила неожиданное и странное условие. Богуслав должен жениться на ее племяннице Бенедикте, той самой, которую он прочил в невесты Карлу Бранденбургскому. Этот брак не может унизить Радзивилла. Наоборот, это только возвысит его. Ведь после того как сестра Бенедикты Анна Генриэтта Юлия выйдет за Бурбона и они воссядут на престол Речи Посполитой, Богуслав станет второй по значимости фигурой в государстве. Пускай слуцкий князь получит польную булаву вместе с рукой принцессы Бенедикты и перестанет раз и навсегда «вставлять палки в колеса» королю и королеве.

Любому другому магнату предлагаемая сделка показалась бы как нельзя более выгодной. Но Богуслав с негодованием отверг предложение хитроумной Людвики Марии, отказавшись таким образом и от столь желанного гетманства, и от возможности превратить королевскую немилость в доверие.

Единственной причиной его отказа была Анна Мария. Тайная любовь к ней превратилась в болезнь, грозила стать трагедией всей его жизни. Богуслав понимал, что ему нужно наконец на что-то решаться. Аннусе исполнился двадцать один год. По законам Великого княжества Литовского она могла теперь самостоятельно решать свою судьбу. Кстати, появился и очередной жених — Михал Пац. Именно ему досталась в конец концов булава. Людвика Мария настаивала, чтобы Аннуся ответила новоиспеченному гетману согласием. Радзивилл боялся, что девушка не выдержит такого нажима. Понимая, что у него нет больше сил бороться со своей страстью, Богуслав решил во что бы то ни стало найти способ назвать Аннусю женой перед Богом и людьми.

Давать клятвы и обеты, несомненно, легче, чем их исполнять. Обсуждать вопрос женитьбы с кальвинистскими пастырями не имело смысла. Радзивилл знал, насколько ревностны в осуждении греховности людей священники конфессии, к которой он себя причислял. Но Аннуся родилась и била воспитана в вере католической. И это давало возможность слуцкому князю взывать о милости к иерархам католической церкви. Богуславу было известно, что, несмотря на внешнюю суровость и неподкупность, ксендзы, епископы, кардиналы и даже сам папа римский любят звон монет. Многим в те времена удавалось получить престижную светскую должность или священнический сан, добиться духовной поддержки и вполне конкретного заступничества костела путем подкупа. Король Сигизмунд III Ваза с помощью золота купил у папы римского разрешение на брак с сестрой своей первой супруги, а король Ян Казимир — на брак с вдовой старшего брата. Однако в обоих случаях речь шла о близком, а не о кровном родстве.

Радзивилл самоуверенно решил за деньги получить право повести к алтарю кровную[2] родственницу. В средствах слуцкий князь стеснен не был. Он владел состоянием не меньшим, чем какой-нибудь немецкий курфюрст, французский принц или английский герцог. Богуслав готов был, если потребуется, лишиться всего, что имел, ради Аннуси.

Переговоры с папой римским начались очень бурно. Полагая, что князь-протестант имеет тайное намерение опорочить любым способом главу католической церкви, тот в ответ ,на униженные просьбы Богуслава метал громы и молнии на голову грешника. Но очень скоро папа римский понял, что у его просителя нет никакой иной цели, кроме женитьбы на своей избраннице. Он решил прислушаться к речам слуцкого князя. В результате за увесистый сундучок золота Богуслав получил из Рима то, чего так страстно добивался, — благословение папы на брак. В тот день он послал Аннусе в Биржи подарок — обручальное колечко в бархатной шкатулке без сопроводительного письма, цветистых фраз и ненужных комплиментов. Девушка должна была понять все и так. Она поняла, и сердце ее «чуть не разорвалось от счастья». Богуслав и Аннуся стали мужем и женой в ноябре 1665 года, поразив современников и потомков силой и безрассудством своей любви.

---

[2] Удивительно, что браки между двоюродными братьями и сестрами кровосмесительными не считались и были в описываемые нами времена очень распространены как среди знати, так и среди простолюдинов.

Беллетрист-романтик, наверное, поставил бы на этом точку. Но мы обязаны досказать эту историю до самого конца, возможно, очень расстроив доброго и сострадательного читателя.

Счастье Аннуси и Богуслава было недолгим. Увы, возлюбленная «слуцкого дАртаньяна», так же как и ее мать Катажина Потоцкая, принадлежала к числу женщин, для которых роды были испытанием, равносильным смерти. Но она не знала об этом, да и не хотела знать. Аннуся любила Богуслава и мечтала подарить ему ребенка. В феврале 1667 года она разрешилась от бремени дочерью Людвикой Каролиной и слегла в послеродовой горячке. Целый месяц лучшие врачи княжества боролись за ее жизнь, но все оказалось напрасно...

«У меня постоянно болит сердце, слабость во всем теле, частые головокружения», — написал в Несвиж Михалу Казимиру Радзивиллу овдовевший Богуслав через несколько недель после похорон Аннуси.

Кто бы мог подумать, что этот крепкий, никогда ни на что не жаловавшийся человек вдруг так сильно и быстро сдаст. Близким казалось, что Анна Мария унесла с собой в могилу по крайней мере половину жизненных сил Богуслава. Но истина была еще более страшной — с уходом Аннуси слуцкий князь полностью утратил волю к жизни. Еще два года боролся он с собой, пытался смириться с неизбежным ради маленькой дочери. Но сердце его не могло и не хотело принимать никаких доводов и убеждений. Оно разорвалось от горя в последний день 1669 года.

Возвращаясь из Поморья, куда Радзивилл ездил по делам службы, он принял приглашение приятелей поохотиться на куропаток, надеясь хоть на время отвлечь себя от черных мыслей. Но когда после первых выстрелов на снег у его ног упала и забилась в агонии белоснежная птица, перед его глазами вновь ярко и неотвратимо предстала картина смерти его нежной, светлой и чистой Аннуси. Богуслав прошептал ее имя, схватился рукой за грудь и рухнул на землю бездыханный.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

О том, как князь Вишневецкий влюбился в женщину, которую ему было запрещено любить, и повел к венцу ту, на ком ему нельзя было жениться

Наверное, это было самое короткое письмо из всех, которые когда-либо мужчины посылали женщинам с поля брани. «Я совершил это. Прощайте навеки». Всего два предложения без подписи и даты. Две фразы, смысл которых был абсолютно непонятен любому, кому случайно попало бы в руки письмо. Но девятнадцатилетняя супруга князя Заславского-Острожского Катажина, которой тайно было доставлено это необычное послание, отлично знала, что хотел сказать его автор и по какой причине он не поставил своей подписи. Каштелян краковский Дмитрий Вишневецкий сообщал, что он отомстил за гибель брата Катажины и теперь женится. Молодая женщина уткнулась лицом в лист бумаги и зарыдала.

Князю Дмитрию Вишневецкому было всего семнадцать лет, когда во Львове он случайно познакомился с четырнадцатилетней Катажиной Собесской. Представительница одной из самых уважаемых шляхетских фамилий Польши, девушка жила здесь вместе со своей матерью. Обе они бежали во Львов, спасаясь от казацкой войны, которая бушевала в тех местах, где находились их имения.

Катажину нельзя было назвать красавицей из-за грубоватых и неправильных черт лица. Однако у нее была прекрасная фигура, она отличалась завидным ростом и горделивой осанкой. Юная Собесская могла понравиться, и она действительно понравилась князю Дмитрию настолько, что уже через две недели знакомства он признался ей в любви. Катажина ответила взаимностью, но у нее были веские причины для того, чтобы удержать молодого человека от серьезного разговора со своей матерью. С огорчением узнал молодой Вишневецкий, что его избранница уже просватана.

Когда-то суровая родительница Катажины мечтала о том, что ее дочь станет монахиней. Девочку и воспитывали как будущую невесту Христову. При монастыре она проводила гораздо больше времени, чем в отчем доме. Но неожиданно отец Катажины, дерзнувший резко высказаться против короля, попал в опалу. Он так и умер, не сумев найти возможности примириться со своим монархом. И это обстоятельство могло серьезно повлиять на карьеру двух старших братьев Катажины — Марека и Яна. Единственный выход из ситуации обеспокоенная мать увидела в том, чтобы выдать Катажину за какого-

нибудь влиятельного магната, который смог бы добиться для братьев Собесских королевской милости. Таким магнатом вдова опального вассала посчитала князя Владислава Доминика Заславского-Острожского. Катажина была обручена с ним, а свадьба отложена до ее шестнадцатилетия.

Не теряя надежд,ы придумать способ расторгнуть обручение полюбившейся ему девушки, Дмитрий Вишневецкий продолжал встречаться с ней тайно. Но очень скоро из-за своей неопытности и неосторожности молодые люди столкнулись с серьезной проблемой. Катажина почувствовала, что должна стать матерью. Откладывать объяснение с вдовой Собесской было невозможно. Как и надлежит порядочному человеку, князь Дмитрий попросил руки Катажины, однако получил решительный отказ. Ни заступничество братьев Катажины, которым Вишневецкий очень понравился, ни слезы девушки не помогли. Влюбленных разлучили. Катажина превратилась в настоящую пленницу, которой запрещали выходить из дома. Мать решила скрывать ее от всех, чтобы князю Заславскому-Острожскому до свадьбы, не дай Бог, не стало известно о положении невесты.

В конце 1649 года Катажина родила крепкого, здорового младенца. Мальчика тут же отняли у нее и, невзирая на стоны и мольбы, куда-то увезли.

Близилось время свадьбы. В январе 1650 года Катажина стала совершеннолетней, а через два месяца ее насильно повели к алтарю. Когда ксендз начал обряд венчания, на площади перед костелом поднялся шум. Дмитрий Вишневецкий привел вооруженный отряд, чтобы отбить невесту. Он ворвался в храм, но было уже Поздно — священник успел соединить руки плачущей Катажины и Заславского-Острожского...

Муж, медлительный, толстый, ленивый, был противен Катажине. К тому же, узнав историю ее любви к Вишневецкому, он постоянно изводил жену обидными замечаниями по поводу ее женской чести. Заславский-Острожский всюду подчеркивал свое крайнее неуважение к Катажине и ее семье, называя Собесских обманщиками. Он не стал помогать братьям жены, и Марек с Яном вынуждены были добывать положение в обществе на поле брани. Одно было хорошо: Заславский-Острожский возмутился поведением тещи, отдавшей ребенка Катажины в приют. Он потребовал вернуть мальчика и усыновил его, дав имя Александр. Но за это взял с жены клятву, что она не будет искать встреч с Вишневецким. Лишь издали бедная женщина могла теперь наблюдать за своим возлюбленным. Но очень ско-

ро череда несчастий, которые посыпались на ее семью, отвлекли Катажину от этого.

В июне 1651 года в сражении с казаками и примкнувшими к ним татарами у Берестечка был тяжело ранен Ян Собесский. В мае 1652 года погиб брат Катажины Марек. Вместе с гетманом великим коронным Калиновским его послал король на помощь молдавскому господарю Лупулу, к границам которого приближался со своими казаками Тимофей Хмельницкий, чтобы требовать руки Лупуловой дочери Розанды. Десятитысячный польский отряд остановился у местечка Батог, поджидая тут пятитысячное (как донесли разведчики) войско Тимофея Хмельницкого.

Совершенно неожиданным для Калиновского оказалось нападение огромного казачьего войска численностью около ста тысяч. Поляки стали спасаться бегством. Калиновский и не потерявший самообладания Собесский попытались как-то организовать воинов, но те отказывались подчиняться. Солдаты кляли на чем свет стоит гетмана великого коронного и даже предлагали немедленно сдаться и выдать Калиновского Хмельницкому. Только в небольшом отряде Марека сохранялось подобие дисциплины. По приказу своего молодого командира солдаты окружили Калиновского, отражая нападение предателей, которые намеревались схватить гетмана. Отряд немецких наемников, вмешавшись в стычку, вынудил взбунтовавшихся отступить.

Заставить поляков подчиняться своему предводителю и попытаться оказать хотя бы какое-то сопротивление, никто уже не мог. Казаки без труда расправлялись с бегущими в панике поляками. Увидев это, Калиновский с обнаженной саблей бросился навстречу врагам. Лавина наступающих смела с пути Собесского и немногих, кто не побежал, а решил принять бой. После битвы тяжело раненного Марека обнаружил Тимофей Хмельницкий. Он узнал человека, с которым неоднократно доводилось встречаться ему самому и его отцу на поле боя и за столом переговоров. Однако чувство уважения к сильному и благородному противнику Тимофею было неведомо. Он хладнокровно добил Марека Собесского. Затем казаки отсекли мертвецу голову и, насадив ее на пику, вместе с головой Калиновского, глумясь, возили за собой.

Когда весть о гибели Марека дошла до Собесских, они были потрясены до глубины души. Ян, недавно вставший с постели после ранения, взывал к польской шляхте, требуя отмщения, так как сам он еще не мог держать оружие в руках. Он поклялся, что человек, который сумеет отплатить сполна за муки и смерть Марека, будет ему как родной брат. И вот среди всеобщего молчания прозвучал лишь

один голос — голос Дмитрия Вишневецкого. Не забыв о том, что Марек и Ян защищали его любовь, он сейчас не видел для себя иного способа отблагодарить их, кроме мести подлому убийце.

Случай сдержать обещание представился князю Дмитрию только через год, и он не упустил его. Король послал Вишневецкого во главе польской армии на осаду крепости Сучава, где засел со своими казаками Тимофей Хмельницкий, год назад ставший зятем Лупула. Теперь он защищал интересы тестя, отбиваясь от войск Стефана Бурдуца, нового претендента на молдавский престол. Стефана поддерживали господарь Валахии Радул и князь семиградский Ракоци. В силу политической необходимости король Речи Посполитой вынужден был помогать им, а не Лупулу.

Внимательно осмотрев крепость, Вишневецкий понял, что приступом ему вряд ли удастся без больших потерь захватить ее. И он решил взять противника измором. Расчет был верным, так как продовольствие в Сучаве у осажденных заканчивалось. Среди казаков Тимофея Хмельницкого начался голод. Но упорство и стойкость атамана удерживали их от того, чтобы нача ть переговоры о сдаче крепости. Тогда Вишневецкий отправил в стан осажденных двух надежных людей, которые, выдав себя за перебежчиков, хорошо рассмотрели, что и где расположено в крепости. В назначенный час князь Дмитрий скомандовал штурм, и, воспользовавшись тем, что казаки отражали нападение, лазутчики выбрались из крепости. Самым ценным сведением, которое они принесли Вишневецкому, было точное местонахождение походной палатки Хмельницкого (по казачьей привычке он разбил ее во дворе замка). Князь Дмитрий велел артиллеристам бить точно по этой цели. Но в тот момент, когда пушечное ядро снесло палатку, Хмельницкого в ней не было, он находился во дворе. Однако взрывная волна настигла его и бросила на землю. Второе ядро пролетело у него над головой, угодив в гущу спешивших на помощь атаману казаков. Роковым для Тимофея Хмельницкого было третье ядро, которое вдребезги разнесло телегу, стоявшую неподалеку. Ее осколки глубоко врезались в ноги атамана. Врач, оказавшийся в крепости, пытался помочь раненому, но его старания ни к чему не привели. Началась гангрена, и, промучившись четыре дня, Хмельницкий умер.

Это решило исход противостояния. Крепость капитулировала. Правда, князь Дмитрий, который намеревался вначале привезти Яну Собесскому голову Хмельницкого, отказался от этого. И даже не потому, что казаки выдвинули в качестве одного из условий сдачи Сучавы беспрепятственный вывоз из крепости тела своего атамана.

Просто Вишневецкий не смог найти в своем сердце столько злобы и ненависти, чтобы совершить подобное надругательство над телом христианина. Пусть даже этот христианин был «из числа самых заблудших овец Господних». Князь Дмитрий взял лишь саблю своего врага. Ее он бросил к ногам Собесского. Но еще раньше, чем был произведен этот символический акт, Вишневецкий стал участником другого ритуала, тайного. Он послал письмо своей возлюбленной, в котором в стиле древних римлян сообщил ей о том, что отстоял честь ее фамилии, несмотря на то что его самого признали недостойным породниться с Собесскими, и простился с нею.

Уже давно слышала Катажина о том, ч то у князя Дмитрия появилась невеста, девушка из рода Замойских. Свадьбу он отложил, когда узнал о гибели Марека. Одно время казалось, что свадьба вообще расстроится, потому что Замойские, которым было известно о скандальном сватовстве Вишневецкого, стали упрекать его в том, что, дескать, тот ищет возможности встречаться с Катажиной, несмотря на то что теперь она чужая жена. Князь Дмитрий не спешил оправдываться, но Катажина чувствовала, что возлюбленный больше не вернется к ней. Клятва у алтаря, силой вырванная у нее, сделала ее для Дмитрия недоступной. Больше всего молодая женщина страдала от того, что не имеет возможности сообщить Вишневецкому о судьбе их ребенка. Князь Дмитрий полагал, что дитя родилось неживым.

Письмо-прощание отняло у Катажины последнюю надежду. Князь Дмитрий скоро женится, и незачем знать ему о том, что сын их жив, здоров и так красив, как только могут быть красивы дети, рожденные от любимых. И вправду, разве изменилось бы что-нибудь в их судьбе, узнай Вишневецкий о ребенке? Лишние страдания, лишние слова, лишние слезы... Катажина решила не тревожить возлюбленного и дать ему возможность обрести счастье со своей невестой Замойской.

Время для несчастной Катажины как будто остановилось, она перестала воспринимать действительность. На землях Речи Посполитой бушевали войны с казаками, московитами, со шведами. При дворе короля Яна Казимира плелись интриги. Но Катажина жила так, как будто кроме нее и ее несчастья ничего на земле не существует. Словно во сне, она двигалась, разговаривала, рожала дочерей — Теофилю, Людвику, Эфрозину.

В апреле 1656 года Катажина овдовела. Ян Собесский взял ее под свою опеку и братской любовью и лаской помог из сломленной несчастьями молодой женщины всего за два года превратиться в горделивую, целеустремленную, знающую себе цену даму. Ян

понимал, что его сестре необходимо обрести в жизни надежную опору, и стал искать для нее достойного мужа.

Однажды он приехал в дом Катажины со своим боевым товарищем Михалом Казимиром Радзивиллом, хозяином Несвижа, о котором все говорили как о добром и очень порядочном человеке. И ровно через четыре месяца после этой встречи Михал Казимир повел к венцу вдову Заславского-Острожского.

Это был союз, основанный на уважении и взаимопонимании. Герой, прославивший себя в битвах с многочисленными врагами, Михал Казимир обрел в своей супруге верную подругу и советчицу. Заметив ее трезвый ум и необыкновенную проницательность, а также интерес к политике, Радзивилл стал брать Катажину с собой на сеймы, сеймики и трибуналы, в которых по служебным обязанностям должен был принимать участие.

В июне 1659 года жена родила Михалу Казимиру сына — Миколая Франтишка. Вопреки ожиданиям супруга Катажина не переключила свое внимание на малютку. Рождение детей для Собесской, побывавшей уже замужем, не было событием. Младенца скоро отдали под присмотр кормилиц и нянек, и Катажина по-прежнему могла сопровождать мужа в его поездках. И только тогда, когда рыцарский долг призывал князя принять участие в очередном военном походе, он расставался с женой. Но и в это время Катажина незримо была рядом с ним. В своих письмах к мужу она рассказывала о событиях, свидетельницей которых была, держала его в курсе всех дворцовых новостей, интересовалась его здоровьем, настроением, тем, что происходило на театре военных действий.

16 января 1662 года Катажина вновь стала матерью. Но этот ребенок, Богуслав Криштоф, оказался неполноценным. Родившиеся вслед за ним трое младенцев, хилые и слабые, вскоре умерли. Череда новых несчастий не сломила женщину, но, производя на свет больное и нежизнеспособное потомство, Катажина теперь стеснялась в присутствии мужа выказывать нежные чувства к детям от первого брака, и тем более к своему первенцу Александру. Желая сохранить расположение Михала Казимира, она все больше внимания уделяла его делам. И человек, занимавший в то время такие важные государственные должности, как гетман польный литовский и воевода виленский, не стыдился посвящать в них свою разумную супругу. Вскоре ей довелось по просьбе Михала Казимира даже выступить в роли дипломата.

После отречения от престола короля Яна Казимира магнаты Речи Посполитой вопреки стараниям низложившего себя монарха избрали его преемником не французского принца, а Михала Корибута

Вишневецкого, молодого родственника Дмитрия Вишневецкого. Пылкий Ян Собесский сразу же оказался в оппозиции к новому королю, так как не считал этого неопытного и ничем себя не прославившего человека достойным быть государем великой державы.

За Собесским, который кровью, пролитой на полях сражений, заслужил должность гетмана великого коронного, могли пойти против короля многие из числа шляхты, уважавшей его мнение. В стране, раздираемой внутренними противоречиями и постоянно находившейся перед опасностью новых войн с соседями, это ни к чему хорошему привести не могло. Необходимо было любой ценой примирить Яна с королем. Узнав, что на молодого короля наибольшее влияние оказывает его мать, княгиня Гризельда, Катажина сошлась с нею. И вместе две умные женщины смогли уговорить заупрямившихся мужчин подать друг другу руки. На радостях Катажина и Михал Казимир пригласили короля и его мать стать крестными своего сына, который родился в 1669 году в Кракове. Вишневецкие дали мальчику имя Кароль Станислав. А чтобы король окончательно забыл о проступках брата, Катажина предложила Вишневецким породниться. У нее уже подросла дочь от первого брака Теофиля, которую можно было выдать за кого-нибудь из родственников короля.

Михалу Корибуту понравилась эта идея, и вскоре он назвал Катажине имя того, кто по его решению должен был повести к венцу Теофилю. По иронии судьбы этим человеком оказался совсем недавно овдовевший Дмитрий Вишневецкий, первая и единственная любовь Катажины. Маловероятно, что король мог не знать о чувс твах молодого князя Дмитрия к юной Катажине Собесской. Не вознаградить ли своим решением хотел он двух былых возлюбленных? Трудно сказать. Скорее то, что приказано было им совершить, больше походило на какое-то наказание. Сестра Яна Собесского, наверное, могла быть наказана Михалом Корибутом и за вину своего брата, и за то, как нагло и самоуверенно навязывалась ему в родственники. Но при чем здесь князь Дмитрий? Сложно судить людей, живших так давно, по их поступкам.

Как бы там ни было, но судьбе вновь было угодно свести вместе Дмитрия и Катажину. Они обязаны были пожертвовать памятью о прошлом ради блага своей державы.

Дмитрию это было сделать легче. Ведя к алтарю дочь Катажины, он позволил себе увлечься ее внешним сходством с матерью и в лице юной Теофили будто вновь обрел утерянную возлюбленную, о которой не переставал печалиться.

Другое дело Катажина. Ей пришлось сделать нелегкий выбор. Нужно было бы открыть Вишневецким тайну происхождения брата Теофили Александра. Ведь ни по людским, ни по Божьим законам князь Дмитрий не должен был стать мужем девушки, чей брат приходился ему сыном. Но своим признанием она обрекла бы несчастного Александра на жизнь, полную насмешек и позора. К тому же он лишился бы богатого наследства Заславского-Острожского, которое перешло к нему, так как своих сыновей у покойного князя не было. Материнские чувства возобладали, и Катажина решила молчать и далее.

В мае 1671 года Вишневецкий повел под венец юную Теофилю. Но драма должна была разразиться. И это произошло всего через несколько месяцев после венчания. Князь Дмитрий узнал о том, кем приходится ему Александр, и пришел в ужас. Открывшаяся правда поставила под сомнение законность его брака. Сам себе он представлялся ужасным грешником, кровосмесителем наподобие Нерона или Александра Борджа.

Пребывая в замешательстве, не зная, что предпринять и как избыть последствия жестокого обмана, Вишневецкий вместе с мужем Катажины Михалом Казимиром, тоже ничего ранее не знавшим и теперь разделявшим его негодование, просто ушел из семьи.

В декабре 1672 года их видели в Люблине у некоей панны Конкордии, женщины, имевшей плохую репутацию. Они пьянствовали там и буйствовали. Сердце Катажины разрывалось от горя, но она старалась не дать отчаянию овладеть собой и прилагала все силы, чтобы уберечь свою дочь от горькой правды. Теофиля была так юна, так невинна, так влюблена в своего мужа. Не зная ничего, она искренне недоумевала, почему Дмитрий предпочитает проводить время где-то на стороне.

Впрочем, недостойные похождения мужчин очень скоро закончились. Михал Казимир неожиданно получил из дома сообщение о смерти сына Богуслава Криштофа, а потом пришла весть о смерти первенца, тринадцатилетнего Миколая Франтишка, всеобщего любимца, на которого родители возлагали большие надежды. И князь Радзивилл поспешил к опечаленной супруге, чтобы больше никогда и ни в чем не упрекать ее.

Серьезно поразмыслив о произошедшем, вернулся домой и Дмитрий Вишневецкий. Он узнал, что Теофиля ждет ребенка, и посчитал, что будет недостойно мужчины оставить ее в таком положении, каким бы предосудительным ни казался их брак.

Семейная тайна получила огласку лишь тогда, когда никого из главных действующих лиц этой истории уже не было в живых.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

О самом несчастном из королей и самой счастливой из королев

С давних пор законами Речи Посполитой за каждым шляхтичем вне зависимости от древности и богатства его рода было закреплено право быть избранным в короли. Но еще ни разу не случалось так, чтобы государем становился человек, не связанный самым близким родством с королевской династией. Сначала престол занимали Ягеллоны. После смерти бездетного Сигизмунда II Августа он достался семиградскому князю Стефану Баторию, который вступил в родство с Ягеллонами, женившись на сестре почившего монарха Анне. Шведский королевич Сигизмунд Ваза стал королем благодаря тому, что мать его Катажина доводилась сестрой Анне Ягеллонке и Сигизмунду II Августу. Он передал престол сыну Владиславу. От Владислава корону наследовал его младший брат Ян Казимир.

После того как бездетный Ян Казимир отрекся от престола, казалось, выбор нового государя произойдет уже согласно установившимся традициям и на престол воссядет один из многочисленных родственников монарха. Выбор был достаточно широким. Королем мог стать младший брат Яна Казимира Карл или муж недавно умершей его сестры Анны Филипп Вильгельм Нейбургский. Сам Яп Казимир ратовал за французского принца Анри Жюльена Бурбона, который собирался жениться на племяннице королевы Людвики Марии Анне Генриетте Юлии Баварской. Кто-то вспомнил о предложении Богуслава Радзивилла выдать Бенедикту Баварскую, сестру Анны Генриетты Юлии, за Карла Бранденбургского и короновать их. Канцлер великий литовский Михал Казимир Пац заявил, что не видит лучшего претендента на престол, чем Карл Лотарингский, лишенный французским королем Людовиком XIV своего герцогства. Этот молодой герцог уже несколько лет был обручен с дочерью императора Фердинанда III Элеонорой, которая также приходилась Людвике Марии племянницей и была кузиной баварских сестер.

Но шляхта Речи Посполитой решила наконец проверить, действуют ли в их державе законы, и отдала свои голоса за того, про которого можно было бы сказать: «Он один из нас».

Королем был избран двадцативосьмилетний князь Михал Корибут Вишневецкий. Он был знатен и богат. Вишневецкие вели свою родословную от великого Гедимина. Отец Михала Корибута Иеремия был самым крупным землевладельцем на Украине и вел себя так, будто он по крайней мере наместник короля в этом крае. Кроме того,

новый король был молод и неопытен, и магнаты полагали, что таким государем будет легко управлять, обманывая, услаждая его лестью, а если придется, то и путая низложением.

К счастью для Михала Корибута у него была мудрая мать. Предвидя сложности, которые могут возникнуть у ее сына из-за того, что он не имеет родства с былыми королями, Гризельда Вишневецкая сразу после коронации стала настаивать на том, чтобы Михал Корибут женился на какой-нибудь родственнице Яна Казимира и Людвики Марии.

Но оказалось, что все они либо замужем, либо уже просватаны. Оставалось одно — попытаться добиться разрыва одной из невест с ее женихом. Король Вишневецкий попросил показать ему портреты всех трех племянниц Людвики Марии. Ему понравилась Элеонора. В ноябре 1669 года Михал Корибут просил согласия сената на брак с этой девушкой и получил его.

Но дело нельзя было считать решенным, пока было неизвестно мнение по этому поводу ближайших родственников принцессы. Императорский престол после смерти отца Элеоноры занимал ее брат Леопольд I. Именно к нему и отправил своих послов Михал Корибут.

Леопольду I предстояло уладить весьма щекотливое дело. По известным причинам ему хотелось сохранить дружбу с Речью Посполитой, и он считал Михала Корибута довольно завидной партией для своей сестры. Но он опасался, что его планам помешает мать, вдовствующая императрица Элеонора Мантуанка. Став вдовой в 1657 году, она некоторое время была опекуншей несовершеннолетнего Леопольда и маленькой Элеоноры. Потом, когда принц занял отцовский престол, Элеонора Мантуанка занималась воспитанием и устройством судьбы своей дочери. В 1662 году, когда сестре Леопольда едва исполнилось девять лет, императрица пригласила в Вену юного наследника лотарингского престола Карла, который не вступил во владение своим наследством только из-за того, что Лотарингия была захвачена французским королем Людовиком XIV.

Приветливый и воспитанный юноша понравился коронованной вдове, и она предложила ему навсегда поселиться в Вене. Еще больше Карл Лотарингский понравился маленькой Элеоноре. Девочка предложила изгнаннику свою дружбу, которую тот с благодарностью принял. С тех пор их постоянно видели вместе. Приглядевшись к тому, как мило эти дети ладят между собой, вдовая императрица стала всерьез подумывать о том, чтобы поженить их, когда Элеоноре исполнится шестнадцать. Выданная замуж много лет назад без любви, из политических соображений, Элеонора Мантуанка всегда мечтала о

том, чтобы дочери не довелось повторить ее судьбу. Карл Лотарингский мог сделать маленькую Элеонору счастливой, и ради этого стоило забыть о бедности герцога и о том, что титул, который он носит, на самом деле — лишь звук пустой. В конце концов, подумала императрица, ее дочь достаточно богата, чтобы содержать и себя, и своего мужа.

Вдова пригласила к себе Карла и предложила ему стать официальным женихом несовершеннолетней Элеоноры. Юноша пришел в восторг. Радостно приняла известие о предстоящей свадьбе и маленькая принцесса. Их обручение было довольно скромным, но очевидцы говорили, что во время церемонии «с небес слетели два ангела, чтобы встать за спинами этих счастливых детей». Так передали они свое умиление красивой парой, юными женихом и невестой, в каждом слове и в каждом действии которых жило неподдельное, искреннее, возвышенное чувство.

В состоянии восторженной влюбленности юноша и девушка провели три года. В мае 1668 года принцесса Элеонора торжественно отметила свое шестнадцатилетие. Свадьба была назначена на сентябрь. Однако накануне этой даты в Вену пришла весть об отречении от престола короля Речи Посполитой и о намерении некоторых магнатов поддержать кандидатуру Карла Лотарингского на предстоящих выборах. Карл решил перенести день свадьбы. Положение безденежного и безземельного герцога угнетало его. И если уж появилась возможность стать королем, то именно в этом качестве он предпочел бы повести под венец дочь императора.

В феврале 1669 года начался элекционный сейм в Варшаве. Ожидание результатов выборов отняло у Карла Лотарингского еще месяц. Молодой человек был разочарован, но не настолько, чтобы совсем пасть духом. Однако время свадьбы вновь отодвигалось, так как наступил великий пост. Летом, полагали молодые, наконец решится их судьба. Но именно летом к Леопольду I неожиданно нагрянули сваты Михала Корибута Вишневецкого.

Чтобы добиться желаемого от сестры, император прежде всего объявил ей о том, что свадьбу необходимо вновь перенести. Потом он стал настойчиво требовать, чтобы Элеонора пожертвовала собой ради большой политики. Нельзя сказать, чтобы принцесса сразу сдалась. Но Леопольд I живо обрисовал ей нерадостные перспективы для их империи, если будет утрачена дружба с Речью Посполитой. Брат описал все настоящие и выдуманные козни реальных и мифических врагов Вены. В довершение всего он заявил, что в случае отказа Элеоноры неминуемо начнется война. Это, мягко говоря, было преу-

величением. Но девушка искренне поверила и действительно испугалась. Дело завершил духовник Элеоноры, который по настоянию императора внес свою лепту в дело увещевания «одной неразумной молодой особы». Согласие было буквально вырвано у плачущей принцессы.

26 декабря 1669 года Леопольд I оговорил с представителем жениха условия бракосочетания. Элеоноре было назначено богатое приданое. По просьбе Михала Корибуга оно состояло исключительно из золотых монет. Вещи и украшения нового короля Речи Посполитой не интересовали, деньги же были нужны ему на дела военные.

Начало правления Вишневецкого ознаменовалось возникновением новой угрозы. Казачий атаман Петр Дорошенко решил воплотить в жизнь давние мечты украинцев о создании независимой державы. Для осуществления этого замысла он заключил союз с турецким султаном, а тот послал на помощь казацкому войску своих янычар. Война должна была вот-вот вспыхнуть, и Михал Корибуг вдруг узнал, что его солдатам вот уже год задерживают жалованье. Вишневецкий едва успел до венчания с помощью приданого Элеоноры рассчитаться с задолженностью армии.

Торжественный обряд, соединивший бедную Элеонору с Михалом Корибутом, произошел 27 февраля 1670 года в Ченстохове. Печальной невесте рассказали, что величайшая польская святыня, икона Матки Боской Ченстоховской, наделена способностью исполнить любое желание, которое загадает человек, впервые ступивший на святую землю монастыря на Золотой горе. Принцесса тут же воспользовалась случаем. Но что загадала она в тот день перед ликом Ченстоховской Девы Марии, никто так и не узнал.

Элеонора ждала своей коронации, которая состоялась лишь в октябре, так как начались боевые действия против казаков. Вишневецкому едва удалось выбрать для церемонии несколько спокойных дней. Он нервничал, так как не чувствовал себя уверенно на королевском престоле. Подданные плохо слушались его, он никак не мог до конца разобраться во внутренних делах своей державы.

Нервозность мужа невольно передалась Элеоноре. Но больше всего ее волновало другое. За своей спиной она все чаще стала слышать недобрый шепот придворных, обсуждающих, почему это супруга короля не может забеременеть? Врач, которого Элеонора призвала для консультации, нашел, что она вполне здорова, и пожелал не терять надежды. Но ощущение чего-то неотвратимого не покидало королеву.

В следующем, 1671 году начался новый этап войны. Стотысячная турецкая армия, соединившись с двенадцатитысячным казацким

воинством Дорошенко, разбила польское войско в битве под Четвертинкой, взяла крепость Каменец-Подольский и несколько крупных украинских городов. На пути следования турецкой армии уцелел только Львов, и то лишь потому, что жители его догадались откупиться от янычар.

Положение на фронте ухудшалось. Король был в отчаянии. Стало очевидно, что придется пойти на подписание мирного договора на условиях, выгодных туркам и казакам. Поляки и литвины роптали, но Михалу Корибуту нечего было им сказать. Он уже жалел о том, что с такой самоуверенностью согласился принять на себя бремя, оказавшееся для него слишком тяжким.

И вот неизбежное произошло. Турции по условиям договора было отдано Подолье. Дорошенко получил воеводство Брацлавское и часть Киевского. Вишневецкий же обязан был ежегодно платить своим врагам дань.

Королю предстояло пережить еще большее потрясение. Согласившись по просьбе жены на медицинское обследование, он неожиданно для себя узнал, что бесплоден. Было ли это результатом какой-либо болезни, перенесенной в юности, или одного из ранений, полученных на поле брани, Вишневецкий не знал. Он был в отчаянии. И даже не столько из-за того, что никогда уже не будет отцом, сколько потому, что станет объектом насмешек своих подданных.

Считая, что жена обязана защищать репутацию мужа любым доступным ей способом, Элеонора решилась на обман. Не задумываясь о том, что будет дальше, она объявила себя беременной. Известие это обрадовало шляхту, отдавшую свои голоса на выборах за Вишневецкого. Несколько месяцев королева искусно разыгрывала сочиненный ею спектакль, а потом легко изобразила падение с лошади и потерю ребенка. Но, видимо, одна из служанок Элеоноры не умела хранить чужие тайны, и правда выплыла наружу.

«Это самый несчастный из королей, — сказал на одной из своих проповедей архиепископ Миколай Пржамовский, глава католической церкви в Речи Посполитой. — Мы должны отказаться от него, пока несчастья его не станут нашими несчастьями».

Архиепископ с самого начала был противником коронации Вишневецкого и теперь получил возможность для того, чтобы аргументировать свою пристрастность к Михалу Корибуту.

Польские магнаты, целиком возлагавшие на своего короля вину за потерю тех украинских территорий, которые после Переяславской рады еще оставались в составе Речи Посполитой, поддержали главу католической церкви. Приверженцы так называемой «австрийской

партии» объявили о своем желании на основании бесплодия короля развести его с королевой, лишить престола и короновать Филиппа Вильгельма Нейбургского, который вступит в брак с Элеонорой.

16 марта 1672 года архиепископ Пржамовский имел обстоятельную беседу с австрийским послом, через которого рассчитывал добиться у императора Леопольда I согласия на развод. Но к удивлению святого отца брат Элеоноры отказался наотрез. Развод казался ему большим ударом по репутации женщины, после которого она уже не может считаться порядочной, даже если найдется человек, который согласится повести ее под венец.

Сама Элеонора тоже не давала согласия, считая высшим бесчестием для себя после клятвы, данной у алтаря быть с мужем «в горе и радости, в здравии и болезни», бросить несчастного своего супруга ради личного благополучия.

В дело вмешалась и «французская партия». Она обратилась к Людовику XIV с просьбой помочь лишить престола Вишневецкого. Согласие французского короля могло привести к новой войне, теперь уже с Францией. Первыми это поняли литвинские магнаты.

Михал Казимир Пац и Михал Казимир Радзивилл собрали в местечке Големба вооруженных сторонников Михала Корибута, которые объявили,, что готовы защищать своего государя от его недоброжелателей, что бы ни случилось.

Вооружились и противники Вишневецкого. Могла разразиться гражданская война. Впрочем, ни та ни другая страна не решалась напасть первой, и это было понятно. Сражаться с захватчиками легко, убивать своих страшно. Нужно было, чтобы нашелся кто-нибудь, способный развязать затянувшийся узел и развести готовых вцепиться друг в друга граждан Речи Посполитой. В роли миротворицы довелось выступить королеве.

Специально для того, чтобы примирить короля и его противников, 14 февраля 1673 года в Варшаве был созван вальный сейм. Противники зло поглядывали друг на друга и угрожающе шипели. Но вот перед ними предстала маленькая печальная женщина — королева Элеонора, которая тихо заговорила, призывая обе стороны к примирению. Выданная замуж не по любви, не получившая в лице супруга ни пылкого любовника, ни отца своих детей, тем не менее она была готова еще раз пренебречь личным счастьем ради высших принципов. Элеонора говорила, и огромный зал, заполненный суровыми мужчинами, завороженно внимал ей, оценивая благородство своей королевы, невольно восхищаясь силой ее духа и мужеством.

Она смогла добиться почти невозможного. Оппозиция вновь присягнула своему королю. Вишневецкий, понимая, что за этим должны последовать какие-то решительные действия с его стороны, к радости подданных тут же разорвал позорный мирный договор с Турцией. Шляхта Речи Посполитой начала готовиться к новым битвам. Война, в которую вступило государство, расценивалась ими как освободительная. Она была продиктована суровой необходимостью, избежать ее нельзя было ни в коем случае. Никто даже и не думал на этот раз ратовать за сохранение мира.

Вручив судьбу своей державы в руки опытных полководцев Яна Собесского, Михала Паца и Михала Казимира Радзивилла, король внезапно слег. Потрясения последних месяцев роковым образом повлияли на его здоровье. День ото дня Вишневецкому становилось все хуже.

Летом 1673 года сенат потребовал от своего государя, чтобы он находился в месте проведения военных действий. Геройства от короля, конечно же, никто не ожидал, за ходом сражения он вполне мог наблюдать с безопасного расстояния! Но, как считали магнаты, король обязан был принимать участие в военных советах и ободрять войска перед битвой.

26 августа больной Вишневецкий покинул свою столицу, приказав везти себя туда, где ожидала его армия. Озабоченная состоянием мужа королева сопровождала его в этом нелегком путешествии. В Люблине пришлось сделать первую остановку. Несколько дней местным монахам-доминиканцам, среди которых были очень сведущие в медицине, буквально приходилось возвращать к жизни короля, потерявшего сознание в дороге. Но как только Вишневецкий почувствовал себя способным передвигаться без посторонней помощи, он вновь тронулся в путь. Прибыв 19 сентября в город Казимеж, король потребовал, чтобы Элеонора оставила его и возвратилась в Варшаву, потому что «негоже женщине и королеве находиться там, где палят пушки и льется мужская кровь». Элеонора уехала в слезах.

Тяжелые предчувствия не обманули королеву. Вскоре в Варшаву прибыл гонец, посланный мужем из Львова. Король сообщал жене о том, что ему стало значительно хуже и он думает о скорой своей смерти. Вишневецкий нежно прощался с Элеонорой, которую «боготворил за ее доброту и великодушие». Королева поехала во Львов. Но по дороге в городе Раве получила известие о смерти короля. Это произошло 10 ноября 1673 года.

Отдав дань памяти и уважения почившему супругу и заплатив сполна все его долги, Элеонора решила возвратиться на родину. Пять епископов Речи Посполитой и сенат предлагали ей вступить в брак с

Филиппом Вильгельмом Нейбургским, вместе с которым она могла бы вновь занять польский престол. Элеонора отвергла это предложение.

28 марта 1675 года государыня навсегда покинула земли Речи Посполитой. 6 февраля 1678 года в Вене состоялось торжественное ее венчание с Карлом Лотарингским, который все же дождался своей возлюбленной. Супруги жили в любви и согласии долгие годы. У них родилось шестеро детей: пять мальчиков и девочка, получившая в честь матери имя Элеонора.

1683 год принес Карлу Лотарингскому славу и всеобщее уважение. Огромное турецкое войско перешло границы Австрийской империи и вскоре осадило Вену. Император призвал на помощь Яна Собесского, ставшего королем Речи Посполитой после смерти Вишневецкого. Карлу Лотарингскому было доверено командование всей австрийской армией. Союзникам удалось нанести туркам сокрушительный удар и изгнать их с территории Австрии. Австрийский император и король Речи Посполитой были признаны восторженной Европой величайшими героями современности.

Под стенами Вены завязалась дружба между Яном Собесским и герцогом Лотарингским. Позднее Карл, получивший от Собесского почетное звание маршалка, неоднократно посещал Варшаву. Однако Элеонора никогда больше не была там, где ей довелось пролить так много слез.

В 1696 году после смерти Яна Собесского Элеонора, уже став вдовой, безрезультатно пыталась бороться за корону Речи Посполитой для своего старшего сына Леопольда Йозефа. Однако фортуна улыбнулась юноше совсем с другой стороны. В сентябре 1697 года король Франции Людовик XIV вернул Лотарингию наследникам герцога Карла.

Проводив сына туда, где ждал его трон предков, Элеонора призналась второму своему сыну шестнадцатилетнему Карлу: «Женщины на престоле не должны думать о счастье своем, но только о благе своего королевства или княжества. Потому они редко бывают счастливы. Но я удосужилась по своей искренней просьбе и по милости Девы Марии Ченстоховской изведать счастье как ни одна другая. Она сохранила для меня вашего отца. Она дает теперь брату вашему корону, достойную его. С именем Пресвятой в счастье и умереть теперь могу». Через два месяца ее не стало.

Рассказ двадцать шестой

О том, как «лунный рыцарь» посылал письма «звездной фее»

После внезапной смерти Михала Корибута Вишневецкого граждане Речи Посполитой абсолютным большинством голосов выбрали королем польского шляхтича Яна Собесского. Они не ошиблись в своем выборе. Собесский был отважен и честен, прославил себя на полях сражений как самый талантливый полководец своей державы. На собраниях шляхты Яна знали как истинного патриота Польши. В то же время любимая сестра его Катажина была замужем за самым крупным магнатом Великого княжества Литовского Михалом Казимиром Радзивиллом, который имел достаточно большое влияние на шурина. Подданные могли не опасаться того, что чьи-либо права после восшествия на престол нового короля будут ущемлены. Собесский был очень симпатичен как человек. С умилением пересказывали друг другу поляки и литвины самую трогательную и возвышенную из историй своего столетия — историю любви рыцаря Собесского к очаровательной француженке Мари д'Аркьен.

Пятнадцатилетняя прелестница прибыла в Варшаву в свите Людвики Марии Гонзаго. Непосредственная и милая, Мари д'Аркьен сразу же привлекла к себе внимание многих шляхетных женихов. Но к их великому разочарованию юная фрейлина королевы оказалась дочерью бедного шевалье, бесприданницей. В связи с этим они не ухаживали, а волочились за хорошенькой Мари, рассчитывая соблазнить юную девушку. Однажды фрейлина пожаловалась своей госпоже на слишком наглые домогательства одного из кавалеров. И королева, которую поведение поклонников Мари уже давно раздражало, ибо они ей «напоминали псов, стаей бегущих за одной собакой», решила сама всерьез заняться судьбой девушки. Мари казалась ей очень неопытной в делах любви.

Устройство судьбы подданных — дело вполне достойное королей. Роль свахи, которую добровольно взяла на себя Людвика Мария, так понравилась ей, что после того, как удалось от греха подальше отдать Мари д'Аркьен замуж, она с удовольствием просватала еще нескольких своих фрейлин. Супругом пятнадцатилетней прелестницы стал воевода киевский Ян Замойский, который женился на ней лишь затем, чтобы угодить супруге своего сюзерена и таким образом обрести влияние при дворе.

Полной неожиданностью для всех стало личное участие короля и королевы в свадебных торжествах и поистине королевский подарок,

сделанный ими молодым, — двенадцать бочек, наполненных золотыми монетами. «Вот тебе и бесприданница!» — присвистнули былые ухажеры юной Мари. Обрадованный Замойский подарил своей невесте драгоценную диадему из алмазов и выставил к свадебному столу триста бочек самого лучшего венгерского вина, чтобы залить им горечь тех панов, которые завистливыми взглядами провожали его, идущего к венцу с юной француженкой. Наверное, многие из них запоздало вздыхали: «А ведь такая удача могла бы выпасть и на мою долю...»

Единственное, что омрачало праздник, — заплаканные глаза невесты. Никто даже не поинтересовался у бедной Мари, нравится ли ей жених, выбранный королевой. Все говорили об удачной партии и прекрасном будущем, которое ожидает новобрачную.

А девушке был люб другой. Это была любовь с первого взгляда. Приметив при дворе среди кавалеров двадцатисемилетнего красавца Яна Собесского, Мари постаралась привлечь к себе его внимание. Но в отличие от тех, кто приставал к фрейлине буквально на каждом шагу, Ян оставался сдержанно вежливым. Девушка решила, что она безразлична молодому человеку. Но это было совсем не так. Просто воспитанный родителями в духе уважения к прекрасной половине человечества, Ян не позволял себе распускать язык и руки. Он считал, что время нежности и страстности между мужчиной и женщиной может наступить лишь тогда, когда он сделает ей официальное предложение и услышит в ответ: «Да». Решиться на конкретные действия он пока не осмеливался. Причина была до нелепости прозаичной. Мать двадцатисемилетнего кавалера, старуха Собесская, которую из-за ее крутого нрава Ян побаивался всю свою жизнь, категорически выступила против того, чтобы ее невесткой стала «эта нищая вертихвостка из Франции». Ян рассчитывал на то, что со временем сможет переубедить родительницу, использовав все возможные доводы. Но, увы, он опоздал.

В состоянии, близком к отчаянию, наблюдал Ян, как «его Марысеньку» выдают за другого. В этот день он впервые в жизни напился до потери сознания. Когда пришел в себя, то обнаружил, что его везут куда-то в карете с занавешенными окнами. Рядом мирно дремал его боевой товарищ Михал Казимир Радзивилл, который на свадьбе Мари был шафером жениха. Радзивилл рассказал очнувшемуся другу, как он с пьяными рыданиями приставал к нему, умоляя помочь похитить невесту. Михал Казимир счет за лучшее как можно скорее увести Яна из пиршественной залы, «погрузить» его в карету и скомандовать кучеру везти их в родовое имение Собесских.

Поблагодарив князя за то, что он не дал ему опозориться в присутствии короля и королевы, Ян предложил Михалу Казимиру посетить его сестру Катажину, не так давно овдовевшую. Сестра Собесского так понравилась Радзивиллу, что он вскоре женился на ней. И уже вместе супруги стали строить планы, как бы вернее им вырвать из сердца Яна эту занозу — любовь к Мари д'Аркьен.

Собесский все-таки сумел признаться Мари в любви и услышал запоздалый ответ — слова взаимности. Имение Замойского Замостье и имение Собесского Пиляшковичи находились близко друг от друга. Это давало возможность Яну часто видеться с предметом своей страсти. Он окунулся в любовь, как бросаются в омут...

«Днем он бредит своей Марысенькой, ходит будто больной, по ночам плачет и громко зовет ее к себе. Думаю, как бы из-за пани Замойской наш брат совсем рассудка не лишился. А еще более того опасаюсь, как бы огласки и позора нам из-за этого не произошло», — писал Катажине осенью 1659 года Михал Казимир.

Вместе с Яном Собесским Радзивилл принимал в это время участие в освобождении от шведов крепостей королевской Пруссии. Беспокоясь о муже, Катажина писала ему чуть ли не каждый день. Это вызывало у боевых товарищей Радзивилла добрую улыбку. И только один человек, говорили, получал писем больше, чем Михал Казимир. Это был Ян Собесский. Но если князь Радзивилл имел право читать свою корреспонденцию, не скрываясь от чужих глаз, брат Катажины делал это украдкой, пряча надушенные листки у сердца. Это были послания от чужой жены, пани Марысеньки Замойской.

Влюбленным казалось, что они приняли все меры для того, чтобы их взаимоотношения оставались тайной для других. Ян подписывал свои письма именем Селадон, что означало «лунный рыцарь», Мари называла себя Астреей («звездной феей»). Но все лица и события их корреспонденции были так подробно и бесхитростно описаны, что не возникало сомнений по поводу авторства посланий.

Понимая, что ничем хорошим подобные романы не заканчиваются, Катажина сделала все, что может сделать любящая сестра, чтобы переключить внимание брата на что-либо иное. Добыть воинскую славу, по мнению княгини Радзивилл, было достойной для Яна целью. И она на свои деньги собрала и экипировала для Собесского вооруженный отряд численностью 200 человек. С этим отрядом Ян участвовал в 1660 году в боях с казаками атамана Юрия Хмельницкого, младшего сына Зиновия Богдана, и русскими войсками на Украине. Собесский проявил в сражениях храбрость и воинское мастерство, что было замечено королем, который в том же году «за

заслуги перед Отчизной» пожаловал ему в пожизненное владение староство Стрыйское.

Вскоре после этого, вероятно, по совету Катажины Михал Казимир предложил шурину еще больше укрепить родственные связи, женившись на его старшей сестре Иоанне. Она была свободна (совсем недавно похоронила своего мужа, вице-канцлера Лещинского), богата и очень красива. Если, описывая Мари д'Аркьен, современники называли ее красивой лишь с большой оговоркой (она была очаровательна, мила, обаятельна, но вряд ли действительно красива), то об Иоанне Радзивилл мнение тех, кто ее видел и знал, однозначно — необыкновенная красавица, взявшая все самое лучшее от своей матери Текли Волович, самой красивой в свое время дамы Великого княжества Литовского. Иоанна могла затмить собою образ возлюбленной Собесского, на что Катажина очень рассчитывала. Но этого не произошло. Узнав о предполагаемой женитьбе своего возлюбленного, пани Замойская решительно вмешалась в ход событий.

В мае 1661 года король собрал в Варшаве своих подданных на очередной сейм. Вопрос, который должен был решаться, имел для Речи Посполитой огромное значение. Бездетные Ян Казимир и Людвика Мария Гонзаго хотели обеспечить будущее своей державы при жизни, выбрав достойного преемника. Одни паны, вместе с ними и Ян Собесский, готовы были поддержать предложение королевской четы о выборе французского принца Анри Жюльена Бурбона. Другие имели по этому вопросу иное мнение. Михал Казимир, который был маршалком этого сейма, старался держать нейтралитет. Споры и раздоры в зале заседаний не стихали.

В этот напряженный момент в Варшаве появилась Марысенька Замойская, бледная и заплаканная. Не боясь стать предметом сплетен и пересудов, она нашла своего Селадона и стала укорять его в неверности. Бурная сцена завершилась совместным посещением костела кармелитов, где Астрея взяла у своего рыцаря торжественную клятву в том, что сердце его никогда не будет принадлежать никакой другой женщине. Она же поклялась Собесскому, что если овдовеет, то только он станет ее вторым мужем. Ян обещал ждать и надеяться. Они обменялись в храме кольцами, как обрученные.

Увидев на пальце брата доказательство его любовного безумия, Катажина ахнула. В то время как вся Речь Посполитая сокрушалась по поводу отсутствия наследников у государя и обсуждала вопросы наследования вообще, Собесский совершил то, что лишало его возможности жениться и иметь детей.

«Все в руках Божиих», — ответил Катажине Ян. Он почему-то верил в возможность счастья со своей «звездной феей».

Страсти продолжали бушевать на сеймах и сеймиках. Вскоре взбунтовалась армия, которой король задолжал деньги за многие месяцы. Магнаты интриговали друг против друга. Речь Посполитая готовилась к новым потрясениям и войнам. Ян. Собесский был активным участником всех важнейших политических событий. Но близко к сердцу он не принимал ни своих неудач, ни достижений. Суета жизни будто отступила на второй план перед огромным и безбрежным чувством радости и умиротворения. Кольцо Марысеньки, надетое ею на палец Собесского, принесло ему надежду и спокойствие. Как будто бы там, в костеле, ангел Господень шепнул ему на ухо: «Она обязательно будет твоей, только нужно немного подождать».

И действительно, очень скоро, в 1665 году, скончался муж Марысеньки Замойский. К несчастью для влюбленных почти одновременно с ним ушла в мир иной красавица Иоанна, сестра Михала Казимира, на которой до самой последней минуты Радзивилл надеялся женить Собесского. Некоторым такое совпадение показалось подозрительным. Появились слухи, что к смерти обоих приложила руку француженка. Родня Замойского в открытую называла Мари «Клитемнестрой»[3].

Несмотря на это, к ужасу Катажины и Михала Казимира, Ян тут же женился на пани Замойской. Только сильная, почти священная страсть храброго мужчины и фанатичная вера в невиновность любимой спасли Марысеньку от суда общественности.

«Лунный рыцарь» и «звездная фея» продолжали страстно любить друг друта спустя годы. Она рожала детей и по примеру своей золовки Катажины Радзивилл пыталась заниматься большой политикой на уровне интриги. Ян стяжал лавры героя на полях сражений. Кровью заслужил Ян Собесский булаву гетмана великого коронного в 1668 году. Как главнокомандующий польской армией 11 ноября 1673 года он наголову разбил под Хотином войско османского полководца Гусейн-паши. Эта блестящая победа решила исход турецкой войны и принесла Собесскому такую славу, что в народе о нем стали слагать песни. Буквально через два дня после победы хотинский герой получил срочную депешу, в которой говорилось, что 10 ноября во Львове скончался король Михал Корибут Вишневецкий.

На этот раз предвыборная борьба не была столь напряженной. Поляки и литвины не смотрели больше на запад в поисках пре-

[3] Клитемнестра — жена царя Аргосского Агамемнона, которая убила его, чтобы выйти замуж за своего любовника.

тендента на престол. Теперь страна имела своего героя, достойного не только восторженных од и лавровых венков, но и короны.

Российский историк Д.Бандыш-Каменский писал: «Герцог Нейбургский, Лотарингский, Баварский, князь Трансильванский и многие властители старались на сейме получить польский престол. Собесский заставил избрать себя королем услугами Отечеству».

Заняв престол, Ян Собесский объявил королевой свою возлюбленную, дочь бедного французского шевалье, которую чванливое польское панство никак не хотело признать равной себе, женщину, не так давно обвинявшуюся в убийстве собственного мужа. Ей, прекрасной «звездной фее», «лунный рыцарь» продолжал поклоняться всю оставшуюся жизнь…

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

О том, как литвинка переодела московских бояр в европейские наряды

В 1676 году печальный колокольный перезвон возвестил всей Руси о смерти царя Алексея Михайловича. Старшему сыну русского государя царевичу Федору едва исполнилось пятнадцать лет. Он был слабым и болезненным юношей, но по закону именно ему должна была достаться шапка Мономаха, старинный головной убор московских правителей.

В случае смерти Федора на царство могли претендовать его младшие братья Иван и Петр. Но царевич Иван, рожденный, как и Федор, царицей Марией Милославской, страдал слабоумием. Петр же был сыном второй жены Алексея Михайловича, нелюбимой боярами Наталья Нарышкиной. Приверженцы Милославских решили любой ценой сохранить престол за потомками «государыни Марии». Они полагали, что необходимо как можно скорее найти юному Федору красивую и здоровую жену. У царицы может родиться сильный и жизнеспособный сын. Он-то и станет залогом непрерывности династии.

Едва дождавшись совершеннолетия царя Федора, бояре устроили всероссийские смотрины невест. Претенденток выбирали из дочерей самых знатных бояр и дворян исконно русских фамилий. Но когда список девушек уже был составлен, произошел настоящий скандал. Федор Алексеевич заявил, что уже выбрал себе невесту. Он увидел девушку в церкви во время богослужения. Она была так хороша, что юноша крестился, «обратясь лицем не к иконе святой, но к девичьему лику».

Девушка оказалась дочерью смоленского боярина Семена Грушецкого. Искатели царских невест ее . даже не принимали во внимание, потому что Грушецкие, как, собственно, почти все смоленские боярские семьи, имели литвинское происхождение. Мало того, у них были родственники в Речи Посполитой, которые нет-нет да и наведывались в Смоленск. Привозили они Грушецким кроме всего прочего «польскую одёжу», и члены семьи боярина «хотя и не являлись в этакой срамоте на люди, в терему своем нашивали». Сам хозяин имел «браду малую, токмо ради приличия», а дочь его Агаша, будто полька какая, была «телом худа, суха». В общем, семья выглядела и вела себя крайне подозрительно. Разве таким следует родниться с царями?

Принялись ближние бояре уговаривать Федора Алексеевича отказаться от своей затеи, царь — ни в какую. Хорошо, любимая

сестра Федора Софья вмешалась, нашла способ примирить бояр с братом. «Смотринам быть, — сказала она, — ничего девушек обижать. А только пускай с теми, которых бояре выбрали, и Грушецкую в палаты приведут. Царь иных не видел, а как увидит, может, от той и отречется». На том и порешили.

Ох и удивились же Грушецкие, когда им передали цареву волю везти Агашу на смотрины. Удивились, но не обрадовались. Отца Федора Алексеевича — царя Алексея Михайловича, который воевал с Речью Посполитой да палил литвинские города, в семье не жаловали. О Федоре пока ничего худого не слышали, да кто ж его знает, вдруг в отца пошел и тоже «воевать Литву» сберется? Однако Агашу приготовили к смотринам и выправили как надлежит. Соперничать с московскими боярышнями ей нельзя было — те не в пример богаче одеты оказались, но Грушецкая надела сарафан, весь подол которого золотой нитью сама же и вышила. Узор был снят с заморского образца, который передали ей заграничные родичи. В общем, ни у кого такого броского и необычного наряда не оказалось.

Возможно, молодой царь, оглядев привезенных в Кремль красавиц, и остановился бы в тот день подле иной, да еще издали золотые «польские цветы» бросились ему в глаза. Подойдя поближе, увидел он, что девушка в цветах этих — именно Грушецкая, та, которой он любовался в церкви.

Выбор был сделан окончательно. Агафью стали готовить к свадьбе. Бояре, глядя на худобу царской невесты, тяжко вздыхали: «Слаба окажется царица, ну как такой тощей детей рожать?» Однако они молчали, опасаясь царской немилости. Лишь Иван Милославский, ближайший родич покойной матери Федора, дерзнул высказаться против избранницы. В гневе Федор запретил Милбславскому отныне показываться царю на глаза. И напрасно Агафья, не желавшая начинать свою жизнь в Кремле с того, чтобы поссорить мужа с его родственниками, молила простить боярина Ивана. Царь был непреклонен.

Зато в лице Федора Алексеевича Агафья Грушецкая неожиданно для себя нашла человека, способного по-настоящему любить и понимать, человека, который готов был, отказавшись от косности и предрассудков, воспринять все самые лучшие достижения западноевропейской культуры, чтобы попытаться ввести их в своей державе. Единственное, что мешало Федору Алексеевичу развернуть активную реформаторскую деятельность, было его слабое здоровье. Царь часто подхватывал какую-нибудь хворь и подолгу не вставал с постели.

Агафья, которой очень не хотелось жить «теремной затворницей», как до этого жили все русские царицы, решилась сама позабо-

титься о себе. Из рассказов литвинских родственников она имела представление о том, как весело живет варшавский двор и какие развлечения придумывает для себя королева. Царица задумала перенять все лучшее из «польских традиций», благо царь Федор не возражал. Первым делом она переоделась в европейское платье и заставила надеть такую одежду наиболее смелых боярынь. Затем через царя Агафья распорядилась, чтобы молодые бояре брили бороды, а ежели желают того, то и носили польские сабли и кунтуши. По велению матушки-царицы в Москве и других крупных русских городах были заложены польские и латинские школы. Государыня собрала вокруг царя Федора молодых единомышленников, которым также хотелось перемен в быту и в политическом устройстве государства. Среди них самыми активными стали сестра царя Софья и молодой князь Василий Голицин, который побывал в свое время за границей и мог реально оценить все достоинства и недостатки жизни иноземцев. Примкнул к прогрессивной молодежи и пожилой наставник царских детей, поэт и драматург Симеон, который был родом из Полоцка.

В кругу единомышленников царь словно обрел новые силы. Ему хотелось показать себя мудрым, радеющим о благополучии державы государем. Отстранив бездарных и кичливых бояр-полководцев, он назначил главнокомандующим русской армией талантливого и смелого Василия Голицына. Добиваясь подлинной централизации власти, царь отменил местничество. Взялся за изучение латыни. Обещал своим незамужним сестрам пересмотреть дикие законы, запрещавшие царевнам браки с боярскими и княжескими сыновьями.

«Что на Москве творится, — про то один только Господь Бог ведает», — сокрушались бояре. «А все из-за нее, из-за этой Грушецкой, — подначивал их опальный Иван Милославский. — Надо же было Федору Алексеевичу на полячке ожениться! Гляди, с наговора царицыного в ляшскую веру перейдет».

Все больше и больше нарастала вокруг молодой государыни боярская ненависть. Но она, счастливая и беспечная, не замечала этого.

В 1680 году Агафья радостно объявила мужу, что ждет ребенка. Сведущие бабки предсказали ей, что это будет сын. Царь воспрянул духом и, кажется, даже «покрепчал здоровьем». Но царице не суждено было родить Федору Алексеевичу наследника. Перед самыми родами она занемогла и умерла, так и не сумев разрешиться от бремени.

Тут же около царя оказались бояре Милославские во главе с «забывшим» про свою опалу Иваном. Утешали они бедного Федора Алексеевича неискренними слезами и недобрыми словами. Что, дескать, поделать, царица была худа, а это верный признак нездоровья. Ведь

государя предупреждали об этом. Не послушался царь-батюшка советов любящих родственников, вот и приходится теперь сожалеть. Но все еще можно исправить. Неоткладно следует царю вновь жениться. И пусть на этот раз не блажит, а возьмет здоровую «тельную» девицу. Не пройдет и года — будем с наследником.

Противиться этому напору у Федора Алексеевича не было сил. Милославские выбрали царю в жены пятнадцатилетнюю Марфу Апраксину. Но царь даже не дотронулся до нее ни в первую брачную ночь, ни в последующие. Говорят, что накануне свадьбы Федору Алексеевичу стало известно, что царица Агафья умерла отнюдь не родами, а была отравлена. Отравители (Милославские) верно подгадали время, чтобы отвести от себя все подозрения. От злого зелья погиб плод во чреве царицы. Этим и была вызвана болезнь Агафьи и смерть ее.

Царь и верил, и не хотел верить в услышанное. Горечь и смертная обида завладели его сердцем. Все хвори разом вернулись к нему. Федор Алексеевич слег в постель и через два с половиной месяца умер.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

О том, как немцы умыкнули у Радзивиллов слуцкие владения

Самое горькое слово на свете — сирота. Одинокие молитвы перед молчаливыми иконами; слезы, пролитые втихомолку в подушку; обиды, безнаказанно нанесенные чужими людьми; неутоленное желание ласковых родственных объятий — все собрано воедино в этом слове. И не имеет значения, беден ли ты так, что лишь одна рубашка на теле твоем, или собственностью твоей являются дворцы и поместья. Сиротство одинаково будет леденить сердце твое и давить на плечи страшной необратимостью произошедшего. Нет родителей — и солнце, кажется, не так ярко светит над головой. Без родных людей ты беззащитен в этом жестоком мире. Именно такое испытание уготовила судьба маленькой дочери слуцкого князя Богуслава Радзивилла Людвике Каролине. Едва появившись на свет, она лишилась матери, в трехлетнем возрасте — отца. Несмышленым ребенком Людвика Каролина стала одной из самых богатых землевладелиц Речи Посполитой. Но разве имело все это значение для девочки в тот самый ранний период ее жизни. Малышке нужна была родительская любовь, которую не могли ей дать даже самые добрые и внимательные опекуны.

Родных братьев у князя Богу слава не было. В Германии жили сестры и двоюродный брат, курфюрст Бранденбургский Фридрих Вильгельм. К ближайшим родственникам покойный князь относил и троюродного брата, несвижского Радзивилла Михала Казимира. Эти люди и стали официальными опекунами маленькой Людвики Каролины. Родство немецких опекунов было более близким, поэтому они и взяли к себе девочку на воспитание. И надо отдать им должное, с сироткой опекуны обращались как нельзя лучше. Конечно, им не всегда удавалось утешить маленькую Людхен, когда она вдруг начинала плакать и спрашивать, почему у всех детей есть папы и мамы, а у нее нет.

Но время шло. Девочка привыкла к той жизни, которую могли ей предложить немецкие родственники. Постепенно Людвика Каролина переняла их обычаи и привыкла к такому образу жизни. Она уже почти забыла звучание польской и белорусской речи. Воспитанная при дворе курфюрста Бранденбургского в Берлине, девочка считала себя такой же немецкой принцессой, как ее кузены и кузины. Однако родина напомнила вдруг о себе, неожиданно и жестко ворвавшись в жизнь девочки.

Курфюрст получил из Великого княжества Литовского письмо, которое взволновало его и насторожило. Несвижский опекун Людхен князь Михал Казимир Радзивилл, принявший на себя ответственную миссию проверять ежегодно, как управляющие имениями Людвики Каролины выполняют свои обязанности, завел полный туманных намеков разговор о замужестве пятилетней слуцкой наследницы. Дело, мол, нешуточное. Слишком велики богатства, завещанные Богуславом дочери. Нельзя, чтобы они достались случайному человеку. Тем более что сам Богуслав оставил ему, Михалу Казимиру, четкое распоряжение — слуцкие владения должны принадлежать роду Радзивиллов.

Фридрих Вильгельм почуял неладное. Он собственными глазами видел завещание, на всякий случай написанное Богуславом задолго до смерти. Ничего подобного там не было. Курфюрст предположил, что Радзивиллы решились на подлог, не желая расставаться с богатым наследством Людхен. Действительно, Михал Казимир подготовил некий фальшивый документ, который намеревался выдать за последнюю волю троюродного брата, будто бы изложенную на бумаге за несколько дней до внезапной смерти. Очень осторожно он попытался прощупать почву, написав письмо Фридриху Вильгельму. Однако, получив ответ, сдержанно-вежливый по форме и категоричный по сути, Радзивилл понял, что на его обман немецкие опекуны не поддадутся и лучше не заходить слишком далеко, чтобы не довести дело до суда, на котором его разоблачат как мошенника.

Тогда Михал Казимир решил договориться с курфюрстом полюбовно. И вот уже в Берлин послано совсем другое письмо, написанное под диктовку Радзивилла рукой его двенадцатилетнего сына Миколая Франтишка. Это было довольно пространное послание, украшенное всевозможными комплиментами и пожеланиями. Суть излагалась в самом конце. Миколай Франтишек просил руки пятилетней Людвики Каролины.

Никаких существенных возражений, кроме того, что и жених, и невеста еще слишком юны для супружества, Фридрих Вильгельм привести не мог. Подобные браки ради династических или имущественных целей среди европейского дворянства иногда заключались. После свадебного обряда молодых разлучали до их совершеннолетия. Курфюрст мог предположить, что Радзивилл не будет возражать, чтобы Людвика, обвенчавшись с его сыном, осталась жить в Бранденбурге, пока не повзрослеет. Ведь самое главное — право самолично управлять Слуцким княжеством он получит, как только мальчик и девочка выйдут из храма. Фридриху Вильгельму было не по душе то, что ему надлежало сделать, но отказать Радзивиллам он не мог.

От замужества с Миколаем Франтишком слуцкую сироту спасло только вмешательство судьбы. Юный жених внезапно заболел и умер.

Однако пример Несвижского князя оказался заразительным. Новым просителем руки Людвики Каролины стал уже довольно взрослый мужчина, двадцатипятилетний клецкий князь Станислав Казимир Радзивилл. За ним брачное предложение в Берлин прислал воевода краковский Станислав Потоцкий. Он мечтал женить на слуцкой наследнице своего сына. Заявляли о готовности взять Людвику Каролину в жены и многие другие литвины и поляки. И даже сам король Ян Собесский, позарившись на приданое дочери Богуслава, подумывал о возможности заключения брака между Людвикой Каролиной и своим наследником королевичем Якубом.

Обилие брачных предложений дало возможность Фридриху Вильгельму отвечать женихам неопределенно, расписывая одному «явные преимущества» союза с другим. Переговоры с претендентами затянулись на годы. Тем временем курфюрст наконец в кругу семьи поделился своими планами относительно будущего воспитанницы. Он желал видеть Людхен женой герцога Вильгельма Оранского. Этот брак выгоден его курфюрству. Фридрих Вильгельм не был провидцем, но мы с нашими сегодняшними знаниями о том времени можем рассуждать, что союз с герцогом Оранским возвел бы Людвику Каролину на английский престол, ибо в дальнейшем герцог стал королем Англии.

Впрочем, свадьба разладилась отнюдь не по вине невесты. В начале 1680 года стало ясно, что герцогу брачная сделка с курфюрстом Бранденбургским кажется почему-то невыгодной. Как раз в это время Фридрих Вильгельм с удивлением обнаружил, что повзрослевшая Людхен с интересом общается с его младшим сыном маркграфом Людвигом. Юноша, кажется, отвечает ей взаимностью. Курфюрст призвал девушку к себе и спросил о ее чувствах. Тринадцатилетняя Людвика Каролина ответила, что охотно согласилась бы выйти за кузена Людвига, если бы добрый дядя был не против. Добрый дядя-курфюрст был не против.

Обручение состоялось 28 декабря 1680 года. Извещать об этом событии кого-либо в Речи Посполитой загодя не было необходимости, так как единственный литвинский опекун девушки Михал Казимир незадолго до этого скончался.

Магнаты, претенденты на руку богатой невесты, узнали о ее обручении уже после того, как оно состоялось. Известие это привело их в ярость. Рассердившись на курфюрста, недавние соперники

объединились и стали энергично искать возможности вырвать слуцкую наследницу из объятий юного жениха.

Первым сориентировался Станислав Казимир Радзивилл. Он извлек откуда-то подделанное покойным несвижским князем завещание Богуслава и предложил использовать его в качестве повода для расторжения брачного договора Людвики Каролины с сыном курфюрста. И вот магнаты потребовали от короля рассмотреть дело об обручении слуцкой наследницы на ближайшем сейме. Так как король входил в число заинтересованных лиц, он поддержал своих вассалов. Сейм должен был состояться 10 января 1681 года.

Узнав о том, сколь серьезно настроено магнатство Речи Посполитой, курфюрст вынужден был поспешить с венчанием, которое, не будь экстремальной ситуации, состоялось бы в год шестнадцатилетия Людвики Каролины.

Людвиг и Людвика предстали перед алтарем 7 января. Безусловно, после этого те, кто считал необходимым расторгнуть обручение, вынуждены были смириться: «Бог соединил, да не разлучат люди». Тем более что всем в Польше и Литве было хорошо известно о поддельном завещании Радзивиллов, которым они хотя и потрясали, но в суде не рискнули бы предъявить. Впрочем, Станислав Казимир еще долго не мог успокоиться, заявляя о том, что брак его дальней родственницы является незаконным, а курфюрст Бранденбургский — каналья и мошенник.

После венчания Людвика Каролина осталась жить с мужем в Берлине. Так как замужняя женщина считается совершеннолетней независимо от того, каков ее возраст на самом деле, тринадцатилетняя маркграфиня Бранденбургская (именно таким теперь был ее титул) должна была принять из рук опекунов все дела по управлению своими имениями. Теперь все самые важные и ответственные решения принимались только с ее согласия и одобрения. И несмотря на свои юные годы, сиротка Людхен вела дела так, что поводов для неудовольствия у ее подданных не возникало. Из Берлина маркграфиня посылала своим управляющим письма, полные беспокойства и заботы о жителях Слуцка, Копыля, Копыся, Любчи, Кейданов, Бирж, Койданова, Смолевич, Невеля, Себежа — городов, которые находились в ее владениях. Иногда жители этих мест приезжали с прошениями и ходатайствами прямо в Берлин и возвращались домой довольные и веселые. Общение с обаятельной, умной, внимательной госпожой, которая быстро и без проволочек решала все их проблемы, было неизменно приятным.

В 1687 году Людвика Каролина овдовела. Не успев снять траур, она вновь оказалась в центре отвратительной круговерти жадных до ее богатств людей. Баденский герцог Людвиг, фельдмаршал австрийского императора Карл де Камерц, влиятельный в кальвинистских кругах Людвиг Ганноверский и даже брат ее покойного мужа Филипп Бранденбургский просили руки молодой вдовы. Но самым настойчивым был король Речи Посполитой Ян Собесский.

Как только до Варшавы дошла весть о вдовстве Людвики Каролины, Собесский вновь вспомнил, какие богатства принадлежат ей в Великом княжестве Литовском (их с замужеством княжны считали перешедшими во владение к немцам и потерянными для Речи Посполитой). На этот раз он принял решение женить на ней королевича Якуба во что бы то ни стало. Теперь короля поддерживали почти вся Польша и Литва, в том числе и Радзивиллы.

Будучи номинально вассалом Речи Посполитой, курфюрст Бранденбургский, который вновь должен был решить судьбу Людвики Каролины (уже не как опекун, а как свекор), не решился отказать королю. Он дал разрешение на обручение овдовевшей невестки.

25 июля 1688 года партия Собесского настояла на подписании Людвикой Каролиной контракта, согласно которому она потеряет права на все свои имения, если по какой-либо причине откажется венчаться с королевичем Якубом. Молодая вдова сделала это под большим нажимом, потому что сердцем ее уже владел другой человек — пфальцграф Нейбургский Карл Филипп. Он покорил Людвику Каролину своей интеллигентностью, живым умом, изысканностью манер и тонкостью вкуса. Пфальцграф сумел всего за несколько встреч осушить слезы вдовы, которая казалась безутешной. Людвика Каролина поняла, что ее чувства к покойному мужу были просто детской влюбленностью. Скрывавший под налетом галантности и степенности страсть и темперамент, Карл Филипп был из тех мужчин, перед которыми трудно устоять.

Вдовая маркграфиня и нейбургский пфальцграф тайно встречались в доме австрийского посла. Там, тщательно обсудив вдвоем все обстоятельства, мешающие им соединиться и быть счастливыми, они решили, что будуг бороться за свою любовь и шансы победить у них есть.

10 августа 1688 года Людвика Каролина и Карл Филипп тайно обвенчались. После этого они договорились с Сапегами — главными конкурентами Радзивиллов — за 60 тысяч талеров быть защитниками их прав на сейме, который король поспешит созвать, как только узнает о замужестве Людвики Каролины.

Сапеги сделали даже больше. В то время, как магнаты и шляхта Речи Посполитой собрались на сейм, гетман Казимир Ян Сапега окружил Слуцк верными ему войсками. В зал заседаний он явился веселый и гордый своей находчивостью. И когда король Ян Собесский объявил решение о конфискации имений Людвики Каролины в пользу государства, гетман встал и сообщил ясновельможным панам, что без боя взять Слуцк им не удастся. После взрыва негодования, злобной перебранки и попыток образумить мятежного Сапегу Яну Собесскому пришлось отменить свой указ.

Так Людвика Каролина осталась владелицей отцовского наследства и слуцкой княгиней.

Нейбургская пфальцграфиня сделала очень много хорошего для своих белорусских подданных. Живя с мужем в Гейдельберге, столице его пфальца, Людвика Каролина уделяла большое внимание просвещению и образованию случчан. Защищала права православных, на которые посягали приверженцы униатства. Но будучи протестанткой, всеми силами поддерживала также и реформаторское движение. Пфальцграфиня была опекуншей кальвинистских церквей Слуцка, Минска и Койданова. Она считала необходимым, чтобы ее подданные имели возможность пользоваться услугами широкообразованных пасторов-кальвинистов И чтобы эти пасторы не были чужеземцами. На ее деньги были установлены двенадцать стипендий в Кенигсбергском университете для белорусских студентов, которые обучались на богословском факультете .

Чтобы увеличить количество высокообразованных людей из числа своих белорусских подданных, Людвика Каролина предоставляла денежную помощь способным к наукам юношам, выпускникам Слуцкой кальвинистской гимназии. Эти деньги использовались для продолжения обучения на более высоком уровне в Оксфорде, Берлине, Франкфурте-на-Одере. В родной город молодые люди возвращались дипломированными специалистами — математиками, врачами, адвокатами, архитекторами, биологами и географами.

Людвика Каролина мечтала превратить свои белорусские владения в княжество, где процветали бы науки, искусство. Возможно, в какой-то мере этой женщине, целеустремленной, настойчивой, умной, и удалось бы осуществить свои мечты, если бы судьба отпустила ей хотя бы сорок лег жизни. Но нейбургская пфальграфиня умерла 23 марта 1695 года, когда ей было всего двадцать восемь лет.

Это случилось так. Подарив мужу трех дочерей, Людвика Каролина родила долгожданного мальчика. Но повивальная бабка оказалась женщиной неопытной и нерасторопной. Обрадовавшись тому,

что у пфальцграфа наконец-то появился сын, и уже предвкушая, как счастливый отец одарит ее за это, бабка кинулась к купели обмывать новорожденного. Она упустила момент, когда нужно было помочь роженице. Наконец увидев, что пфальцграфиня умирает, повивальная бабка бросилась спасать ее. Но было уже поздно. Людвика Каролина умерла, а ее сын, оставленный в купели, захлебнулся.

В 1744 году белорусские владения нейбургской пфальцграфини выкупили у ее потомков Несвижские Радзивиллы.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

О том, как принцесса получила в дар от влюбленного юноши сто сонетов

Погожим майским утром 1687 года по старой наезженной дороге по направлению к австрийской столице скакали два всадника. Одежда их была скромна, но золотые пряжки на ремнях и шляпах, а также изукрашенные ножны шпаг выдавали знатное происхождение. Путники были молоды и веселы. То и дело кто-нибудь из них запевал песню или звонко смеялся. Это возвращались из заморского вояжа на родину братья Радзивиллы — девятнадцатилетний Ежи Юзеф и восемнадцатилетний Кароль Станислав, сыновья несвижского князя Михала Казимира.

Три года назад по старинному шляхетному обычаю мать выправила их за границу, дабы посмотрели недоросли, как живут люди в других странах, да набрались знаний в лучших университетах Западной Европы.

Впрочем, одной учебой обязанности братьев в Европе не ограничивались. Король Ян Собесский доверил молодым людям ответственную миссию. Они должны были присмотреть за границей невесту для наследника государя Речи Посполитой, королевича Якуба. Собесский выдвинул единственное условие: «Девушка должна быть настоящей принцессой, представительницей старинной королевской династии». Но именно это условие делало задание короля особенно трудным.

Каких только высокородных девушек ни встречали во время своего путешествия братья Радзивиллы! Были среди них юные и прекрасные, немолодые и с заурядной внешностью, заносчивые и гонористые, а также милосердные и благочестивые. Но настоящих принцесс крови, дочерей и сестер правящих монархов, которые были бы достаточно взрослыми для вступления в брак и еще непросватанными, оказалось до обидного мало. Французский двор мог предложить лишь герцогинь, находящихся с королем в весьма отдаленном родстве. Английский король Якоб II Стюарт на специально организованном для этого приеме представил трех возможных невест. Из них одна оказалась некрасивой старой девой, единственным увлечением которой было чтение Библии; другая, хилая и болезненная вдова, не без оснований считалась бесплодной; третья была хороша собой, но без памяти влюблена в юного графа, своего жениха.

Якоб II намекнул, что мог бы расторгнуть при необходимости это обручение, но Ежи Юзеф, старший из братьев Радзивиллов, категори-

чески отказался. Он был максималистом и искренне желал своему королевичу счастья. А его, как известно, невозможно построить на чужом несчастье.

Чуть было не удалось сосватать для Якуба Собесского португальскую инфанту, которая, по свидетельству современников, была красива, умна и нежна, «как утренняя роза». Но королевич вдруг ни с того ни с сего заупрямился и отослал отцу девушки, королю Педро II, официальный отказ.

Размышляя над непостижимой изменчивостью человеческой натуры и над тем, как судьба зависит иногда от минутного настроения, братья возвращались домой. Они не выполнили поручение короля, но государь не был зол на них, даже наоборот. Через своего курьера Ян Собесский передал молодым Радзивиллам благодарность и сообщил о присвоении старшему брату Ежи Юзефу «в награду за выполнение миссии дипломатической» придворной должности подчашего литовского, а младшему, Каролю Станиславу, — конюшего литовского.

«Путешествие заканчивается, и больше никаких приключений,» — со вздохом сказал Ежи Юзеф, обращаясь к Каролю Станиславу. В это время с ними поравнялась богатая карета с гербами, окна которой были занавешены. На большой скорости карета промчалась мимо молодых людей, обдав их пылью, и скрылась за поворотом. Любопытные Радзивиллы решили узнать, кому она принадлежит, и пришпорили коней. Братьям удалось догнать таинственный экипаж, и они громко окликнули кучера. Но тот был или абсолютно глухой, или получил строгий наказ от своих господ не останавливаться в пути ни в коем случае. Тем не менее в окне кареты чуть дрогнула занавеска, в образовавшуюся щель высунулся хорошенький носик и сверкнул веселый глаз.

Еще через пару миль преследователи получили возможность познакомиться с хозяйкой экипажа, которая наконец приказала кучеру остановиться. Она была хороша собой, смешлива и свежа, как только может быть полная сил особа шестнадцати лет. Звали ее Элеонора, и она была принцессой.

Немецкие принцы, к которым принадлежал и отец Элеоноры Иоганн Ангальт-Дессау, зачастую владели таким малым количеством земли, что их «государства» на карте Европы приходилось долго искать и рассматривать с помощью увеличительного стекла. Они были небогаты, что вынуждало их служить при дворе более влиятельных и обеспеченных принцев. Отец Элеоноры был министром при бранденбургском дворе. Будучи гостем маркграфини Бранденбургской, Людвики Каролины из Радзивиллов, своей кузины, Ежи Юзеф два

года назад был представлен Иоганну Ангальт-Дессау. Но несмотря ни на что, он оставался принцем крови, а значит, Элеонора была настоящей принцессой.

Но вовсе не это обстоятельство привлекло в неожиданной попутчице (оказалось, что они едут в одну сторону) Ежи Юзефа. Придирчиво оценивая достоинства английских принцесс, восхищаясь величественной красотой Изабеллы Португальской, Радзивилл никогда ранее даже в мыслях не допускал, что может встречаться с принцессой где-нибудь в старом парке под луной, страстно целовать ее, шептать на ушко ласковые безумные слова. Нет, молодой Радзивилл, конечно, не считал себя недостойным руки принцессы, он был достаточно высокороден и мог жениться на дочери короля или герцога. Но все принцессы, которых он видел до этого, казались ему безжизненными изваяниями. Им можно было поклоняться, но не любить со всей глубиной человеческой страсти.

Элеонора Ангальт-Дессау была не такой. Жизнь и энергия бурлили в ней, заставляя то и дело нарушать неосторожными поступками или словами чопорный этикет, придуманный очень давно для людей ее сословия, чтобы отделить их от остальных, обособить. И это восхищало Ежи Юзефа. Глядя на нее, беседуя с нею, он не мог противиться неведомому ранее сладостному чувству, которое ширилось и разрасталось, наполняя сердце радостью.

А что же хорошенькая Элеонора? Она ничем не выдавала своих чувств, даже осторожные намеки Ежи Юзефа оставались без ответа.

Сопроводив принцессу до Вены, братья Радзивиллы направились во Вроцлав. Прибыв туда 1 июля 1687 года, Ежи Юзеф после некоторых раздумий решил написать Людвике Каролине письмо. Он просил осторожно разузнать, не просватана ли принцесса Элеонора Ангальт-Дессау, а если нет, то насколько благосклонно отнесутся ее родители к тому, что он сделает ей предложение. Ежи Юзеф знал, что Людвика Каролина недавно стала вдовой, похоронив своего супруга маркграфа Бранденбургского Людвига, и предполагал, что его просьба может оказаться некстати. Но другого человека, которому он доверился бы и который мог помочь ему в этой ситуации, он не знал.

Ответ, пришедший из Берлина, взволновал молодого Радзивилла до глубины души. Людвика Каролина сообщала, что еще в конце 1686 года по просьбе матери Ежи Юзефа княгини Катажины она имела разговор с Иоганном Ангальт-Дессау как раз о замужестве принцессы Элеоноры. Предварительное согласие на брак Ежи Юзефа с девушкой уже есть. Людвике Каролине очень приятно, что вкусы матери и сына

в столь щекотливом вопросе счастливо совпали, так как и ей самой кажется — лучшей партии для кузена во всей Европе не сыскать.

Ежи Юзеф не находил ответа на вопрос, как могло взбрести в голову его матушке так поспешно и без согласования с ним сватать его. Людвика Каролина тем не менее сочла нужным предупредить кузена, что сейчас, вероятно, Катажина и ее брат король будут настаивать на скорейшем венчании Ежи Юзефа. Всему виной подозрительность Яна Собесского.

Узнав о том, что Людвика Каролина овдовела, и приняв во внимание, что вдова маркграфа Бранденбургского тоже является принцессой, Собесский надумал сосватать ее своему сыну Якубу. Но, зная о том, как радушно был принят Людвикой Каролиной в Берлине два года назад Ежи Юзеф, король почему-то решил, что теперь молодой Радзивилл станет в ущерб интересам его сына добиваться руки своей кузины, которая была всего на год старше его. Скорейшая женитьба молодого Радзивилла — единственное, что могло успокоить короля.

Теперь Ежи Юзеф понял, почему изменилось выражение лица принцессы Элеоноры, когда он назвал ей свое имя. Она уже знала, за кого отец обещал выдать ее, и не могла понять, почему князь Радзивилл не хочет говорить с ней о будущей свадьбе напрямую. Вероятно, даже их встреча в дороге представлялась ей неслучайной. Но как теперь объяснить девушке, что его чувства к ней — не просто уважение человека, собирающегося заключить выгодный во всех отношениях династический брак, а нечто более возвышенное и значимое? Ежи Юзеф взял перо и бумагу.

Его послание Элеоноре было так неожиданно прекрасно, что не откликнуться на него чувствительное девичье сердце не могло. Странствуя по Европе, старательно записывал романтичный Ежи Юзеф в разных землях стихи, поразившие его воображение. Сейчас он выбрал из своих тетрадок сто самых лучших сонетов о любви. Сто сонетов, написанных поэтами почти на всех языках Европы, — таким был дар влюбленного юноши.

«Был день, в который, по Творце вселенной
Скорбя, померкло Солнце... Луч огня
Из Ваших глаз врасплох настиг меня:
О госпожа, я стал их узник пленный!» —

шептал он ей вслед за Петраркой на итальянском.

«Заря во взгляде Вашем зажжена:
Он проникает в сердце, зренье раня.
Увидеть Вас и не ослепнуть — дани

Законной Вам не уплатить сполна», —
заверял он ее вместе с Луисом де Камоэнсом на португальском.

«До той поры, как в мир любовь пришла
И первый свет из хаоса явила, —
Несозданны, кишели в нем светила
Без облика, без формы, без числа.
Так, праздная, темна и тяжела,
Во мне душа безликая бродила,
Но вот любовь мне сердце охватила,
Его лучами глаз твоих зажгла», —

пел он ей «Песнь песней» словами французского поэта Ронсара.

«Мой глаз и сердце издавна в борьбе:
Они тебя не могут поделить.
Мой глаз твой образ требует себе,
А сердце в сердце хочет утаить», —

признавался вместе с Шекспиром на английском.

«Все позабыв, жить именем одним,
Быть нежным, грубым, яростным, смиренным,
Веселым, грустным, скрытным, откровенным,
Ревнивым, безучастным, добрым, злым.
В обман поверив, истины страшиться,
Пить горький яд, приняв его за мед,
Несчастья ради счастьем поступиться,
Считать блаженством рая тяжкий гнет, —
Все это значит — в женщину влюбиться:
Кто испытал любовь, меня поймет», —

провозглашал Ежи Юзеф по-испански, повторяя строки самого любимого своего поэта Лопе де Вега.

Принцесса Элеонора Мария Ангальт-Дессау стала супругой князя Ежи Юзефа Радзивилла 13 сентября 1687 года.

Что было потом? Была жизнь. Хотелось бы сказать, что радостная, но зачем лгать? Впрочем, была любовь, возвышающаяся над всем прочим, как поэтическая строка над прозой жизни, любовь, о которой помнят, забыв и отринув от себя все иное.

В 1688 году Элеонора родила девочку, которую назвали Катажиной Генрикой. Увы, новорожденная умерла через несколько дней после крещения. Супруги надеялись, что у них будут еще дети, но этому не суждено было исполниться. Всего через год с небольшим, после того как Ежи Юзеф привез завоеванную им принцессу в свой замок, в ночь со 2 на 3 января 1690 года он скоропостижно скончался.

Похоронив своего любимого, Элеонора Ангальт-Дессау вернулась на родину. Но, вопреки ожиданиям родителей, она отказалась связать свою судьбу с другим мужчиной. Принцесса жила, бережно храня воспоминания о своей единственной, самой прекрасной, самой восторженной любви. Она не сняла со своей головы траурной вуали до самой смерти. Вдовство ее длилось шестьдесят семь лет…

РАССКАЗ ТРИДЦАТЫЙ

О том, как рождаются легенды

Среди белорусских городов, наверное, самую загадочную, самую таинственную историю имеет Несвиж. В хронику ни одного другого города, будь то Полоцк или Минск, Гродно или Новогрудок, Брест или Пинск, не вплетено столько прекрасных легенд и преданий, героями которых являются реально жившие когда-то люди. Отделить исторический факт от поэтического вымысла в случае с Несвижем — задача не такая уж сложная. Однако до сих пор ни один исследователь белорусской старины, является ли он молодым и увлекающимся человеком или степенным и педантичным старцем от науки, не обходился в своих работах без пересказа несвижских легенд. Без них, без этого романтического флера, который соткан многими поколениями жителей Несвижа, влюбленных в свой город, из повествования исчезает что-то важное и нужное.

Рассказывая: о несвижском князе Кароле Станиславе Радзивилле, мы также прикоснемся к загадочному миру легенд и преданий. Но, оказываясь в пограничье между реальностью и вымыслом, будем честно предупреждать об этом читателя.

Необыкновенная история, которую мы хотим поведать, началась так, как могла бы начаться увлекательная романтическая повесть. Старая хозяйка Несвижа Катажина Радзивилл, в девичестве Собесская, страдающая бессонницей, в одну из летних ночей 1692 года вышла из замка прогуляться и совершенно неожиданно для себя стала свидетельницей тайной встречи своего младшего сына, двадцатитрехлетнего Кароля Станислава, с девушкой незнатного происхождения. История умалчивает о том, кто она была. Известно лишь имя — Анна, Аннуся. Мало ли с кем заводят любовные игры богатые господа! Многочисленные простолюдинки, пассии королей и князей, графов, маркизов и баронов минувших времен, проходят безымянной чередой в их жизнеописаниях, редко обретая для нас хоть какой-нибудь зримый облик. Они, кротко дарившие свою любовь мужчинам, разделенным с ними сословными предрассудками, вполне довольствовались самой скромной ролью и почти никогда не влияли на поступки своих высокородных любовников. Вызывая время от времени легкую досаду у жен, такие связи знатных людей обычно не волновали их матерей.

Но старуху княгиню очень встревожило то, что ее сын увлекся девушкой из народа. Дело в том, что Кароль Станислав вознамерился,

восстав против правил и традиций своего сословия, обвенчаться с Аннусей и сделать ее княгиней Радзивилл. Мать решила во что бы то ни стало вырвать сына из объятий наглой плебейки.

И вот всего через несколько недель, в святое воскресенье, перед самым началом утренней мессы в костеле Катажина Радзивилл неожиданно для всех поднялась со своего места и обратилась к присутствующим: «Мне стало известно, что сын мой, Кароль Станислав, влюблен в некую юную особу, которую мечтает видеть своей супругой. Быть может, он давно привел бы в наш замок молодую хозяйку, если бы не боялся моего несогласия и моей к ней нелюбви. Но может ли мать быть счастлива, если ее сын несчастлив? Поэтому сегодня я заявляю о моем согласии с выбором Кароля Станислава. И если я могу чего-нибудь потребовать, то это немедленное венчание с той, которую он выбрал. Она сегодня среди нас, в храме. Ее имя Анна».

Эффект неожиданности сработал как нельзя лучше. Молодой князь растерялся и позволил матери проделать с ним то, что, наверное, в другой ситуации вызвало бы его возмущение. Старая княгиня быстро выдернула из ряда сидящих на первой, господской, скамье в костеле свою дальнюю родственницу Анну Сангушко, вот уже несколько дней гостившую в Несвиже, и подвела ее к сыну. Еще мгновение — и руки молодых людей оказались соединенными.

«Согласен ли ты, сын мой, взять в жены эту женщину? » — спросил подготовившийся заранее к обряду венчания ксендз.

Кароль Станислав был вынужден пожертвовать своей любовью, чтобы в присутствии многих людей не пострадала честь его матери, девичья честь шляхтянки Анны Сангушко, а также честь всего рода Радзивиллов. Он сказал роковое «да», которое навсегда разлучило его с любимой и соединило с нелюбимой.

Князь, любимая и нелюбимая... Призраки этих троих народная фантазия заставила в дальнейшем блуждать по ночному Несвижу. Три прекрасные легенды о дальнейшей судьбе каждого из них передаются из столетия в столетие в народе. Вот одна из них о Кароле Станиславе.

Говорят, будто князь прославился в дальнейшем на государственной службе как самый честный из советников короля. За это Кароль Станислав был поставлен над всеми литвинами судьей. И был он так неподкупен, а суд его так справедлив, что боялись виновные быть призванными им к ответу. Иногда добивался князь признания ими своей вины, бросив в их сторону просто грозный взгляд.

Узнав о способностях Кароля Станислава распознавать виновных, к нему однажды обратилась с просьбой немецкая принцесса Гед-

вига Элизабета, которая безрезультатно пыталась найти пропавшее обручальное кольцо, присланное в подарок ее женихом, королевичем Якубом Собесским. Узнав необходимые подробности, князь попросил принцессу устроить встречу с тремя из десяти фрейлин, наиболее близкими ей девушками. «Только сделать это следует так, — предупредил он, — чтобы те не подозревали ничего дурного и думали, будто я приглашен ради приятного времяпровождения».

И вот в неофициальной обстановке между играми и шутками рассказывает князь такую историю. Некая принцесса до замужества увлеклась одним небогатым дворянином. Будучи излишне пылкой и страстной, она поклялась ему, что именно он станет первым ее мужчиной. Но вскоре родители выдали ее замуж за равнодостойного принца, который сумел пробудить в ней настоящую любовь. Тем не менее принцесса не стала скрывать от молодого супруга своей клятвы, и тот велел ей не гневить небеса и исполнить ее, проведя первую брачную ночь у того, кому она поклялась.

Принцесса собралась, надела лучший свой наряд и отправилась к бедному дворянину. В пути ей повстречались разбойники, которые потребовали отдать им дорогую одежду и все те бесценные украшения, которые принцесса имела неосторожность на себя нацепить. «Я отдам вам все, но позже», — взмолилась девушка. Она рассказала, куда и зачем идет, и разбойники отпустили ее, сказав, что будут поджидать ее здесь, чтобы ограбить на обратном пути. После разбойников принцессу схватил наемный убийца, который давно искал возможности расправиться с нею, чтобы расстроить политический союз ее отца, короля, и мужа. Ему девушка также рассказала, куда идет. И тот, взяв с нее слово, что на обратном пути она придет к нему принять из его рук смерть, отпустил ее.

Увидев свою возлюбленную, бедный дворянин был потрясен тем, что она умеет держать свое слово, и великодушно позволил ей отправиться к мужу, попросив лишь один поцелуй на память.

На обратном пути принцесса остановилась там, где поджидал ее убийца, но тот не стал лишать ее жизни, так как решил, что такая достойная женщина не заслуживает смерти. Не ограбили ее и разбойники. Им было боязно оскорбить ту, которая казалась теперь чуть ли не святой.

«Кто же был благороднее всех по отношению к принцессе?» — закончив свой рассказ, спросил Кароль Станислав.

Первой ответила Гедвига Элизабета. Она сказала, что благороднее всех — муж героини. Мнения фрейлин разделились. Одна из них

доказывала, что самый благородный из всех — возлюбленный принцессы, другая хвалила убийцу, третья — разбойников.

«Ты украла у своей госпожи кольцо», — внезапно сказал, указав на эту, последнюю, князь Радзивилл. Та упала на колени и повинилась.

Выслушав благодарность Гедвиги Элизабеты, Кароль Станислав заметил, что эта фрейлина — не самая большая преступница в ее окружении. Та дама, которая похвалила возлюбленного принцессы, без сомнения, делает все возможное, чтобы отобрать у Гедвиги Элизабеты королевича Якуба. А та, что восхищалась убийцей, подкуплена врагами принцессы и готовится убить свою госпожу. За фрейлинами тут же стали следить верные Гедвиге Элизабете люди, и вскоре обнаружилось, что догадки Кароля Станислава верны.

Была ли на самом деле такая история в жизни князя Радзивилла? Ни один из документов прошлого, включая мемуары и письма современников Кароля Станислава, этого не подтверждает. Действительно, несвижский князь снискал уважение короля и шляхты тем, что в сложнейших политических ситуациях стремился занять нейтральную позицию и, находя положительные моменты в поведении и поступках каждой из вступивших в противоборство сторон, старался с высоты своего авторитета примирить их. Несвижская шляхта питала вполне заслуженные симпатии к князю, который, по словам современного польского исследователя А.Рахубы, «выглядел в их глазах всегда правым и справедливым». В знак глубокого уважения его даже называли Юстусом, что в переводе с латыни означает «правдивый». Интересно, что именно от этого латинского слова произошел термин «юстиция» (правосудие).

Но быть верховным судьей в Великом княжестве Литовском — такого права Юстусу никто не давал, да и дать не мог, так как не было ни в XVII столетии, ни ранее, ни позднее такой должности в стране, в которой он жил. Эту функцию в княжестве, как и в Королевстве Польском, выполнял король Речи Посполитой, и наиболее сложные дела поступали на рассмотрение именно к нему. Кароль Станислав получил от своего государя должность не менее, а может быть, даже и более ответственную — он стал канцлером великим литовским. Это была главная светская должность в Великом княжестве Литовском, и приравнять ее можно к теперешней должности премьер-министра.

Что касается принцессы Гедвиги Элизабеты, то нам известно только, что еще до своей женитьбы на Анне Сангушко Кароль Станислав получил от короля Яна Собесского почетное поручение

встретить на границе Речи Посполитой свадебный кортеж невесты королевича Якуба и сопроводить ее в Варшаву.

Гедвига Элизабета была близкой родственницей нейбургского пфальцграфа Карла Филиппа, который имел смелость «похитить» сердце слуцкой владетельницы Людвики Каролины, руки которой добивался Якуб Собесский. Не желая враждовать с Речью Посполитой из-за принцессы Людвики, Карл Филипп предложил королевичу Якубу сватать принцессу Гедвигу. Выполнив получение государя, Кароль Станислав имел честь на правах одного из самых почетных гостей участвовать в пышной свадебной церемонии. Но впоследствии его взаимоотношения с Гедвигой Элизабетой ограничивались лишь действиями, связанными с соблюдением дворцового этикета.

Не менее странно звучит в изложении народных сказителей история жизни супруги Кароля Станислава Анны Сангушко. В браке она была несчастлива, как утверждает легенда. Злой рок преследовал ее за тот обман, который она позволила себе, желая стать женой молодого Несвижского князя. Все дети, которых она родила, умирали один за другим. Одиннадцать маленьких гробиков довелось со слезами и стонами сопроводить бедной княгине из замка в родовую усыпальницу Радзивиллов.

Удар за ударом преследовали несчастную мать. Она облачилась в траурные одежды, чтобы не снимать их до самой смерти. День ее проходил в непрестанных молитвах, а ночь... Ночью горестная княгиня обращалась в зловещую птицу-плакальщицу — сову. В этом облике прилетала она туда, где в костеле в склепе Радзивиллов лежали потерянные ею навсегда дети. И тогда пронзительно-жалобные крики оглашали окрестности храма.

Реальным в этом повествовании является лишь то, что в фамильной усыпальнице Радзивиллов рядом с гробом княгини Анны Сангушко лежат одиннадцать маленьких детских гробиков. Страдалице довелось пережить и двух своих взрослых детей — двадцатилетнего Миколая Криштофа, похороненного недалеко от братиков и сестричек, и Катажину, успевшую выйти замуж за графа Браницкого.

Но все же жизнь княгини не была безнадежно горестной. Два ее сына, Михал Казимир и Героним Флориан, а также дочери Констанция, Текля и Каролина выжили.

Кстати сказать, небесам вовсе не за что было наказывать Анну Сангушко, потому что в истории с женитьбой Кароля Станислава она была такой же жертвой, как и он. Рано осиротевшая дочь старосты суражского князя Геронима Сангушко, свое детство княжна провела при монастыре, откуда королева Речи Посполитой Мари д'Аркьен

взяла девушку к себе, сделав придворной дамой, как только ей исполнилось шестнадцать. Однако при дворе Анне долго находиться не пришлось. Всего через год вдова князя Михала Казимира Радзивилла Катажина, сестра короля Яна Собесского, пригласила ее в Несвиж на несколько недель. Родство между Анной Сангушко и несвижской княгиней Катажиной было довольно далеким — отец Анны приходился двоюродным племянником покойному мужу Катажины. Но вдовствующая княгиня вела себя с сиротой так, будто являлась ей самой близкой и самой любящей родственницей. И Анна поверила в доброту хозяйки несвижского замка.

Однажды вечером Катажина вошла в спальню гостьи и как бы между прочим попросила надеть утром самое красивое из ее платьев и более тщательно, чем обычно, причесаться, поскольку завтра ей надлежит присутствовать на венчании. Анна не решилась спросить, чье венчание ожидается, и выполнила требование властной родственницы. Только в костеле, когда молодой князь Кароль Станислав оказался подле нее у алтаря, девушка поняла, что венчание это — ее собственное.

Ей суждено было прожить нелюбимой женой с нелюбимым мужем двадцать семь лет и овдоветь сорокачетырехлетней. Повторно в брак она не вступала. Оказавшись свободной, она нашла себя в другом — на поприще, в то время очень необычном. Анна стала одной из самых первых предпринимательниц в Речи Посполитой.

Княгиня строила в своих имениях мосты, дамбы, мельницы, постоялые дворы. Во многих поместьях появились коровники по голландскому образцу, где вдова завела породистых животных. Она создала на территории Беларуси и Польши ряд мануфактур и ремесленных предприятий, деятельность которых лично контролировала. Наладила производство ковров и гобеленов в Несвиже, Кореличах, Белой. Основала в Налибоках стекольный завод, где изготавливалась столовая и хрустальная посуда. В Уручье возле Слуцка княгиня открыла фабрику, на которой шлифовали зеркала. В Слуцке появилась суконная фабрика, в Яновичах Ошмянского уезда — мастерская по обработке драгоценных камней. Ими потом украшали эфесы холодного оружия, вазы, табакерки и даже бильярдные кии. В поместье Белая на Белосточчине по распоряжению княгини появились мастерские по изготовлению фарфора, лучших сортов сукна, а также ювелирных украшений, зонтиков, изразцов и мебели в китайском стиле.

Очень скоро и без того богатая женщина, княгиня Анна превратилась в самую могущественную госпожу в Великом княжестве Литовском. Казалось, она жила, наслаждаясь своей властью над

людьми, купаясь в роскоши и, как райским песнопениям, внимая льстивым речам менее удачливых соседей. Но горечь от многочисленных утрат постоянно жила в ее сердце. Умирая в 1747 году, Анна Радзивилл завещала окружить ее гроб в усыпальнице Радзивиллов гробиками одиннадцати своих рано умерших детей, «чтобы они больше не боялись холода и темноты».

А как сложилась судьба Аннуси, незнатной тезки княгини, возлюбленной Кароля Станислава? Увы, о ней повествует лишь легенда, которая утверждает, что сразу же после венчания молодого князя девушка постриглась в монахини, приняв имя Мария. Говорят, у нее был удивительной красоты голос, благодаря этому она стала украшением хора святых сестер-бенедиктинок. Можно представить себе, каково было Радзивиллу видеть свою несчастную возлюбленную во время праздничных богослужений, в которых доводилось участвовать и монахиням-хористкам, и слышать под сводами Несвижского иезуитского костела волшебный голос, возносящий светлые молитвы обо всех согрешивший и раскаявшихся Творцу вселенной и Деве Марии.

Легенда утверждает, что сестра Мария не пережила смерти своего любимого. Ее сердце перестало биться с первым ударом погребального колокола, зазвонившего в костеле иезуитов по безвременно почившему князю Каролю Станиславу.

Спустя 116 лет, в 1825 году, австрийский композитор Франц Шуберт под впечатлением истории любви несвижской монахини сестры Марии, которая будто бы была рассказана ему заезжим поляком, написал свою знаменитую «Аве Мария».

Итак, легенды... На их создание народ вдохновляют драматизм реальных судеб, красота настоящих человеческих чувств, недосказанность самых важных слов.

Мы такие, какие мы есть. Созданные по образу и подобию Божьему, люди всегда стремились приукрасить окружающий мир. Благодаря пылкому воображению наших предшественников по ночному Несвижу летает в облике печальной совы неприкаянная душа княгини Анны Сангушко, блуждает, леденя пронзительным взглядом сердца людей, замышляющих недоброе, призрак «черного судьи» Кароля Станислава, рвется в небеса, отражаясь от стен и сводов несвижского иезуитского костела, чудный голос монахини Марии, навечно поселившийся после ее смерти в этом храме...

Но некоторым из нас дан более редкостный дар — превращать в легенды собственную жизнь, возводить в ранг «песни песней» свою любовь. Такие люди рождались и жили в каждом столетии. О них мы

рассказали в этой книге, надеясь, что пример Богуслава Радзивилла и Яна Казимира Вазы, Констанции Юдицкой и Элеоноры Ангальт-Дессау, Ивана Заруцкого и Яна Собесского вдохновит сегодняшних влюбленных на подвиги, не менее прекрасные, и чувства, не менее вечные.

ЛИТЕРАТУРА

Арлоў У. Таямніцы полацкай гісторыі. Мн, 1994.
Багадзяж М. Ахвяра нагавору // Алеся, 1998, №11.
Багадзяж М. Мяцежны гетман // Сыны зямлі беларускай. Ми., 2002.
Багадзяж М. На адным беразе ракі жыцця // Алеся, 2001, №11.
Бандышъ-Каменский Д.Н. Исторія Малой Россій отъ водворенія славян въ сей стране до унйчтоженія гетманства. СПб.; Кіевь; Харьков, 1903.
Валишевский К. Марысенька, королева Польши. М., 1989.
Васильева Л.Н. Жены русской короны. М., 1999. Кн. I.
Велика історія Украінй від найдавнішйх часів: У. 2 т. / Під пед. М.Голубця. Киів, 1993. Т.2.
Волоцкий М. Хроника рода Достоевских. М., 1993.
Гісторыя Беларусі ў двух частках / Пад рэд. Я.К.Новіка, Г.С.Марцуля. Мн. 1998. Т. 1.
Грицкевич А.П. Древний город на Случи. Мн., 1985.
Грицкевич В.П. С факелом Гиппократа. Из истории белорусской медицины. Мн., 1987.
Грушевскій М. Іллюстрйрованная йсторія Украины. СПб., 1913.
Грыцкевіч А. Ян Сабескі (1629-1696), кароль Польскі і Вялікі князь Літоўскі ад 1674 г. // Культура, 1994.
Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусь Мн., 1994.
Дубатоўка В. Архіпелаг Сапегаў. Гістарычныя нарысы. Мн., 2002.
Дыярыюш Князя Міхала Казіміра Радзівіла, ваяводы Віленскага, гетмана Вялікага Вялікага княства Літоўскага // Спадчына. 1994. № 4-5; 1995. № 1-3.
Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII века. Л. 1982.
Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк. IX-середина XVIII в. М., 1992.
Каралюк В.Д. История Польши. М., 1952. Т. I.
Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Т. IX-XII.
Карповіч Т.К. Другое нараджэнне партрэтаў з Нясвіжа і Гродні. Мн. 1981.
Конйскій Г. Йсторія русовъ или Малой Россій. М. 1846.
Кріп'якевіч П. Історія Украінй. Львів, 1993.
Марцінкевіч А. Ля Каменкі бруістай. Мн., 1992.
Масленицына И., Богодзяж Н. Радзивиллы — несвижские короли. Мн., 1997.
Масленицына И.А. Кавалеры и дамы белорусского ренессанса. Мн., 2000.
Масляніцына І. Ахвяра праклёну // Алеся. 2001. № 8.
Масляніцына І. «Ізольда» з Нясвіжскага замка // Алеся. 2001. № 3.
Масляніцыпа І. Нейбургская пфальцграфіня // Масленицына І., Багадзяж М. Слава і няслаўе. Мн., 1995.
Масляніцына І. Царыца на дзевяць дзён // Масляніцына І., Багадзяж М. Слава і няслаўе. Мн., 1995.
Митрополит Иларион (Іван Огіенко). Князь Костянтіін Отрозький // Житие великих украинцев. Кйів, 1999.
Мяцельская Н. Святыні і скарбы // Слонімскі веснік. 1994. 2 авг.

Нечволодов А. Сказания о русской земле. М., 1991. Т. 4.
Полоньска-Василенко Н. Історія Укра'ши. Кшв, 1995. Т. 1—2.
Родчанка Р. Слуцкая старасветчына (факты і разважанні). Мн., 1991.
Сабатини Р. Встреча с историком (Лжедмитрий) //Собр. соч. Т. 1. СПб., 1993.
Саверчанка І.В. Канцлер Вялікага княства Леў Сапега. Мн., 1992.
Сагановіч Г. Невядомая вайна. 1654-1667. Мн., 1995.
Сафоненка Б. Мінская ледзі Макбет // Чырвоная змена. 1995.
Сачанка Б. Здраднік // Трэцяе вока. Мн., 1992.
Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века Новосибирск 1990.
Сыракомля У. Вандроўкі па маіх былых ваколіцах // Добрыя весці. Паэзія, проза, крытыка. Мн., 1993.
Чаронка В. Уладары Вялікага княства. Мн., 1996.
Чарняўскі М. Правадыр крылатых вершнікаў. Ян Кароль Хадкевіч. Мн., 1998.
Шестаков П. Самозванец. Ростов н/Д, 1990.
Jaroszuk J. Radziwiłł Michał Kazimierz//Polski Słownik Biograficzny. T. 30/2. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1987.
Karkucińska W. Radziwiłłowa Anna z Sanguszki // Polski Słownik Biograficzny. T. 30/3. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1987.
Korrespondencie Jana Karola Chodkiewicza // Biblioteka ordynacyi Krasińskich. T. 1. Warszawa, 1875.
Kotlubaj E. Zycie Janusra Radziwiłła. Wilna-Witebsk, 1854.
Libisowska Z. Ludwika Maria Gonzaga // Polski Słownik Biograficzny. T. 18. Wrocław, 1973.
Mackiewicz S. Dom Radziwiłłów. Warszawa, 1990. Naruszewicz A. Historia Jana Karola Chodkiewicza. T. 1. Warszawa, 1805.
Ochmański J. Historia Litwy. Wroclaw, 1990. Piwarski K. Eleonora Maria Jozefa // Polski Słownik Biograficzny. T. 6. Kraków, 1946.
Plebański J.K. Jan Kazimierz Waza i Maria Ludwika Gonzaga. Warszawa, 1862.
Prsyboś A. Michał Korybut Wiśniowecki. 1640-1673. Kraków, 1984.
Rachuba A. Radziwiłł Jerzy Jozef // Polski Słownik Biograficzny. T. 30/2. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1987.
Rachuba A. Radziwiłł Karol Stanisław // Polski Słownik Biograficzny. T. 30/2. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1987.
Radziwiłł B. Autobiografia. Warszawa, 1979. Rudzki E. Polskie królowy. Zony królów elekcyjnych. T. 2. Warszawa, 1990.
Śliwiński A. Jan Karol Chodkiewicz, hetman wielki Litewski. Warszawa, 1922.
Sobieski J. Listy do Marysieńki. Warszawa, 1970. Wasilewski T. Ludwika Karolina z Radziwiłłów // Polski Słownik Biograficzny. T. 18. Wroclaw; Warszawa; Kraków, 1973.
Wasilewski T. Radziwiłł Bogusław // Polski Słownik Biograficzny. T. 30/1. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1987.
Wasilewski T. Radziwiłł Janusz // Polski Słownik Biograficzny. T. 30/1. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1987.
Wasilewski T. Radziwiłłowa z Wollowieczów Tekla Anna // Polski Słownik Biograficzny. T. 30/3. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1987.

ОГЛАВЛЕНИЕ